

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Прокопьев Пётр Сергеевич

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
АРАБСКИХ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ

5.2.5. Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель

Платонова Ирина Николаевна,
доктор экономических наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Концептуальные основы взаимодействия арабских государств Персидского залива.....	12
1.1 Специфика экономического взаимодействия стран Персидского залива.....	12
1.2 Формы и институты взаимодействия арабских стран Персидского залива.....	29
1.3 Этапы финансово-экономической интеграции стран Персидского залива.....	41
Глава 2 Динамика и направления развития экономической интеграции арабских стран Персидского залива.....	55
2.1 Сравнительный анализ экономических систем стран ССАГПЗ	55
2.2 Особенности современного этапа экономической интеграции стран ССАГПЗ	70
2.3 Характеристика экономической интеграции стран ССАГПЗ	78
Глава 3 Перспективы развития экономической интеграции арабских стран Персидского залива	97
3.1 Оценка возможных сценариев дальнейшей экономической интеграции стран Персидского залива	97
3.2 Вызовы и возможности на пути углубления экономической интеграции стран Персидского залива	117
3.3 Перспективы взаимодействия ССАГПЗ с другими интеграционными объединениями.....	140
Заключение	166
Список сокращений и условных обозначений.....	172

Список литературы	174
Приложение А Результаты теста Йохансена на наличие коинтеграции в основных макроэкономических показателях стран ССАГПЗ..	204

Введение

Актуальность темы исследования – «Экономическая интеграция арабских стран Персидского залива: направления и перспективы развития» – обусловлена стремительными изменениями в конфигурации мировой экономики. Один из наиболее существенных трендов в текущих условиях – это формирование новых экономических полюсов, смещение центров экономического и политического влияния на Глобальный Восток и Глобальный Юг.

В современных условиях арабские страны Персидского залива, занимающие особое положение в мировой экономике и на международных энергетических рынках, продолжают динамично развиваться. Благодаря экономическим и геополитическим факторам они встали на путь углубления экономической интеграции, запустили процессы сближения и гармонизации своих финансово-экономических систем. Подобные изменения происходят в условиях наличия внешних и внутренних вызовов. Однако они сопровождаются и возможностями, ведущими к открытию новых направлений экономической интеграции.

Направленность и динамика экономических процессов на Аравийском полуострове с большой долей вероятности отразятся не только на региональных экономических отношениях, но и на глобальной макроэкономической конъюнктуре в целом, что связано с возрастающим значением арабских государств Персидского залива в современном мире. Интеграция арабских экономик стран региона, изменения в их статусе, безусловно, будут влиять на мировую экономику. Именно это обуславливает актуальность темы исследования.

Отдельно следует отметить актуальность выбранной темы диссертационной работы для российских исследователей и экспертов. Арабские монархии Персидского залива не присоединились к масштабным санкциям в отношении Российской Федерации, введенным «коллективным

Западом», и в целом продолжили конструктивное экономическое и политическое взаимодействие с Россией. С учетом переориентации отечественной экономики на альтернативные рынки роль подобных региональных интеграционных объединений, обладающих колоссальным торгово-экономическим потенциалом, существенно возрастает.

Степень разработанности темы исследования определяется тем важным значением, которое вытекает из влияния региональной интеграции на мировую экономику и углубление процесса глобализации.

Общетеоретическими и методологическими основами исследования интеграционных процессов в регионе Персидского залива стали монографии, научные статьи и аналитические доклады отечественных и зарубежных специалистов, исследующих феномен экономической интеграции и динамику этого процесса в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее – ССАГПЗ).

Концептуальные основы интеграционных процессов заложены в работах Балассу (Балаша) Б., Вайнера Дж., Купера К., Лоуренса Р., Массела Б., Шиира А., Этье У. и др.

Существенный вклад в анализ процессов международной экономической интеграции внесли отечественные ученые Воронина Т.В., Платонова И.Н., Поспелов В.К., Толмачев П.И., Хейфец Б.А., Ушкалова Д.И. и др.

Среди арабских и западных исследователей, работавших над изучением и выявлением специфики экономической интеграции арабских монархий Персидского залива, выделяются Аль-Убайдли О., Каззи Х., Мишриф А., Ток Э., Улриксен К., Хакиман Х., Янг К. и др.

Необходимо особо выделить российских ученых, занимавшихся оценкой перспектив и вызовов развития ССАГПЗ: Кожанов Н.А., Ломакин Н.Н., Русакович В.И., Федорченко А.В., Шкваря Л.В.

Следует отметить, что в отечественной литературе тематика экономической интеграции арабских странах Персидского залива не

относится к числу популярных и ограничивается трудами относительно небольшого круга специалистов-международников. В западной и региональной научной литературе акцент смещен на политические факторы, за редким исключением некоторых работ, имеющих преимущественно эконометрический характер. Анализ перспектив объединения с учетом современных реалий, различные варианты его дальнейшего развития остаются вне поля зрения исследователей. Кроме того, стремительные изменения в мировой и региональной экономике, а также в геополитической конфигурации требуют переосмысления уже имеющихся научных заделов по выбранной тематике исследования.

В связи с этим возникает необходимость актуализированного, более систематизированного и концептуально проработанного анализа экономической интеграции в ССАГПЗ. Именно наличие своеобразного «пробела» в научных трудах подстегнуло интерес к данной теме и стало одним из обстоятельств выбора направления исследования.

Цель работы состоит в определении направлений и перспектив экономической интеграции арабских стран Персидского залива на текущем этапе развития объединения, а также в разработке рекомендаций по повышению эффективности практического взаимодействия объединения с Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС) и Россией.

Интеграционные процессы в рамках ССАГПЗ играют важную роль в экономическом развитии и эволюции стран-участниц объединения. «Расширительный» характер экономической интеграции и его оптимизация в интересах адаптации к современным региональным реалиям поспособствуют более интенсивной всесторонней интеграции и реализации общей повестки не только в финансово-экономической, но и в социальной, политической и энергетической сферах.

Для достижения указанной цели в рамках исследования поставлены следующие **задачи**:

- дать оценку динамике развития экономического взаимодействия арабских стран Персидского залива на современном этапе;
- выявить основные препятствия на пути перехода интеграционного объединения арабских монархий Персидского залива к более высокой стадии экономической интеграции в рамках представлений о «классической» модели экономической интеграции;
- выявить и проанализировать возможные перспективы экономической интеграции арабских стран Персидского залива;
- предложить и обосновать возможные направления повышения эффективности интеграционных процессов арабских стран Персидского залива, а также их взаимодействия с ЕАЭС и Российской Федерацией.

Объектом исследования являются интеграционные процессы арабских стран Персидского залива.

Предметом исследования выступают направления и перспективы развития экономической интеграции арабских стран Персидского залива.

Область исследования диссертации соответствует п. 20 «Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей» и п. 24 «Международная экономическая интеграция» Паспорта научной специальности 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Теоретическая и практическая значимость работы находит отражение в решении поставленных в ней задач и подходах к их раскрытию. Представленные аналитические наработки по вопросам вызовов на пути углубления экономической интеграции стран Персидского залива, а также конкретные возможные пути повышения эффективности этого процесса могут быть использованы специалистами, экспертами и научными организациями для исследования и оценки эффективности интеграционных процессов в рамках различных страновых объединений.

Научные результаты, полученные в ходе выполнения работы, могут быть использованы органами ССАГПЗ, а также ведомствами финансово-экономического блока каждой из стран, входящих в интеграционное объединение, с целью интенсификации интеграционных процессов. Более того, полученные результаты могут найти применение в аналогичных ведомствах России и ЕАЭС в рамках работы по оптимизации внешнеэкономических связей с иностранными партнерами.

Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы студентами и преподавателями в контексте подготовки к занятиям по учебной дисциплине «Мировая экономика и международные экономические отношения», а также в рамках курса «Экономика арабских стран» и других экономических дисциплин регионоведческого уклона.

Методология и методы исследования. В зависимости от характера решаемых задач на разных этапах исследовательской работы применялись как общенаучные, так и специальные методы познания. Среди общенаучных стоит выделить анализ, синтез, дедукцию, аналогию, группировку и систематизацию. Широкое применение нашли специфические методы графического, экономико-статистического, эконометрического и SWOT анализов.

В качестве теоретического фундамента работы были использованы базовые положения классической экономической науки, научно-теоретические исследования и наработки в области мировой экономики, международных экономических отношений и международной экономической интеграции.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретических и практических рекомендаций по повышению эффективности экономической интеграции в рамках ССАГПЗ путем оценки перспектив и возможностей динамики развития этого процесса.

Положения, выносимые на защиту:

1) В результате проведенного эконометрического анализа массива фундаментальных макроэкономических данных на предмет наличия коинтегрированности обоснована нецелесообразность формирования валютного союза в пространстве ССАГПЗ на текущем этапе развития интеграционного объединения с учетом специфики экономик стран-участниц (С.104-111).

2) Предложена альтернативная модель экономической интеграции («горизонтальная» модель), не подразумевающая введения единой валюты, однако предполагающая ситуативную координацию и гармонизацию в отдельных сферах экономики в том числе в финансовой, экономической и энергетической политике стран ССАГПЗ (С.111-117).

3) В результате проделанной исследовательской работы обоснована ключевая роль энергетического сектора как основы политики по диверсификации национальных экономик, экономической безопасности, климатической и электроэнергетической политики, что позволило рассматривать именно энергетический сектор как наиболее важное направление углубления экономической интеграции в рамках объединения (С.123-133).

4) В контексте углубления экономической интеграции и повышения устойчивости экономик ССАГПЗ обоснована перспективность расширения торгово-экономического взаимодействия с другими интеграционными объединениями, в особенности с Евразийским экономическим союзом по таким направлениям как АПК, инвестиции и энергетика (С.143-160).

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается использованием научных трудов арабских, отечественных и западных ученых по ключевым вопросам выбранной темы. Немаловажный вклад в обоснованность и научность выводов внесли доклады различных региональных и международных организаций, аналитических центров и консалтинговых компаний. Достоверность выносимых на защиту положений

опирается на базовую официальную информацию, в основе которой данные Международного валютного фонда, Всемирного банка, ЮНКТАД, статистика ССАГПЗ и профильных финансово-экономических ведомств стран региона, коммерческих банков, а также других региональных и международных организаций и учреждений.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на шести научно-практических конференциях, в том числе: на III Международной научно-практической конференции «Современное состояние российской экономики: задачи и перспективы» (Москва, Финансовый университет, 19 февраля 2022 г.), на XIII Международном научном студенческом конгрессе «Цифровизация в поисках баланса: экономические возможности и социальные издержки» с применением дистанционных технологий» (Москва, Финансовый университет, 15 марта 2022 г.), на II Международной студенческой межвузовской научно-практической конференции «Стратегии развития экономики Мирового океана» (Москва, Финансовый университет, 23 марта 2022 г.), на XII Международной научно-практической конференции «Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью» (Москва, Финансовый университет, 22-24 апреля 2022 г.), на X Международном научном конгрессе «Стратегии предпринимательства: бизнес-экосистемы, реальные ценности, общество» (Москва, Финансовый университет, 20-21 мая 2022 г.), на XIV Международной научно-практической конференции «Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью» (Москва, Финансовый университет, 21-23 октября 2022 г.).

Ключевые выводы и положения исследования используются в практической и информационно-аналитической работе Посольства Российской Федерации в Ливанской Республике. Оценка текущего состояния экономической интеграции в странах Персидского залива нашла применение в контексте влияния этого процесса на ливанский политико-экономический кризис. Описанные перспективные направления повышения эффективности

интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ задействованы как один из факторов, учитываемых при прогнозировании экономической и политической конъюнктуры в «стране кедров». Внедрение выводов и основных положений диссертации поспособствовало повышению качества информационно-аналитической работы дипмиссии.

Материалы исследования использовались Департаментом мировой экономики и международного бизнеса Факультета международных экономических отношений Финансового университета в преподавании учебной дисциплины «Мировая экономика и международные экономические отношения».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и выводы опубликованы в 4 работах общим объемом 2,69 п.л. (авторский объем – 2,32 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы из 227 наименований и одного приложения. Текст диссертации изложен на 204 страницах, содержит 31 рисунок и 28 таблиц.

Глава 1

Концептуальные основы взаимодействия арабских государств Персидского залива

1.1 Специфика экономического взаимодействия стран Персидского залива

В условиях стремительных изменений, наблюдаемых в мировой экономике, одно из центральных мест занимают процессы экономической интеграции. Это касается и арабских стран Персидского залива, которые также находятся на пути интегрирования различных аспектов своих экономических систем. В связи с этим специфику экономического взаимодействия арабских стран Персидского залива стоит рассмотреть именно через призму экономической интеграции. Для этого, однако, необходимо рассмотреть само понятие данного процесса.

В самом широком смысле под процессом экономической интеграции государств принято понимать особое экономическое взаимодействие стран, направленное на сближение и гармонизацию хозяйственных механизмов. Этот процесс, как правило, принимает форму соглашений между государствами и проходит при непосредственном участии регуляторных межгосударственных органов [148].

В научной литературе одно из первых исследований феномена экономических интеграционных процессов зачастую ассоциируется с трудом американского экономиста Дж. Вайнера под названием «Проблема таможенного союза» [223]. В его работе, пожалуй, впервые в экономических исследованиях изложены преимущества от экономической интеграции, обозначены и конкретизированы критерии всех «за» и «против» изменения конфигурации экономического устройства государства.

Анализ экономической интеграции Дж. Вайнера акцентирует внимание на увеличении торгового взаимодействия в результате подписания торговых соглашений по причине перераспределения торгово-производственных потоков из более затратных к менее затратным странам-производителям. Такая оптимизация торговли становится возможной благодаря применению единого таможенного тарифа.

Дж. Вайнер также утверждал, что увеличение торговли по причине формирования таможенных союзов приводит к росту благосостояния страны в целом. Его рассуждения в русле экономической интеграции сводились к тому, что общемировая ликвидация торговых барьеров в гораздо большей степени, более явно и более справедливо сможет дать мировой экономике предполагаемые экономические выгоды от формирования таможенных союзов. Подобные выводы послужили стимулом для дальнейших исследований и привлекли внимание экономистов к изучению выгод и издержек от экономической интеграции. Однако однозначного ответа о результативности, например, таможенных союзов в повышении экономического благосостояния стран-участниц не было выявлено на данном этапе анализа.

Один из ранних теоретиков экономической интеграции А. Шиир отмечал, что уже в 1960-х годах становилось очевидно, что текущие концептуальные методы анализа не позволяли в полной мере изучать и оценивать интеграционные процессы [189]. По мнению этого исследователя, формировалось понимание, что экономических выгод от либерализации торговли в виде улучшения распределения ресурсов и роста товарооборота недостаточно для обоснования инициации процесса экономической интеграции.

А. Шиир указывал, что на тот момент основополагающей идеей мировой экономики и международных отношений было положение о том, что минимизация тарифов в условиях конкуренции обеспечивает эффективное производство, распределение и потребление как на национальных, так и на

международных рынках. Однако доминировавший на тот момент в научной литературе «статический» анализ экономической интеграции, по мнению автора, не давал полноценных объяснений механизма эффектов уменьшения барьеров торговли на увеличение реальных доходов. Впоследствии все больше внимания в научной литературе по вопросам международной экономической интеграции уделялось различным факторам и их динамике, что позволяло более комплексно оценивать процесс экономической интеграции.

В этом русле научной мысли существенный вклад в осмысление международной экономической интеграции внесли работы американских экономистов Б. Балаша, К. Купера и Б. Массела, добавившие новое аналитическое измерение к исследованиям в этой области [92; 102]. Б. Балаша, в частности, отмечал такие эффекты от экономической интеграции стран, как достижение эффекта масштабов, технологический взаимообмен, прогресс и инновации, положительные преобразования в структуре рынка, рост конкуренции и конкурентоспособности. Выделялась также положительная динамика в росте производительности, относительное снижение восприятия риска и неопределенности экономическими агентами, а также благоприятное влияние на инвестиционный климат [110]. Иначе говоря, все больше внимания уделялось непосредственно динамике факторов экономической интеграции [187].

На современном этапе развития теории международной экономической интеграции в академической среде принято учитывать постоянную изменчивость макроэкономических условий, оказывающих влияние на интеграционные процессы. Так, к примеру, американский экономист Р. Лоуренс отмечал, что в текущих условиях экономическая интеграция скорее преследует цели увеличения активности частного сектора, роста прямых иностранных инвестиций, развития сферы услуг, в отличие от «традиционных» соображений увеличения объёмов взаимной торговли и диверсификации ее потоков [142].

Таким образом, основными факторами и эффектами, играющими принципиально важную роль в оценке и анализе являются эффекты от международной специализации (эффекты масштаба и эффекты охвата), привлечение инвестиций и создание более конкурентной экономической среды. К ним же можно отнести и рационализацию распределения ресурсов, содействие устойчивому росту спроса и общее совершенствование территориальной и организационной производственной парадигмы.

Однако стоит отметить, что и в современном анализе интеграционных процессов наблюдаются некоторые недостатки. Среди них исследователи отмечают, в частности, отсутствие четкого метода количественной оценки экономических эффектов интеграции [147]. По своей природе эти эффекты более «глубинные» и оказывают более фундаментальное влияние на экономику, и, следовательно, сложнее поддаются количественной оценке.

На начальных этапах изучения проблематики интеграции предпринимались попытки описать поэтапное развитие экономических интеграционных объединений. Одним из первых исследователей, занимавшихся вопросами развития межгосударственных экономических интеграционных объединений, был уже упомянутый венгерский экономист Б. Балаша. Он полагал, что процесс экономической интеграции включает 5 этапов:

- зона свободной торговли;
- таможенный союз;
- общий рынок;
- экономический и валютный союз;
- политический союз.

Представленные Б. Балаша стадии концептуально указывают на основные этапы на пути экономической интеграции – «линейного» процесса, отражающего по своей сути географически ограниченную либерализацию экономик, предоставляющие странам-участницам определенные выгоды.

Однако по мере развития исследований в области международной экономической интеграции, в научной среде появлялось понимание несовпадения научной теории с практикой. Пришло также понимание «европоцентризма» в теории интеграционных процессов, так как большинство исследователей ориентировались прежде всего на опыт в рамках Европейского союза [138].

По мере разработки темы исследователи также пришли к выводу о том, что «линейность» этапов международной экономической интеграции также слабо проявляется в реальной практике. В частности, благодаря работам российского экономиста Д.И. Ушкаловой, в научный обиход пришло понятие «нелинейной» интеграции, подразумевающее отсутствие четких и последовательных этапов процесса (в отличие от классической, «линейной» модели Б. Балаши) [2].

В этой же логике отечественный исследователь Т.В. Воронина критикует преимущественно линейно-стадиальную классическую модель экономической интеграции и предлагает концепцию экономической интеграции как комплексной интеграционной системы, которая характеризуется «внутренней многоуровневостью, внешней поливекторностью и пространственной мультислойностью» [4]. В ее диссертационной работе также упоминается концепция интеграционного ядра, то есть государства, выступающего в роли своеобразного экономического и политического лидера в интеграционном объединении. Эта конфигурация, по всей видимости, может быть проецирована и на регион Персидского залива, где Саудовская Аравия является крупнейшей экономикой.

В результате эволюции научной мысли в этом направлении появились новые, гораздо более гибкие концепции международной экономической интеграции. Среди них необходимо отметить труд одного из ведущих российских экономистов в области экономической интеграции Б.А. Хейфеца. Его концепция «накопительной» интеграции гораздо более полно описывает

современные реалии интеграционных объединений, учитывая при этом многообразие возможных формальных и неформальных направлений сопряжения экономик [2].

В целом же, многообразие определений экономической интеграции на международном уровне следует из базового стремления государств-участников интеграционного процесса получить определенные экономические выгоды. Однако в контексте арабских стран Персидского залива целесообразно было бы отметить ряд других экономических и неэкономических элементов, дополняющих и определяющих специфику взаимодействия этих государств.

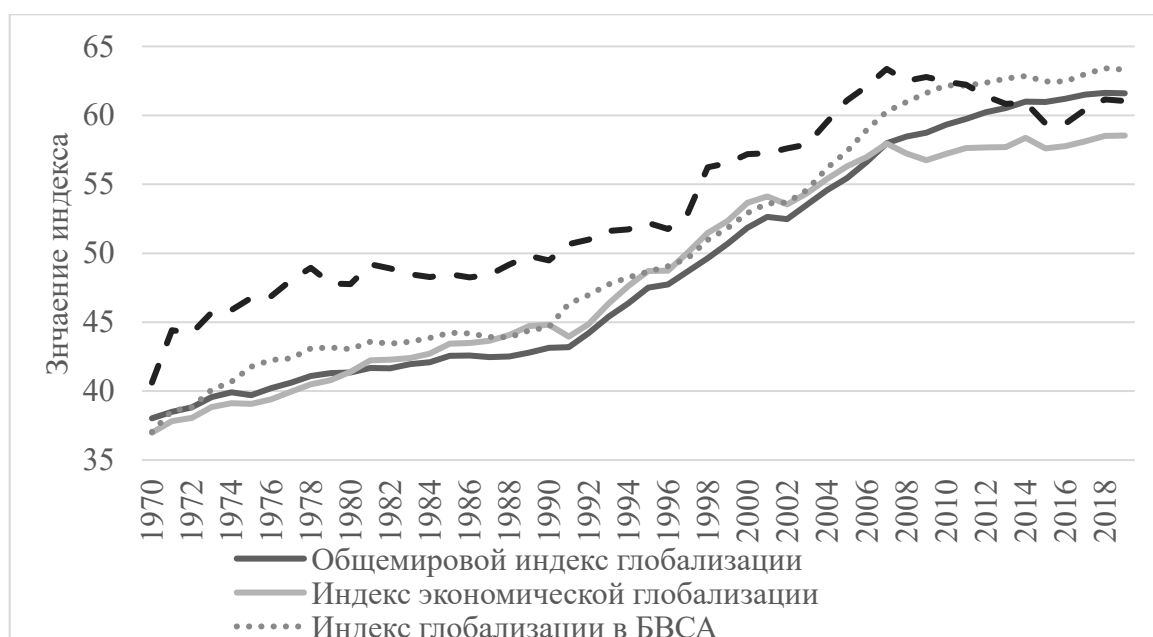
Фактор региональной близости также оказывает непосредственное влияние на создание предпосылок к формированию интеграционных объединений. Неиспользованный потенциал к получению экономических выгод способствует росту интеграционных объединений, присоединению новых участников к уже существующим группировкам.

Сам процесс глобализации мировой экономики и сопутствующие ей факторы также оказывают влияние на динамику экономических интеграционных процессов. По всей видимости, создаются предпосылки для корректировки традиционных этапов развития, описанных экономистами в прошлом веке. Среди причин этих изменений, вероятно, можно выделить незавершенность и изменчивость формирования международной системы многосторонних торговых соглашений, вызовы инновационного развития. Как результат меняется сама архитектура мировой экономики, в ней появляются новые центры регионального роста, формируются новые геоэкономические альянсы [1].

Российский исследователь В.С. Паньков выдвигает предположение о том, что процессы глобализации и экономической интеграции являются неразрывно связанными процессами [55]. В своем научном труде он отмечает, что в противоречивом единстве эти процессы отражают разные стадии интернационализации хозяйственной жизни. В частности В.С. Паньков

рассматривает ЕС в качестве примера полезности «гомогенизации экономического пространства» для стимулирования «гомогенизации всего мирового хозяйства».

Основываясь на данном тезисе, можно было бы предположить, что глобализация и экономическая интеграция взаимосвязаны и в регионе Персидского залива. В этом русле для анализа удобно воспользоваться Индексом глобализации, разработанным швейцарским экономическим институтом КОФ. Это один из существующих комплексных показателей, дающих представление о динамике экономических, политических и социальных измерений глобализации как во всем мире, так и в отдельных региональных срезах. С 1970-х годов прошлого века показатели глобализации во всем мире, включая Ближний Восток, по оценке экспертов института КОФ, показывали тенденцию к росту, что просматривается на динамике Индекса, представленной на рисунке 1.1:

Источник: составлено автором по материалам швейцарского экономического института КОФ [34].

Рисунок 1.1 – Динамика общемирового и ближневосточного индекса общей и экономической глобализации

Следовательно, по мере роста вовлеченности стран Персидского залива во все более глобализованную мировую экономику, росли и стимулы к их

экономической интеграции между собой с целью гомогенизации своего экономического пространства.

Такой вектор экономической политики как экономическая интеграция натывается на сопротивление – прежде всего со стороны населения [206]. Противники международной экономической интеграции, как правило, усматривают в снятии протекционистских барьеров торговли угрозы для национальных отраслей. Ими же приводится аргумент об утрате экономического и политического суверенитета в интеграционном объединении. Зачастую предметом опасения выступает и доминирование одной из стран-участниц в интеграционном объединении, что позволит ей диктовать повестку экономического развития интеграционного объединения. Этот фактор также присутствует и во взаимодействии арабских стран Персидского залива. Саудовская Аравия является одновременно и самой большой и в географическом измерении, и в экономическом.

По мнению некоторых исследователей, зачастую интеграционные процессы в более развитых и по большей части западных странах являлись модельными для остального мира и во многом вдохновляли аналогичные процессы в других регионах мира [65]. Однако специфика арабского мира в целом и особенности интеграционных экономических процессов в регионе подчеркивают собственные, уникальные черты. Более того, эти черты, вероятно, независимы от западных моделей экономической интеграции и имеют свои специфические условия для всестороннего финансово-экономического сближения. Вместе с тем предпосылки к интеграционным процессам в Персидском заливе, вероятно, в некоторой степени схожи с предпосылками в других интеграционных объединениях.

Логично было бы предположить, что получение выгод от экономической интеграции является основной движущей силой подобных процессов. Однако история арабской интеграции указывает на то, что политические и социально-культурные мотивы и предпосылки играют не

менее важную роль, чем потенциальные экономические выгоды от сближения и гармонизации экономик.

Благодаря своему географическому положению регион Персидского залива исторически выполнял критически важную функцию соединения стран Аравии с Индийским океаном и остальным миром. Степень интенсивности торговли в Заливе до современного этапа экономической истории варьировалась в зависимости от множества факторов – от направления муссонных ветров до глобального спроса на локально производимые товары. В перечне основных экспортируемых из региона товаров первоначально выделялись жемчуг, финики, а в последствии – газ и нефть. В условиях стремительных изменений XX-го века все большую роль приобретали как международные, так и региональные политические и экономические условия.

В период с начала XVIII-го века по 70-е годы XX-го века Британская империя выступала в качестве основной политической и экономической силы в регионе Персидского залива. Основным приоритетом колониальной внешней политики было обеспечение безопасности торговых потоков по морю и недопущения изменения баланса сил в регионе.

Понимание стратегического значения региона Персидского залива в мировой экономике приходит во второй половине XX-го века, обусловленное прежде всего открытием колоссальных запасов нефти в Саудовской Аравии. Примерно в этот же период происходит окончательное вытеснение Великобритании Соединенными Штатами в качестве основного экономического игрока в регионе.

Открытие нефтегазовых запасов в Персидском заливе можно правомерно назвать переломным моментом в экономическом развитии стран региона. Как пишут эксперты по истории Залива, этот феномен послужил не только импульсом для структурных изменений в экономических, финансовых, политических институтах, но и вознес государственный аппарат в статус основной и доминирующей силы [196].

Эти же историки-арабисты отмечают, что вследствие появления нефтегазовых ресурсов произошли и структурные изменения в экономике. Рентабельность традиционной «донефтяной» индустрии региона – добычи жемчуга – значительно снизилась. Конъюнктура нефтедобывающей промышленности же, напротив, была гораздо более благоприятной.

Во многом предпосылки интеграции стран Персидского залива обуславливались именно политическим измерением. По итогам Второй мировой войны появлялась необходимость в укреплении не только международной, но и региональной безопасности. В арабском мире это прежде всего вылилось в потребность выработки общей политической линии, а также создания условий для развития экономического, финансового, социального и культурного сотрудничества.

Конфликт Израиля и Палестины и позиции по его урегулированию создавали дополнительные проблемы на пути урегулирования уже имеющихся политических разногласий. Свою роль в создании предпосылок к углублению сотрудничества и интеграции сыграли и события революционного характера в Иране. В результате кардинальных изменений произошли серьезнейшие преобразования в политических структурах и динамике международных отношений с соседями в регионе.

В общих чертах геополитические предпосылки процесса интеграции арабских стран Персидского залива схожи с предпосылками для формирования Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН). Имеются и параллели в причинах необходимости формирования регионального объединения – «Великая пролетарская культурная революция» в КНР и война во Вьетнаме обуславливали необходимость создания альянса для поддержания политической стабильности. Следовательно, геополитические предпосылки обеспечения региональной безопасности сыграли существенную роль в интеграции арабских стран Залива [69].

В этой связи целесообразно было бы сравнить и систематизировать некоторые параметры интеграционных объединений в Персидском заливе,

Юго-Восточной Азии и Европейский союз (далее – ЕС) для более комплексного понимания интеграционных процессов в мировой экономике, что и показано в таблице 1.1:

Таблица 1.1 – Сравнительный анализ некоторых интеграционных объединений

Сравниваемые элементы	ССАГПЗ	ЕС	АСЕАН
Общие предпосылки к созданию интеграционного объединения	Стремление повысить уровень региональной безопасности. Впоследствии – стремление получить экономические выгоды от интеграции.		
Текущий этап экономической интеграции	Общий рынок	Политический союз	В процессе формирования общего рынка
Перспективы расширения интеграционного объединения	Возможно присоединение новых членов, но конкретных шагов по запуску процедуры не предпринимается	Возможно присоединение нескольких новых членов	Возможно присоединение Папуа-Новой Гвинеи и Восточного Тимора
Перспективы углубления экономической интеграции	Ситуативная ограниченная гармонизация в финансовом секторе, налогообложении, энергетической и инфраструктурной политике	Дальнейшее углубление и усиление политического союза	Завершение формирования общего рынка, ограниченная финансовая либерализация и интеграция в рамках объединения без формирования валютного союза
Задачи интеграционного образования на современном этапе	Содействие координации и углублению связей в экономической сфере и в области безопасности между странами-участницами	Повышение благосостояния, в том числе экономического, граждан стран-участниц, обеспечение правочеловеческого и гуманитарного развития	Содействие экономическому, социальному и культурному развитию стран объединения

Источник: составлено автором по материалам [88; 105; 111; 119; 167; 198].

Как отмечено в представленной выше таблице 1.1, помимо геополитических предпосылок к интеграции существуют и историко-экономическая общность.

Во многом эта общая черта проявляется в схожести исторического развития экономики в регионе, в особенности энергетической ее составляющей. В этой связи целесообразно было бы отметить, что открытие и начало активной добычи нефти на Аравийском полуострове в начале 1930-х гг. оказало сильное затормаживающее влияние на традиционные для региона сектора экономики. Однако экономические последствия были гораздо более обширными, чем можно было бы предположить на первый взгляд: нефтедобыча изменила паттерны миграции, поспособствовала формированию современного государственного аппарата исполнительной власти, стимулировала создание новых секторов производства и занятости. Вместе с тем добыча «черного золота» привела к еще большему расслоению во все более урбанизированных обществах и фундаментальному сдвигу во взаимоотношениях между правителями государств Залива.

Промышленно значимые запасы нефти в Бахрейне были обнаружены в 1931 г., в Кувейте и Саудовской Аравии в 1938 г. В Катаре – в 1939 г., в Абу-Даби – в 1958 г., а в Омане – в 1962 г. В большинстве арабских стран Персидского залива экспорт нефти стал постоянным только после окончания Второй мировой войны, когда стабильность международного судоходного сообщения была полностью восстановлена.

В этой области научный интерес представляет труд арабского исследователя М. Аль-Наджара, посвященный историческому обзору нефтяной отрасли в Персидском заливе [75]. Нефтяная отрасль в регионе, как писал исследователь, вплоть до 1970-х годов была выстроена в целом однообразно – региональные правители на основе концессионных соглашений получали небольшие суммы от добывающих компаний.

Спрос на энергоносители в мировой экономике неуклонно продолжал расти, обычаи и условия отрасли продолжали меняться. В скором времени компании были вынуждены перейти на новую модель взаимодействия – соглашения о распределении прибыли по формуле «50 на 50».

Как следствие, доходы от добычи нефти стали действительно существенным источником поступления средств в бюджеты арабских стран Персидского залива. Нефтяные доходы на порядок превышали налоговые поступления от доминирующих в региональной торговле до этого индустриях.

Очевидно, что влияние нефтяных предприятий не ограничилось лишь влиянием на структуру бюджетных поступлений. Они также стали основным работодателем, внося изменения в региональный рынок труда и миграционное поведение рабочих. Как следствие, нефтяные компании стали не только закупщиками товаров и услуг госсектора, но и системно значимыми инвесторами в инфраструктуру, благодаря которой, собственно, и происходил экономический подъем в регионе.

Феномен бурного экономического подъема в регионе привел к значительному росту значимости стран Персидского залива в мировой экономике. Сходство экономической конъюнктуры и политические параллели еще больше сблизили арабские страны. Эти же факторы предопределили видение арабских государств Персидского залива в качестве единого «блока» в глазах западных партнеров.

Стремительный послевоенный экономический рост в Европе отчасти обеспечивался за счет нефти из стран Залива. По некоторым оценкам, Кувейт поставлял более 50% нефти в Великобританию. Аналогичная по уровню поставок ситуация наблюдалась в американо-саудовских торговых отношениях [217].

На этом фоне – еще до появления каких-либо формальных соглашений об экономической или политической интеграции – арабские страны Персидского залива в значительной степени формировали общую внешнюю политику, основанную прежде всего на долгосрочном обеспечении национального благосостояния. А бурный рост цен на нефть в 70-х годах прошлого столетия, собственно, предоставил им экономический ресурс для обеспечения и поддержания уровня благосостояния.

Очевидно, что страны Персидского залива становились неотъемлемой частью международных рынков энергоресурсов. По мере дальнейшего развития этих процессов арабские страны стали ключевыми экономическими игроками в мировой экономике. Наличие более трети доказанных мировых запасов нефти в недрах государств регионов обуславливает их экономическое влияние и стратегически привилегированное положение.

Существенной предпосылкой для интеграции арабских государств является и их социально-культурная общность. Дискуссии о создании единого арабского мира бытовали в кругах интеллигенции еще в эпоху британского протектората, то есть задолго до получения статуса независимости всеми странами региона [80].

Эта достаточно популярная идея панарабизма выступала фактором и стимулом интеграции в регионе. Она включала в себя ряд общих для региона элементов – схожий язык и происхождение, историческую общность, схожие традиции и обычаи. Немаловажным фактором является и единая религия, которая является (с некоторыми оговорками) еще одним связующим элементом. Сохранение, поддержание и дальнейшее развитие культурного и цивилизационного наследия арабских стран Персидского залива наравне с экономическими и политическими задачами также является одной из целей и задач интеграции в регионе.

Социальное и политическое измерения арабских стран Персидского залива имеют множество общих черт. Так, к примеру, все арабские страны Залива обладают монархической формой правления, в которой в экономической деятельности страны центральную роль занимает государственный аппарат.

Следовательно, создание единого пространства с социально-культурной общностью также выступало одним из естественных стимулов к интеграционным процессам наравне со стремлениями получить экономические выгоды.

Еще одним «нестандартным» для остального мира элементом, характерным для стран Залива, является своеобразная дихотомия между сравнительно низким уровнем политического развития и вместе с тем достаточно высоким уровнем экономического развития. Традиционализм, пронизывающий устройство общества и политической системы в регионе, сочетается с экономическими амбициями международного масштаба.

Экономические, геополитические и социально-культурные предпосылки для интеграции, а также соответствующие им цели можно отнести к традиционным. По своей природе они соответствуют экономическим укладам, предшествующим так называемой Четвертой промышленной революции (далее – 4IR), описанной К. Шваббом [3].

Арабский мир является неотъемлемой частью мировой экономики и, следовательно, также вступает в эпоху 4IR. В условиях динамичных изменений появляются экономические силы, способные как способствовать, так и воспрепятствовать экономическому развитию стран Персидского залива в реализации всего потенциала. Наличие крайне невысокого уровня технологических инноваций локального происхождения остается уязвимым местом для экономик арабских стран Персидского залива. Следовательно, фактор технологического развития и смещение глобальной производственной парадигмы становятся необходимым элементом стратегических программ развития для этих стран. А схожесть экономических условий в странах Залива выступает очередной предпосылкой к интеграции в производственно-технологической сфере.

Арабские страны Персидского залива неразрывно связаны с цифровыми технологиями в экономической деятельности.

В условиях 4IR для арабских стран Персидского залива обрисовываются новые цели и задачи совместных усилий. Промышленная отрасль привлекает существенную долю инвестиций, исследований и разработок. Однако по-прежнему наблюдается разрыв непосредственно между инновациями и производством. На современном этапе

технологического развития значительно упрощен доступ к самым массивным объемам данных, инструментам их анализа. Это создает условия для применения гораздо более гибких и адаптивных бизнес-моделей, что может ускорить развитие и качественный рост производственных предприятий в регионе, обеспечивая при этом единые интеллектуальные цепочки поставок и повышая эффективность автоматизации процессов.

Руководство арабских стран Персидского залива в этих условиях полагает целесообразным наращивать трансграничную торговлю, обеспечивать максимальную открытость в системе международных экономических отношений [120].

Ключевая для региона обрабатывающая промышленность благодаря Индустрии 4.0 получает возможности для оптимизации производственных процессов и цепочек создания стоимости. Цифровизация нефтегазовой промышленности и внедрение новейших технологий дают дополнительный потенциал к экономическому росту.

Учет положений и реалий Индустрии 4.0 при стратегическом целеполагании в арабских странах Персидского залива позволил бы получить и косвенные выгоды в виде, к примеру, минимизации операционных расходов и налогового бремени для региональных высокотехнологичных компаний. А интенсивные инвестиции в современные отрасли – такие, как дата-центры, облачные технологии и их внедрение, Internet of Things, высокоскоростные сети 5G – позволили бы обеспечить более устойчивое экономическое развитие и гибкость по отношению к цифровой экономике.

На технологический аспект предпосылок к экономической интеграции арабских стран Персидского залива накладывается и социальное измерение. Население всех стран Залива сравнительно молодо, а в Саудовской Аравии, к примеру, более, чем две трети населения моложе 35 лет [213]. Именно молодежь в качестве наиболее активной части трудоспособного населения является одним из ключевых элементов раскрытия регионального экономического потенциала. Следовательно, инвестиции в

специализированные программы обучения и развития талантов в перспективных отраслях также являются задачей в рамках общего для стран Залива круга проблем.

Таким образом, арабские страны Персидского залива представляют собой весьма сложный, не совсем целостный экономический и политический комплекс, объединенный совместным историческим и социально-культурным прошлым. Значительную роль в предпосылках к интеграции имеют географическая близость и общие границы между странами.

С учетом описанных выше особенностей взаимодействия арабских монархий Персидского залива, традиционное понимание международной экономической интеграции как постепенного объединения экономик в общий рынок не в полной мере отражает сущность процесса в регионе. Целесообразно дополнить определение следующим образом. Международная экономическая интеграция – процесс постепенного объединения экономик различных государств, нацеленный на получение общих экономических выгод от формирования единого рынка, и происходящий с учетом специфики (в том числе геополитической, исторической, социально-культурной общности) взаимодействия государств-участников процесса.

Следовательно, стратегически важное географическое, экономическое и политическое положение стран в Заливе создало объективную необходимость в коллективной интеграционной платформе для гармоничного развития региона. Целями и задачами процесса региональной интеграции являлись возможность коллективно представлять и отстаивать общие интересы на региональных и международных площадках, способствовать всестороннему устойчивому экономическому росту, а также адекватно реагировать на изменения в глобальной макроэкономической конъюнктуре.

Следовательно, именно совокупность экономических, геополитических, социально-культурных и технологических факторов создает предпосылки для многовекторной интеграции арабских стран Персидского

залива. Одновременно эти же факторы и обуславливают цели и задачи этого процесса в наднациональных масштабах.

1.2 Формы и институты взаимодействия арабских стран Персидского залива

Специфика взаимодействия государств в регионе в контексте процесса их экономической интеграции определила формы и институты их взаимодействия между собой.

Одним из первых формальных интеграционных объединений, включавших арабские страны Персидского залива, стала Лига арабских государств (далее – ЛАГ). С момента ее основания в 1945 г. она задумывалась в качестве масштабного проекта с акцентом на политические и экономические вопросы, в том числе касающиеся интеграции. На начальном этапе формирования даже озвучивались намерения по созданию единого арабского государства в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Особое внимание в деятельности ЛАГ уделялось вопросам отказа от силовых методов урегулирования споров и использования силы в целом. Руководящий орган ЛАГ – Совет Лиги – как раз и выполнял функции форума для нивелирования конфликтных ситуаций.

Несмотря на номинальную необходимость и потенциальную эффективность задуманного механизма ЛАГ, успех организации часто ставится под сомнение. По мнению некоторых исследователей-арабистов, ЛАГ не является самым удачным примером регионального сотрудничества и представляет собой политически слабый форум [112]. Исследователи указывали на вполне очевидные трудности с предотвращением и урегулированием конфликтов в регионе, одновременно отмечая некоторые сложности с углублением сотрудничества стран-участниц в сфере экономики, внешней политики и безопасности. Вместе с тем акцент академического

анализа в этом вопросе постепенно смещался на установление причин низкой эффективности организации [93].

В русле углубления экономической интеграции в регионе Ближнего Востока под эгидой социально-экономического комитета ЛАГ в 1964 г. был создан Совет арабского экономического единства (далее – САЭЕ). Согласно Соглашению об экономическом единстве, послужившему отправной точкой экономической интеграции в данном формате, деятельность САЭЕ направлена на «организацию и укрепление экономических связей между государствами ЛАГ на условиях, соответствующих естественным и историческим связям между ними; и обеспечение наилучших условий для экономического развития, использования своих ресурсов и обеспечения роста благосостояния своих стран» [197].

Интеграционные процессы как на Ближнем Востоке в целом, так и в арабских странах Персидского залива в период 1950-1980 гг. можно описать как вялые и неинтенсивные. Исследователями отмечается, что среди причин отсутствия более существенных результатов можно выделить: слабый уровень развития инфраструктуры, отсутствие каналов коммуникации с частным сектором, «половинчатый характер соглашений», наличие существенных коррупционных элементов в экономической деятельности, административные барьеры и практически традиционная для региона политическая нестабильность [50].

Дальнейшее углубление торгово-экономического сотрудничества обрело форму многосторонней либерализации торговли – в 1998 г. Экономический и социальный совет ЛАГ создал Панарабскую зону свободной торговли (далее – ПАФТА).

18 стран-участниц ПАФТА образовали крупнейший экономический интеграционный проект на пространстве БВСА. Члены зоны свободной торговли приняли на себя ряд обязательств. Среди наиболее любопытных с точки зрения процессов международной экономической интеграции – поэтапное сокращение ставок таможенных пошлин на промышленную

продукцию на 10% ежегодно в течение 10 лет с момента подписания соглашения и методологический учет принципа местного компонента при определении страны происхождения продукта.

Естественным образом процесс либерализации торговли в рамках интеграционного объединения потребовал внесения некоторых исключений на определённые группы товаров. Несмотря на то, что к 2005 г. торговля между странами-участницами была либерализована благодаря отмене таможенных пошлин, нетарифные ограничения все так же оставались в силе. Такое положение дел объясняется поверхностным характером самого торгового соглашения. Показательно следующее сравнение: процесс вступления страны в ВТО предусматривает подписание под десятками пунктов, в то время как соглашение ПАФТА содержит лишь два.

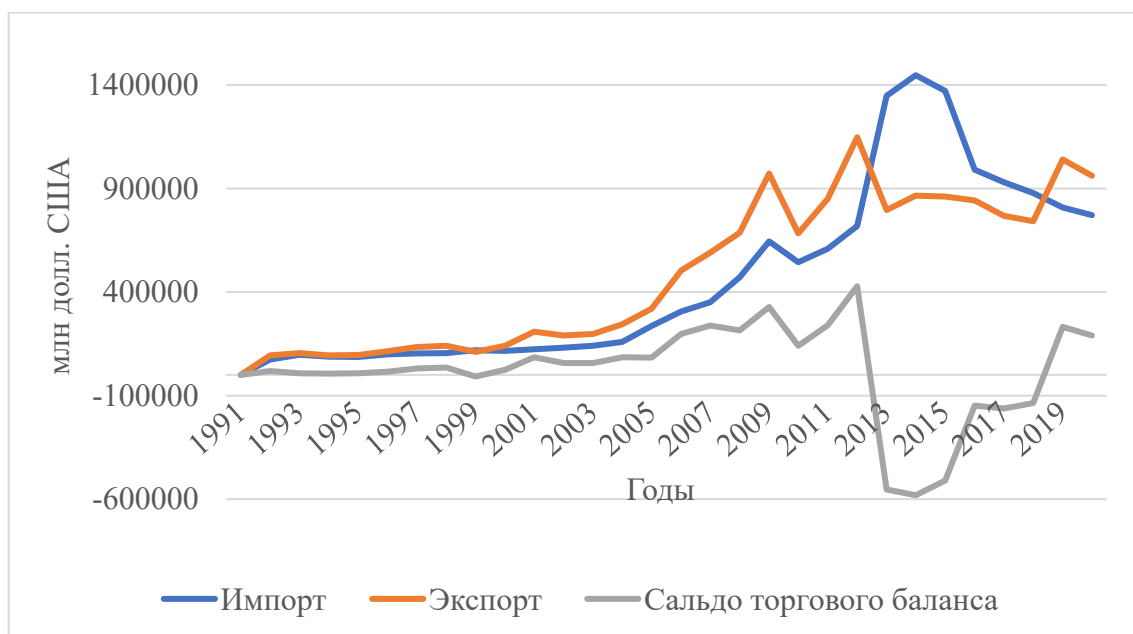
В рамках упомянутых нетарифных ограничений государствами-подписантами был также утвержден перечень товаров, ввоз которых ограничен в страны торгового союза по причине религиозных традиций, фитосанитарных норм, соображений экологии и национальной безопасности. Данный перечень подлежит ежегодному пересмотру [50].

В регионе помимо отсутствия прогресса со снятием нетарифных ограничений существуют также трудности с транспортными перевозками. Несмотря на то, что в регионе предусмотрен упрощенный механизм транзита товаров и лиц, правоприменительный механизм его реализации так и не был сформирован. Среди существенных недостатков комплекса таможенной либерализации ПАФТА необходимо отметить и отсутствие механизма распределения таможенных доходов между странами участницами ЗСТ.

Нормативным регулированием в рамках этого регионального соглашения не предусмотрен механизм разрешения споров, что создает некоторую правовую неопределенность. Есть также и пробелы в сферах регулирования интеллектуальной собственности и конкурентной политики. Одновременно с этим часть защитных норм в торговле основаны на правилах

ВТО несмотря на то, что только 7 из 18 стран ПАФТА присоединились к Всемирной торговой организации.

По причине наличия ряда проблемных моментов в самой архитектуре Панарабского соглашения о свободной торговле его эффект не так масштабен, как можно было бы ожидать. Какого-либо ярко выраженного синергетического эффекта от таможенной либерализации в торговых индикаторах стран ПАФТА не наблюдается. Так, например, выглядит динамика доли экспорта и импорта стран-участниц панарабского соглашения о свободной торговле, представленная на рисунке 1.2:

Источник: составлено автором по данным [31].

Рисунок 1.2 – Динамика внешней торговли стран ПАФТА, млн долларов США

Эксперты отмечают предельно скромные результаты от заключения соглашения ПАФТА – внутри зоны таможенной либерализации не наблюдается существенного роста внутри-арабской торговли. А положительная тенденция, как отмечает З. Эль-Сахли, скорее всего объясняется периодами относительно благоприятной глобальной макроэкономической конъюнктуры [108].

Очевидным образом возникает необходимость повысить экономическую выгоду от таможенной либерализации арабских стран. По

мнению этого эксперта, целесообразно было бы расширить регулирование на сферу услуг. Более того, упрощение процедуры транзита и перевозки грузов могло бы содействовать росту внутриарабской торговли. По ряду причин основным транспортным медиумом для стран в регионе выступают морские транспортные каналы, в то время как сухопутные средства транспортировки доминируют в остальном мире.

Именно в сфере транспортировки по суше присутствуют особенно «неудобные» ограничения – в регионе функционирует ограничение на возврат трансграничного зафрахтованного транспорта с грузом. Следовательно, в рамках интеграционных процессов внутри ПАФТА усматривается целесообразность подписания соглашения, регулирующего сухопутные транспортные перевозки.

Нельзя не отметить и некоторые сложности, вызванные существенно различающимися системами банковского и страхового регулирования, мобильности капитала в странах региона. В целях наращивания притока капитала целесообразно было бы повысить интенсивность интеграционных процессов на региональных финансовых рынках. Одновременно с этим экономические выгоды в рамках панарабского процесса либерализации могли бы вырасти благодаря улучшению обмена информацией финансово-экономического характера, рыночных финансовых данных стандартах и условиях деятельности.

Однако гармонизация финансовых рынков подразумевает серьезную работу экспертных групп по самым разнообразным вопросам. И на современном этапе развития ЛАГ, с большой долей вероятности, не ставит достижение более глубокой финансово-экономической интеграции в ближайшей перспективе [220].

Вместе с тем под эгидой ЛАГ в 1976 г. начал функционировать Арабский валютный фонд (далее – АВФ). Основными целями деятельности АВФ, членами которого являются все 22 страны-участница ЛАГ, заявлены следующие элементы [82]:

- покрытие дисбалансов платежных балансов государств-членов АВФ;
- содействие стабильности курсов арабских валют, повышение уровня их конкуренции и устранение ограничений на международные расчеты внутри АВФ;
- разработка мер политики и способов углубления валютного сотрудничества для увеличения темпов экономического развития арабских государств;
- проведение консультаций по вопросам проведения тендеров и инвестированию на внешних рынках;
- содействие развитию финансовых рынков государств-участниц ЛАГ;
- повышение интенсивности использования арабского учетного динара (Arab accounting dinar) в качестве расчетной единицы и осуществление работы в русле углубления валютной интеграции арабских стран;
- координация арабских стран в противостоянии современным финансово-экономическим вызовам;
- обеспечение механизма расчетов по счету текущих операций между арабскими государствами с целью создания условий для роста товарооборота между ними.

Ряд структурных элементов АВФ дублируют Международный валютный фонд (далее – МВФ). Среди его членов присутствуют некоторые из крупнейших мировых производителей энергоносителей, что само по себе существенно уменьшает вероятность проблем с платежным балансом. По определению наиболее подверженными рискам платежных балансов являются страны-импортеры энергии, которые так же представлены в Фонде. Следовательно, в рядах стран-участниц АВФ присутствует финансово-экономическое разнообразие, что делает более вероятной его способность обеспечить необходимое содействие государствам-участникам [150].

В рамках своей деятельности АВФ занимается содействием стабильному экономическому развитию в условиях новых глобальных экономических вызовов как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Фонд оказывает консультативную помощь политикам и руководителям финансово-экономических ведомств арабских стран в принятии решений по специализированным экономическим вопросам. Более того, проводится информационно-аналитическая работа по исследованию общих для арабских стран финансовых и экономических проблем, разработка их концептуальных решений и соответствующих мер политики для имплементации.

Экономический анализ, информационное сопровождение и статистические данные, предоставляемые АВФ весьма ценны, прежде всего из-за труднодоступных и небольших по сравнению с развитыми странами объемов публикуемой информации. Эти материалы, вероятно, используются при формировании стратегических целей в финансовом и экономическом развитии.

Еще в 2019 г. появились сообщения о том, что под эгидой ЛАГ планируется создание органа для клиринга и расчетов по внутриарабским платежам [173]. На гипотетическую организацию возлагались задачи по расширению использования расчетов и клиринга платежей в валютах арабских стран, их популяризации.

Руководство АВФ подчеркивало важность проекта, а Совет Управляющих Фонда одобрил создание внутриарабской клиринговой организации с капиталом в 100 млн долл. США на 41-м заседании в 2018 г. [85]. Такая реформа позволила бы оптимизировать трансграничные платежные операции, и, следовательно, могла бы послужить стимулом к развитию внутриарабской торговли и инвестициям. Впоследствии эти замыслы и были реализованы в созданной в 2020 г. межарабской расчетно-клиринговой системы «Буна» [97].

На сайте системы заявлено, что ее имплементация позволит сократить стоимость и время клиринга финансовых транзакций, формируя при этом более глубокие и прочные связи между торговыми партнерами в арабских странах. Развитие системы клиринговых и расчетных услуг на арабском пространстве в целом может расширить доступ к финансовым услугам,

увеличить объемы операций с ценными бумагами и рыночными финансовыми инструментами.

Несмотря на масштабный объем деятельности АВФ и ЛАГ, присутствует небезосновательная критика в адрес производимой и реализуемой этими организациями политики.

В отношении рекомендуемых мер политики АВФ, как и МВФ, в целом придерживается линии на повышение налогов и снижение объемов субсидий [84]. Как правило, АВФ дублирует рекомендации МВФ. Собственно, этот аргумент и используется для поддержки тезиса о подпитке политической нестабильности в регионе путем копирования политики МВФ. Предсказуемо негативная реакция населения на уменьшение субсидий по таким базовым потребительским позициям как хлеб и газ приводит к росту стоимости «прожиточного минимума», что, в свою очередь, подпитывает общественное недовольство.

Еще одним значимым институтом взаимодействия, в котором представлены все арабские страны Персидского залива, является Организация исламского сотрудничества (далее – ОИС). ОИС была основана в 1969 г. в качестве «коллективного голоса Мусульманского мира», собрав в себя 57 членов (56 после исключения Сирии в 2012 г.). Несмотря на то, что основным направлением деятельности ОИС заявлена защита интересов мусульманского мира в духе содействия международной стабильности, есть и экономическое измерение деятельности.

Воплощением этого экономического измерения стал Постоянный комитет экономического и торгового сотрудничества ОИС (далее – СОМСЕС), созданный в 1981 г. Под эгидой СОМСЕС с 2004 г. велись переговоры о создании соглашения о преференциальном торговом режиме – Системе торговых преференций ОИС (далее – СТП-ОИС).

Этот проект представляет собой зачаточную, но от этого не менее значимую стадию процессов экономической интеграции в рамках ОИС. Система преференций основывается на трех подписанных ранее соглашениях:

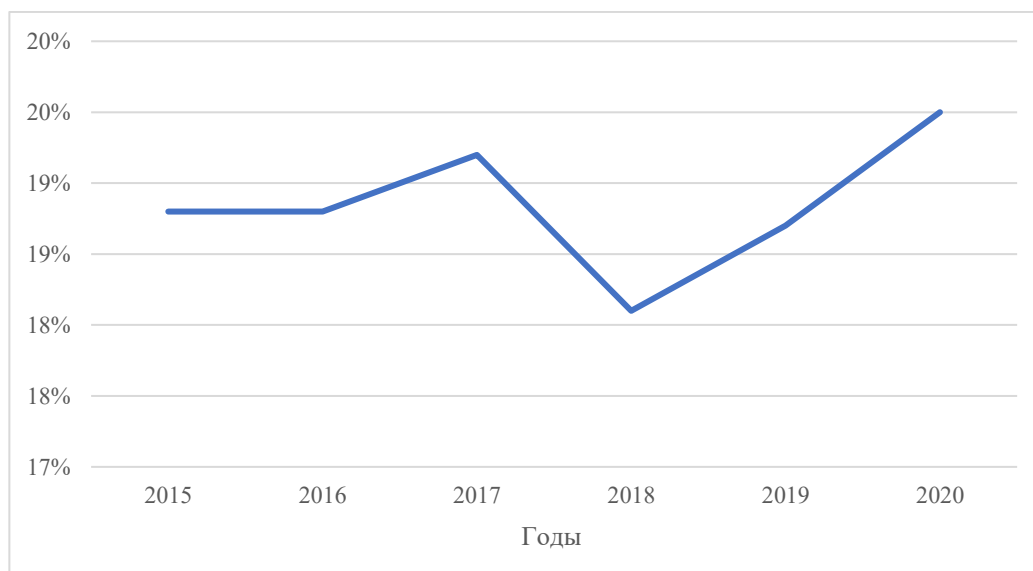
Рамочном соглашении, Протоколе о Схемах преференциальных тарифов и Правилах происхождения товаров. Соглашения спроектированы таким образом, что инициация проекта начинается в момент ратификации всех трех документов по меньшей мере 10 государствами-членами, и эта правовая основа была достигнута в 2011 г. Для полноценной же работы проекта СТП-ОИС этим 10 государствам, ратифицировавшим соглашения, требовалось предоставить списки тарифных уступок в секретариат организации, что было также осуществлено к концу 2014 г.

В практическом плане наибольшие трудности вызывает формирование списков тарифных уступок. По последним доступным данным (май 2022 г.), только 18 стран ОИС утвердили свои актуальные списки тарифных уступок, среди которых представлены все арабские страны Персидского залива помимо других государств Ближнего Востока и Северной Африки, а также Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ввиду достаточно большого количества заинтересованных сторон, а также многоступенчатого механизма вступления в силу данного соглашения формирование зоны преференциальных тарифов продвигается скромными темпами. SOMCES обозначал июль 2022 г. в качестве ориентировочной даты введения системы СТП-ОИС в действие, обратившись при этом к странам-участницам с просьбой ускорить внутренние административно-правовые процессы для завершения работ по ратификации и формированию необходимых элементов [101]. На момент написания исследования процесс не завершен.

В теории, экономическим эффектом от полноценного запуска СТП-ОИС может стать преференциальный тарифный режим для обусловленного перечня товаров на рынках стран, присоединившихся к данному соглашению. Экспортеры в таком случае получают конкурентное преимущество перед экономическими агентами, ввозящими товар из-за пределов зоны действия преференциального соглашения. Однако торгово-экономическое сотрудничество на данном этапе, равно как и ожидания от

потенциального преференциального соглашения пока не приводят к бурному росту торговли внутри ОИС. Это усматривается в относительно стабильной динамике доли торговли между странами-участницами ОИС, представленной на рисунке 1.3:

Источник: составлено автором на основе данных ОИС [83] .

Рисунок 1.3 – Динамика доли товарооборота между странами-членами ОИС, в процентах от общего объема торговли

Исследователи в области международной экономической интеграции обращали внимание на темпы интеграционных процессов внутри ОИС [149]. В их анализе перспективности и экономической целесообразности интеграционных процессов внутри ОИС под экономической интеграцией понималась прежде всего договоренность и принципиальное согласие на компромисс с целью получения коллективных экономических благ.

В случае с ОИС и СТП-ОИС в процессе экономической интеграции участвуют страны с кардинально различающимся географическим расположением, с отличным друг от друга политико-экономическим устройством. Именно поэтому важна более «узкая» региональная координация в формате подгрупп – так как это позволяет более эффективно гармонизировать экономические процессы и в целом благоприятно влияет на развитие организации.

Исследователи также проводят параллели и сравнивают ОИС с АСЕАН, так как внутри АСЕАН также наблюдается высокая степень политического и экономического разнообразия [156]. Этому объединению, по их мнению, удалось доказать свою дееспособность в общих интеграционных вопросах.

Вместе с тем отмечается, что перед государствами Юго-восточной Азии возникают трудности другого характера – из-за выстраивания экономических, торговых и политических отношений с третьими странами, не являющимися членами Организации. Выстраивание и укрепление всестороннего взаимодействия одних членов с США, а других с Китаем существенно затрудняет региональное сотрудничество. Следовательно, обеспечение баланса сил и интересов в региональной интеграционной группировке также является немаловажным элементом.

Обобщая сравнение ОИС и АСЕАН следует отметить, что экономический аспект сотрудничества, по всей видимости, обладает гораздо большим потенциалом, чем политический. Более того, немаловажной стала роль взаимодействия и координации в рамках интеграционных объединений с целью преодоления последствий глобального финансового кризиса 2008 г. Что же касается политической интеграции, то ее дальнейшее развитие затруднено прежде всего необходимостью компромиссов и уступок со стороны наиболее «активных» участников, что может рассматриваться как уступки суверенитета.

Арабские страны Персидского залива на структурном уровне существенно отличаются от остальных экономик ЛАГ и ОИС. Именно это и обуславливает их стремление развивать сотрудничество и интеграционные процессы в более узком, региональном формате. Присутствуют и отличия арабских стран Залива от прочих членов ЛАГ и ОИС в политической культуре, в подходах к региональным экономическим и политическим вопросам, не говоря уже о социально-культурном измерении.

Экономические и финансовые формы сотрудничества в особенности актуальны для арабских стран Персидского залива по причине сильной связи с американской финансово-экономической системой. Нефть и газ выступают основными экспортными ресурсами для стран Залива, а торгуются они в основном в долларах США. Следовательно, изменения процентной ставки Федеральной резервной системы США находят прямое отражение в этих странах. Это и способствует финансово-экономической ориентации арабских стран Залива на западные экономики.

Параллельно развивалось взаимодействие стран в военной сфере и вопросах безопасности. Несмотря на то, что экономическая повестка реализовывалась относительно медленно, кооперация в сфере безопасности продвигалась стремительнее.

К середине 1980-х годов, уже под эгидой ССАГПЗ, который подробно рассматривается в следующем параграфе, были сформированы совместные вооруженные силы арабских стран Персидского Залива, получившие название «Щит Полуострова».

Несмотря на противоречивый опыт военного формирования, «Щиту Полуострова» удалось продемонстрировать свою жизнеспособность на протяжении четырех десятилетий. Нельзя не отметить то, что в условиях реальных внешних угроз арабские страны Персидского Залива оказались способны преодолеть политические разногласия и выступить единым фронтом в период вооруженных действий в регионе со стороны Ирака.

Таким образом, имеется ряд многосторонних форматов и институтов взаимодействия по политическим, экономическим и финансовым вопросам, включающим страны Залива и некоторые другие арабские государства. Однако более глубокое, полноценное взаимодействие в рамках интеграционных процессов в арабских странах Персидского залива, вероятно, требует формирование более узкого, специализированного и институционализированного формата.

Арабские монархии Персидского залива со спецификой своих экономических и политических систем требуют своего собственного интеграционного объединения, которое бы позволяло более эффективно решать общие вопросы развития, координации и планирования в рамках своего естественного географического региона. Более широкий круг государств-участников в интеграционных объединениях со странами Персидского залива затруднит процесс согласования и привнесет дополнительные риски потенциальных конфликтов, недопониманий и противоречий. В этой связи оптимальным для интеграционного объединения в рамках Аравийского полуострова представляется именно такой «узкий», ограниченный географико-исторической общностью набор участников.

1.3 Этапы финансово-экономической интеграции стран Персидского залива

Естественной реакцией на необходимость формирования более узкого в плане участников и в целом более органичного формата экономического и политического взаимодействия между арабскими монархиями Залива стало формирование ССАГПЗ (в англоязычной литературе – Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, GCC). Особенности региональной геополитики и внешние угрозы способствовали учреждению ССАГПЗ в 1981 г. В это межгосударственное образование вошли шесть арабских стран Персидского залива: Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.

На момент создания объединения некоторые западные наблюдатели выражали мнение, что соображения обеспечения безопасности выступают основным мотивом основателей ССАГПЗ [121]. При этом обеспечение безопасности не упоминается в уставном документе Совета. Основной упор в тексте Устава делается на обеспечении более тесной координации, в особенности по экономическому и социальному треку. В тексте

основополагающего Устава ССАГПЗ часто фигурируют термины «интеграция», «сотрудничество», «связи». Однако концепция арабского единства, а также течение экономической интеграции в регионе ожидаемо разнятся с европейской моделью интеграционных процессов.

На момент создания Совета страны-подписанты конкретизировали цели, задачи и функции объединения, в общих чертах обозначили организационную структуру. В ходе переговоров также было достигнуто принципиальное решение о планомерной работе по созданию в обозримом будущем полноценного экономического союза.

Организационная структура ССАГПЗ представлена в таблице 1.2:

Таблица 1.2 – Структура управляющих органов ССАГПЗ и их функции

Орган ССАГПЗ	Вспомогательные подразделения	Функции и полномочия
Верховный совет (далее – ВС ССАГПЗ)	-	Высший орган организации. Состоит из глав государств-членов, каждое из которых обладает одним голосом. Решения по вопросам существа принимаются при единогласном одобрении государств-членов, по процедурным – большинством голосов ВС ССАГПЗ
	Консультативная комиссия ВС ССАГПЗ	Комиссия состоит из 30 членов (по 5 от каждого государства). Цель – консультативное содействие ВС ССАГПЗ
	Комиссия по урегулированию споров	Созывается ВС ССАГПЗ для урегулирования разногласий, вызванных расхождением интерпретаций Устава
Совет Министров	-	Состоит из министров иностранных дел государств-членов. Функции включают формирование политики и выработку рекомендаций по развитию сотрудничества. Решения презентуются в виде рекомендаций ВС ССАГПЗ
Генеральный секретариат	-	Функции Генерального секретариата (далее – ГС ССАГПЗ) заключаются в подготовке исследований, периодических отчетов, контроле деятельности. Осуществляет доработку повестки ВС ССАГПЗ и подготовку проектов резолюций
	Генеральный секретарь	Осуществляет непосредственное руководство ГС ССАГПЗ
	Аппарат помощников Генерального секретаря	Курируют функциональные подразделения ГС ССАГПЗ. В состав также входят глава делегации ССАГПЗ при ЕС и глава делегации ССАГПЗ при ООН
	Генеральные директора функциональных подразделений Секретариата	Руководство подразделений курирует политические, экономические, военный и силовой блок, гуманитарные и экологические вопросы; финансы и управление, стратегический диалог и переговоры, права интеллектуальной собственности,

Источник: составлено автором по материалам сайта ССАГПЗ [42].

Архитектура управляющих органов ССАГПЗ является важным звеном в процессе координации и развития экономической интеграции стран-участниц. Вместе с тем организационная структура ССАГПЗ подвергается критике некоторыми исследователями. Так, к примеру, арабо-американский экономист-международник Б. Малкави отмечал недостаточную детализацию полномочий ВС ССАГПЗ в области чрезвычайных ситуаций или конфликтов между государствами-участниками [146].

Б. Малкави также указывал на неполное использование потенциала ГС ССАГПЗ, который, в сущности, функционирует как посредник на межгосударственных переговорах и консультациях. Мониторинг выполнения обязательств, надзора за деятельностью органов Совета также требует доработки.

Для повышения эффективности и результативности деятельности ССАГПЗ, по мнению исследователя, необходимо сформировать более полноценный и обстоятельный механизм урегулирования споров. Существующая Комиссия по урегулированию споров под эгидой ВС ССАГПЗ не способна в полной мере выполнять свои функции, в том числе потому, что Устав ССАГПЗ в недостаточной мере детализирует и конкретизирует этот процесс. Следовательно, целесообразно реформировать существующую Комиссию или же сформировать новую экспертную группу для последовательного толкования правовых норм, прописанных в Уставе ССАГПЗ.

Такой механизм, по мнению Б. Малкави, позволит гарантировать выполнение обязательств всех стран-членов Совета и соблюдение планов по развитию и расширению экономической гармонизации и интеграции в регионе Залива.

Само создание ССАГПЗ – весьма масштабная цель. Она, очевидно, требовала как политической воли руководства стран-участниц, так и значительной работы экспертов. Тем не менее, первый шаг в направлении формирования экономического союза был сделан в сжатые сроки – страны

ССАГПЗ подписали соглашение о создании зоны свободной торговли (далее – ЗСТ).

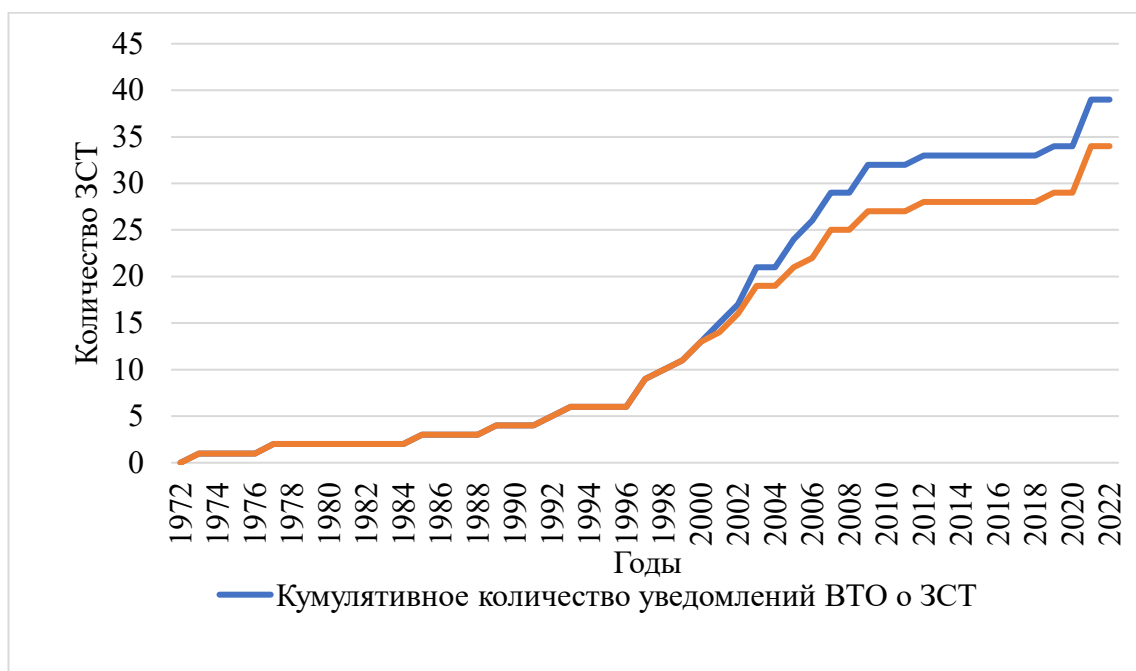
Согласно положениям соглашения о создании ЗСТ, подписанному уже в 1983 г., таможенные тарифы на товары национального происхождения отменялись. Правила происхождения продукции все еще подлежали согласованию между членами ЗСТ с целью формирования перечней беспошлинных экспортных товаров. Вместе с тем каждая из стран ССАГПЗ сохраняла за собой право формировать внешние таможенные тарифы по своему усмотрению.

Формирование ЗСТ представляет собой весьма умеренный прогресс в рамках экономической интеграции. Однако стоит отметить сопутствующие институциональные преобразования, которые происходят для совместного регулирования торговли.

Важно отметить, что соглашения о создании ЗСТ не несут в себе рисков потери экономического суверенитета, а лишь предоставляют странам-участницам экономические выгоды от свободной торговли. Экономическая составляющая интеграции была актуализирована периодом крайне низких цен на нефть во второй половине 1980-х годах. Продолжающиеся региональные конфликты и неиспользованный в полной мере потенциал регионального рынка дополнительно подстегнул экономическую интеграцию в том числе и в странах ССАГПЗ. Общемировая динамика интеграционных процессов наглядно просматривается на рисунке 1.4.

Очевидно, что последовал заметный рост количества активных ЗСТ, указывая не только региональный интерес к более тесной экономической интеграции, но и общемировой.

Дальнейшим знаменательным этапом интеграционных процессов в регионе стало Экономическое соглашение 2001 г. Согласно тексту документа, значительно расширились направления экономического взаимодействия в рамках ССАГПЗ. Вместе с тем появилась и конкретизация шагов экономической интеграции, обозначались временные рамки.

Источник: составлено автором на основе данных ВТО [39].

Рисунок 1.4 – Динамика количества региональных ЗСТ на Ближнем Востоке

Особое место занимал пункт Соглашения о создании к 2003 г. таможенного союза (далее – ТС). Минимальными требованиями создаваемого ТС становились [123]:

- единый внешний таможенный тариф (далее – ЕВТ);
- общие для государств-членов ССАГПЗ таможенные правила и процедуры;
- таможенные сборы взимаются единожды при пересечении границы таможенного пространства;
- устранение всех тарифных и нетарифных барьеров торговли на пространстве ССАГПЗ с учетом законов о сельскохозяйственном и ветеринарном карантине, а также правил, касающихся запрещенных и ограниченных товаров;
- к товарам, произведенным в любом государстве-члене таможенного союза ССАГПЗ, применяется одинаковый таможенный режим.

По условиям нового Соглашения, ЕВТ вводился с 1 января 2003 г. и составлял 5%. Некоторые товары первой необходимости освобождались от

таможенных пошлин в соответствии с предусмотренными таможенным законодательством ССАГПЗ и тарифными обязательствами некоторых государств-членов ВТО исключениями. По оценке Секретариата ССАГПЗ, эти беспошлинные товары составляют порядка 10% от импортируемых товаров [195].

Создание таможенного союза на пространстве ССАГПЗ ставило перед собой задачи следующего характера:

- минимизация барьеров на пути беспрепятственного движения товаров внутреннего и внешнего происхождения;
- содействие росту интенсивности и объемам внутренней торговли между странами ССАГПЗ;
- содействие росту экономической конкурентоспособности;
- создание более весомой коллективной переговорной позиции членов ССАГПЗ, потенциально ставя арабские страны Персидского Залива в более выгодную позицию в переговорах с их партнерами в области торговли и инвестиций.

Функциональным продолжением процесса финансово-экономической интеграции стало создание общего рынка ССАГПЗ.

По итогам 24-й сессии ВС ССАГПЗ (прошедшей в декабре 2003 г.) был утвержден механизм мониторинга прогресса по формированию общего рынка, который заключался в следующем:

- профильные комитеты министров предлагают поэтапные механизмы по формированию общего рынка ССАГПЗ в соответствии с заранее согласованным и утвержденным ВС ССАГПЗ на 23-й сессии графиком;
- комитеты по финансовому и экономическому сотрудничеству осуществляют мониторинг процесса формирования общего рынка ССАГПЗ, исходя из резолюций ВС и содержания Экономического соглашения. На Комитеты также возлагаются функции оценки хода реализации процесса, изучения возникающих трудностей, предложения механизмов для их преодоления.

Первое Экономическое соглашение стран ССАГПЗ от 1981 г. не содержало настолько конкретных положений по формированию общего рынка, как Соглашение 2001 г. В 8 статье Соглашения 1981 г. речь шла об обеспечении лишь 4 свобод [207]:

- 1) свобода трудовой миграции, перемещения и проживания;
- 2) свобода прав собственности, наследования и завещания;
- 3) свобода осуществления экономической деятельности;
- 4) свобода движения капитала.

Однако за два десятилетия экономических интеграционных процессов в регионе Залива возникла необходимость осуществить некоторые уточнения в документе. В частности, потребовались дополнительные разъяснения в части снятия ограничений на экономическую деятельность.

Статья 3 Экономического соглашения 2001 г. отражает наиболее важное положение, касающееся введенной странами ССАГПЗ концепции «экономического гражданства». Эта концепция предусматривает и конкретизирует равное обращение со всеми физическими и юридическими лицами арабских стран Персидского залива путем предоставления им равных прав и свобод в ряде экономических сфер. В статье соглашения обозначены 10 общих экономических областей, которые помогают избавиться от существовавшей ранее неясности трактовки. Эти десять областей включают в себя следующие свободы и положения для «экономических националов» ССАГПЗ [116]:

- 1) свободное передвижение и проживание в пределах ССАГПЗ;
- 2) право замещения должностей в частных и государственных организациях;
- 3) равное пенсионное и социальное обеспечение;
- 4) равноправное участие во всех профессиях и ремеслах;
- 5) равноправное участие во всех экономических и инвестиционных мероприятиях;
- 6) равные права на владение недвижимостью;

- 7) свободное движение капитала;
- 8) недискриминационный налоговый режим;
- 9) право на владение акциями и создание корпораций;
- 10) равные права на доступ к образованию, здравоохранению и социальным услугам.

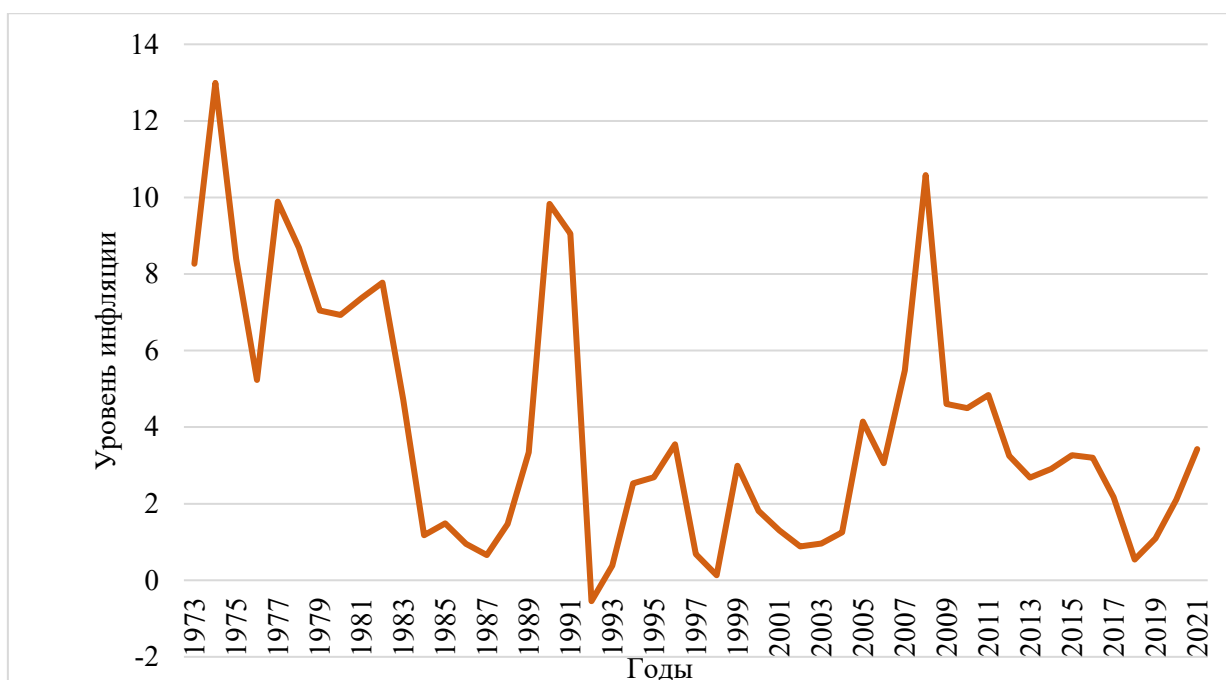
Следующим этапом финансово-экономической интеграции стран ССАГПЗ, согласно классическим представлениям об экономической интеграции, должен был бы стать экономический и валютный союз. Экономическими соглашениями 1981 г. и 2001 г. предусмотрено создание общего рынка и валютного союза, однако для этого очевидно требовалось формирование соответствующей институциональной и законодательной системы.

В 2001 г. ВС ССАГПЗ утвердил график создания валютного союза и начала эмиссии единой валюты. Предусматривалась твердая привязка валют ССАГПЗ к доллару США до конца 2002 г. Параллельно с этим государства-члены ССАГПЗ работали над согласованием стандартов и критериев финансовой и валютной конвергенции, которые были приняты Комитетом по финансовому и экономическому сотрудничеству.

Валютная привязка курсов национальных валют стран ССАГПЗ к доллару США была завершена к 2002 г., однако в 2007 г. Кувейту пришлось внести изменения в договоренности.

Из-за ослабления доллара США и опасения роста ставки Федеральной резервной системы США инфляция в Кувейте значительно выросла в период 2007–2008 гг. Это наглядно просматривается на графике инфляции этого заливного государства на рисунке 1.5.

Этот скачок инфляции в 2007 г., собственно, и вынудил регулятора привязать кувейтский динар к нераскрытой корзине валют (где доллар США, тем не менее, доминирует с большой долей вероятности).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [33].

Рисунок 1.5 – Динамика инфляции (на основе индекса потребительских цен) в Кувейте, в процентах к предыдущему году

В 2005 г. ВС ССАГПЗ утвердил критерии конвергенции и их содержание. Полномочными профильными комитетами были сформулированы задачи совместного валютного управления в рамках создания валютного союза. Этот орган, по задумке, должен быть независимым в своих решениях и первоначально функционировать именно в форме валютного совета, впоследствии принимая на себя функции Центрального банка ССАГПЗ.

В рамках попытки гармонизировать экономические и финансовые системы стран ССАГПЗ были предложены критерии конвергенции фискальной и денежно-кредитной политики, во многом идентичные по своему содержанию так называемым Маастрихтским критериям зоны евро. Сравнительный анализ критериев Маастрихтского договора и ССАГПЗ представлен в таблице 1.3.

Однако уже на этом этапе появились первые признаки противоречий внутри интеграционного объединения. В 2006 г. Оман уведомил Совет, что не сможет обеспечить выполнение необходимых для формирования валютного союза условий. Немногим позже председатель Центрального банка

ОАЭ Н. Аль-Сувейди заявил, что создание валютного союза даже к 2015 г. кажется излишне оптимистичным [48].

Таблица 1.3. – Сравнительный анализ критериев конвергенции фискальной и денежно-кредитной политики Еврозоны и ССАГПЗ

Критерий конвергенции	Еврозона	ССАГПЗ
Инфляция	Уровень инфляции страны-члена не должен превышать средневзвешенный показатель инфляции всех остальных государств более, чем на 1,5 п.п.	Уровень инфляции страны-члена не должен превышать средневзвешенный показатель инфляции всех остальных государств более, чем на 2 п.п.
Ключевая процентная ставка Центрального банка	Процентная ставка в каждом государстве-члене не должна превышать среднее значение трех самых низких краткосрочных процентных ставок (3-месячных ставок) более, чем на 2 п.п.	
Дефицит государственного бюджета	Годовой дефицит государственного бюджета не должен превышать уровень в 3% от номинального ВВП	
Государственный долг	Соотношение государственного долга правительства к ВВП не должно превышать 60%	
Валютные резервы	-	Валютные резервы каждой страны-члена должны покрывать расходы на сырьевой импорт в течение как минимум 4 месяцев

Источник: составлено автором по материалам [205].

Проект по созданию единой валюты ССАГПЗ был еще сильнее заторможен в 2009 г., когда власти ОАЭ приняли решение полностью выйти из инициативы по валютной интеграции. Камнем преткновения стал отказ, поступивший в ответ на просьбу ОАЭ о размещении центрального банка ССАГПЗ в Абу-Даби (вместо его размещения в Саудовской Аравии) [121].

Четыре арабских государства ССАГПЗ (Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн и Катар) все еще формально намеревались продолжить процесс создания единой валюты в регионе, даже определившись с названием для гипотетической денежной единицы – халиджи. В переводе с арабского означает «заливной», относящийся к Персидскому заливу. Однако уже к 2010 г. оставшиеся страны приняли коллективное решение отложить

введение единой валюты до 2015 г. По состоянию на 2022 г. никаких подвижек в процессе валютной интеграции арабских стран Персидского залива не произошло.

Тем не менее, в 2008 г. произошел очередной сдвиг в интеграции стран ССАГПЗ. Формально был запущен общий рынок в рамках интеграционного объединения, основанный на 10 свободах «экономической национальности» в соответствии с упомянутыми ранее положениями Экономического соглашения 2001 г. Благодаря единому рынку, устранялись барьеры движению товаров, капитала, рабочей силы.

Несмотря на то, что создание валютного союза поставлено на паузу, в арабских странах Залива все равно происходит гармонизация и интеграция разных элементов финансово-экономических систем. Показательным является создание единой статистической системы GCC Stat, направленной на стимулирование мониторинга статистических данных и упрощению аналитических исследований. Одновременно эта система способствует повышению эффективности мер денежно-кредитной политики и координации надзорной политики регуляторных институтов стран ССАГПЗ.

Исследователи в области арабской экономической интеграции отмечают свойственную региону специфику. Российский экономист Н.Н. Ломакин, специализирующийся на экономиках стран ССАГПЗ, указывает на практическое отсутствие наднационального права на экономическом пространстве арабских стран Персидского залива [5]. А имеющиеся же наднациональные институты, в особенности Валютный совет ССАГПЗ, по мнению автора, находятся лишь на первичных стадиях своего функционального развития. Здесь же автор сравнивает ССАГПЗ и ЕС, делая выводы о фундаментальных отличиях процесса интеграции – они обусловлены геополитическими и политическими факторами в гораздо большей степени, чем экономическими. Н.Н. Ломакин также приходит к выводу о том, что с учетом политико-экономической раздробленности в

регионе Залива не целесообразно ожидать в среднесрочной перспективе более глубокой степени интеграции на общерегиональном уровне.

Российский экономист-востоковед А.В. Федорченко отмечает ряд специфических факторов экономической интеграции в регионе [64]. Эксперт особо отмечает факторы внешнеполитических противоречий и сильной политической и экономической дифференциации. Автор называет это указывает на «низкую степень готовности к либерализации внешнеэкономических отношений с соседями», на отсутствие политической воли к принятию шагов в этом направлении. В этом же русле А.В. Федорченко рассуждает и об особенностях в отношениях с такими экономически крупными ближневосточными державами как Иран и Израиль, которые, по мнению исследователя, также играют существенную роль.

Таблица 1.4 – Факторы, исторически способствующие и противодействующие дальнейшей интеграции стран ССАГПЗ

Категория факторов	Способствующие	Противодействующие
Экономические	Получение потенциальных экономических выгод от более глубокой гармонизации экономических систем и минимизации межстрановых барьеров	Структурные отличия экономических систем; Отсутствие стимулов к проведению необходимых структурных реформ
Финансовые	Получение потенциальных выгод от создания валютного союза; Получение потенциальных выгод от создания общей финансовой биржи	Нежелание идти на уступки в формировании суверенной денежно-кредитной политики; Разногласия при гипотетическом формировании наднационального центрального банка
Политические	Наличие коллективных интересов в области обеспечения региональной безопасности	Наличие противоречий, конфликтов и разногласий между региональными державами
Социально-культурные	Схожие монархические традиции	Клановое устройство общества; Нежелание делиться суверенитетом ради экономических выгод
Технологические	Стремление максимизировать сравнительные преимущества национальных экономик для стимулирования экономического развития	Слабые стимулы к инновационному развитию и диверсификации экономических систем

Источник: составлено автором.

Для наглядности можно агрегировать факторы, исторически способствующие и противодействующие дальнейшей интеграции стран ССАГПЗ в таблицу, что и показано в таблице 1.4.

Вышеописанные элементы экономической интеграции относятся прежде всего к макроуровню, однако процесс идет и на микроуровне. Так, на микроэкономическом уровне интеграция подразумевает разделение между отдельными государствами труда в рамках транснациональных компаний [51].

Немецкий исследователь С. Виппель отмечает, что трудно говорить о состоянии экономической интеграции в ССАГПЗ на микроуровне, так как количество исследовательских работ в этой сфере крайне низок [225]. Более того, эксперты аналитического центра Derasat констатируют: количество доступных данных на микроэкономическом уровне делает анализ этого измерения интеграционных процессов в Персидском заливе крайне затруднительным [76].

Проведенный анализ позволяет предположить, что на политическом уровне руководство стран-участниц в целом придерживается прагматической линии и стремится обеспечивать прежде всего национальные интересы, а только потом уже изучать вопросы экономической интеграции.

Таким образом, специфика и особенности взаимодействия арабских стран Залива обусловили формирование собственной интеграционной платформы в регионе в лице ССАГПЗ. Этот формат оказался более успешным и более результативным, чем иные интеграционные соглашения на Ближнем Востоке благодаря существенной схожести экономических и политических систем арабских монархий Персидского залива.

Начавшийся в последствии процесс экономической и финансовой интеграции стран ССАГПЗ, происходивший поэтапно на протяжении четырех десятилетий, привел к существенным результатам. Удалось достичь создания общего рынка, конкретизировать цели интеграции и обозначить институциональную базу для дальнейшего углубления интеграционных процессов. Вместе с тем дальнейшее сближение экономических систем

арабских стран Персидского залива затрудняется по ряду причин. Среди них – отсутствие политической воли и консенсуса, различия в подходах к решению политических и экономических разногласий. Эта экономическая и политическая раздробленность, вероятно, тормозит дальнейшее углубление процесса экономической интеграции в регионе.

Внутренняя экономическая и политическая конкуренция арабских стран Персидского залива, стремление сохранить национальный суверенитет и устойчивость экономики, по всей видимости, являются ключевыми факторами в процессе экономической интеграции в Заливе. Европейская модель интеграции, равно как и интеграционные процессы АСЕАН, вероятно, не в полной степени экстраполируются на ССАГПЗ. Следовательно, можно предположить, что экономическая интеграция в странах ССАГПЗ обладает иной, уникальной в своем становлении и развитии траекторией.

Глава 2

Динамика и направления развития экономической интеграции арабских стран Персидского залива

2.1 Сравнительный анализ экономических систем стран ССАГПЗ

Сравнительный анализ экономик арабских стран Залива базируется на анализе структурных особенностей экономических систем этих государств. Отправной точкой сравнительного анализа может послужить традиционное для такой практики сопоставление стран региона по уровню ВВП, населения и ВВП на душу населения.

Несмотря на то, что в абсолютных значениях страны ССАГПЗ существенно отличаются по валовому продукту и по населению, при сопоставлении ВВП на душу населения показатели различаются менее радикально. Для наглядности данные представлены в таблице 2.1:

Таблица 2.1 – Сравнительные данные стран ССАГПЗ по ВВП и населению, 2022 г.

Страна	ВВП по ППС, млрд долл. США	ВВП по ППС на душу населения, долл. США	Население, млн	Индекс человеческого развития (HDI)
Бахрейн	90,14	61228	1,47	0,875
КСА	2150,49	59065	366,41	0,875
Катар	308,99	114648	2,70	0,855
Кувейт	247,83	58056	4,28	0,831
ОАЭ	828,26	87729	9,44	0,911
Оман	190,94	41724	4,58	0,816

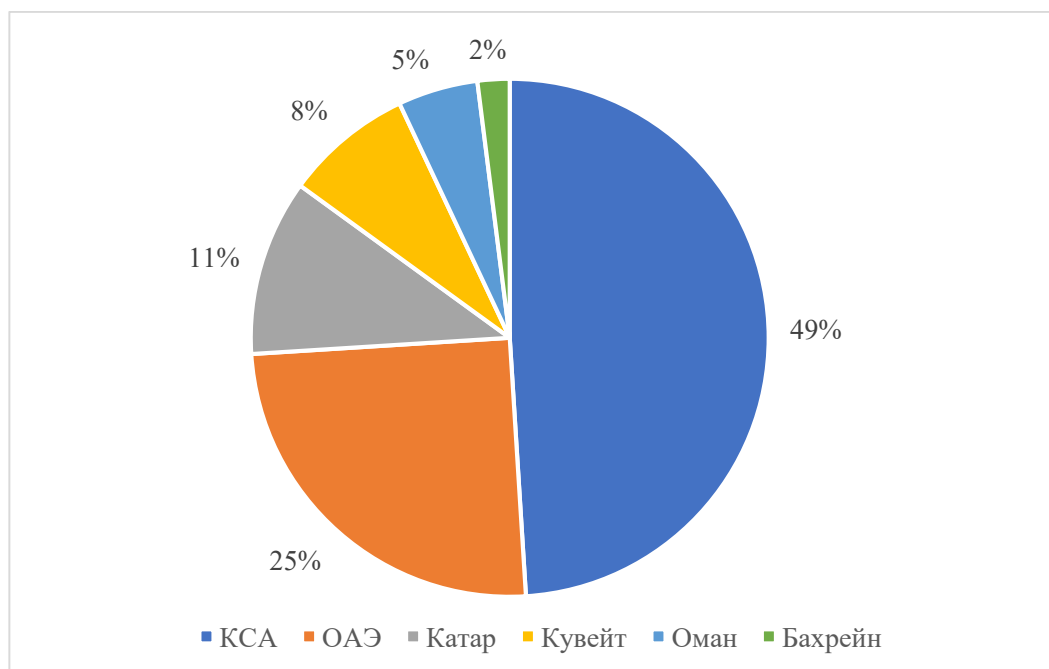
Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка [45].

Данные ВВП на душу населения также позволяют заключить, что все государства Залива относятся к странам с высоким уровнем доходов по классификации Всемирного банка (с ВВП на душу населения более

13205 долл. США в 2021 г.). Вместе с тем Конференция ООН по торговле и развитию (далее – ЮНКТАД) справедливо относит страны ССАГПЗ именно к развивающимся, а не к развитым, прежде всего из-за структурных особенностей экономик в регионе.

При этом указанные выше данные Индекса человеческого развития указывают на то, что все арабские монархии Персидского залива относятся к категории очень высокого уровня развития.

Данные ВВП указывают на то, что вклад в общий ВВП стран ССАГПЗ распределяется неравномерно между странами-участницами интеграционного объединения. Доля каждой страны Залива в общем региональном ВВП ССАГПЗ представлена на рисунке 2.1:

Источник: составлено по данным МВФ за 2022 г. [32].

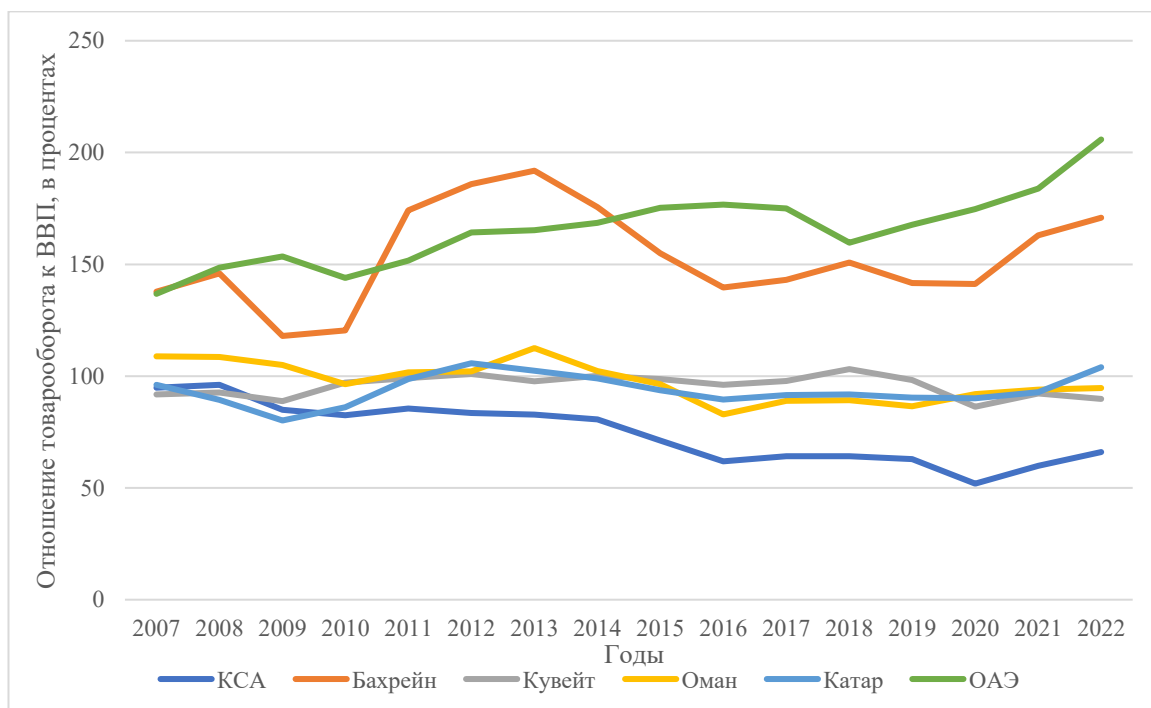
Рисунок 2.1 – Доля ВВП отдельных стран в общем ВВП ССАГПЗ

Очевидно, что практически половина регионального ВВП генерируется Саудовской Аравией, еще четверть – ОАЭ, а на оставшуюся четверть регионального ВВП приходятся оставшиеся четыре страны ССАГПЗ. Такое распределение экономического потенциала указывает на то, что КСА и ОАЭ являются экономическими «лидерами» региона. Неравномерность экономического потенциала связана в том числе и с территориальными

различиями, с существенными различиями в населении стран Залива, а также с неравномерным распределением нефтегазовых ресурсов.

В качестве интеграционного объединения страны ССАГПЗ, по некоторым оценкам, добывают около четверти нефти в мире и являются обладателями порядка 40% мировых запасов нефти, более 20% природного газа [178]. Подобные природные богатства формируют структуру экономических систем стран региона, влияют на их торговые модели и в значительной степени определяют траекторию экономического развития стран Залива.

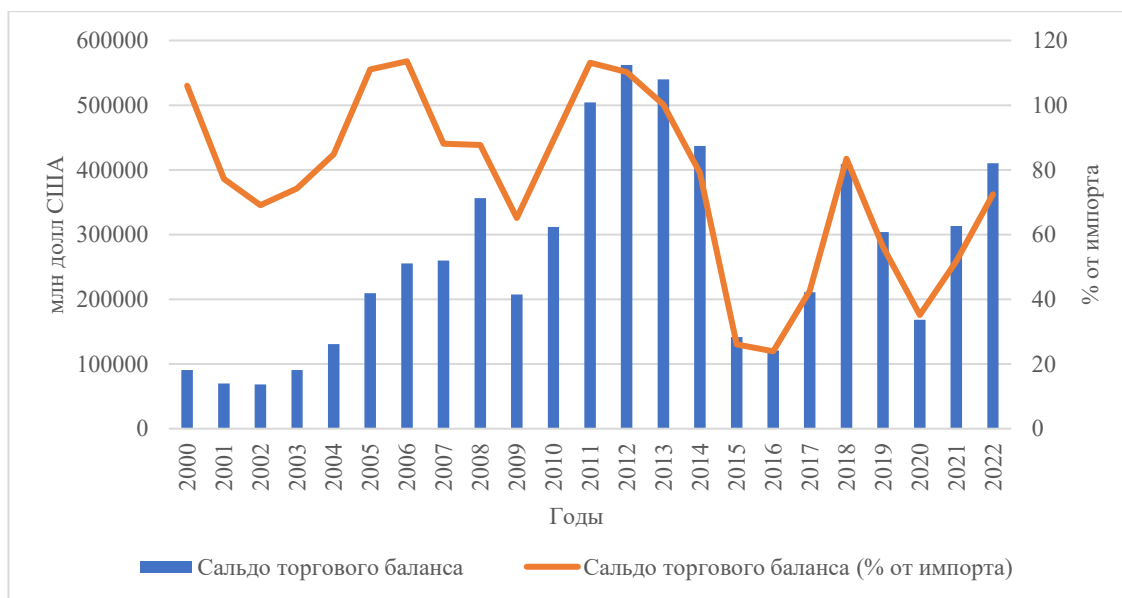
Это отражается, в частности, и на структуре внешней торговли стран в регионе. Наличие природных ресурсов и спроса на них привело к существенной ориентации стран ССАГПЗ на экспорт природных ресурсов и их производных. В целом, отношение товарооборота к ВВП в странах ССАГПЗ в среднем было близко к 100%, в то время как в развивающихся странах этот показатель составляет порядка 50%. По сути, этот показатель свидетельствует о высокой степени открытости экономик в регионе. Более подробно соотношение товарооборота к ВВП представлено на рисунке 2.2:

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД [44].

Рисунок 2.2 – Степень открытости экономик стран ССАГПЗ, 2007-2022 гг., отношение товарооборота к ВВП, в процентах

Ориентированность стран Залива на экспорт находит отражение в стабильно положительном внешнеторговом балансе. Сальдо внешней торговли товарами, выраженное в абсолютных значениях, а также как отношение к импорту представлено на рисунке 2.3:

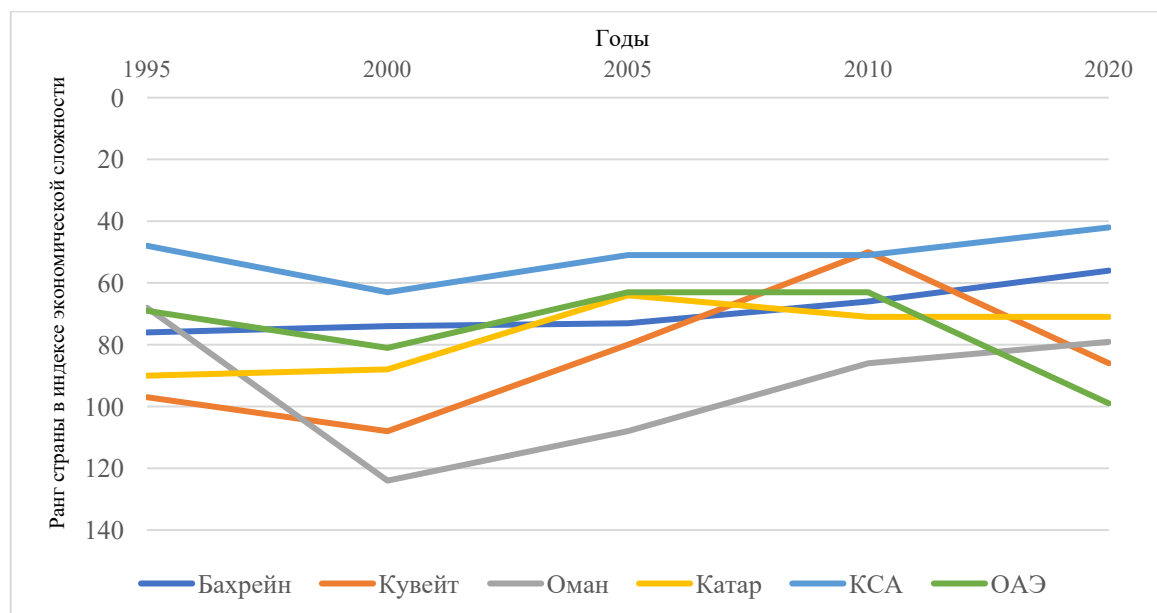
Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД [44].

Рисунок 2.3 – Сальдо внешнеторгового баланса стран ССАГПЗ, 2000-2022 гг.

Вряд ли можно говорить о присутствии каких-либо устойчивых, явных и долгосрочных макротрендов во внешнеторговом балансе стран Залива, однако некоторые элементы необходимо отдельно отметить. Так, на представленном выше графике наблюдается тенденция на снижение отношения импорта к сальдо торгового баланса на протяжении последних двадцати лет. Такая динамика связана с ростом покупательной способности населения стран ССАГПЗ, что приводит к постепенному росту стоимости и объёмов импорта для покрытия растущего внутреннего потребления [130].

Для общего анализа экономического потенциала следует также сравнить страны ССАГПЗ по индексу сложности экономики (Economic complexity index), рассчитываемого в рамках проекта The Atlas of Economic Complexity. Этот комплексный показатель отражает уровень экономического развития, основываясь на накоплении производственного опыта и его применения во все более сложных отраслях промышленности. Логика

показателя такова, что индекс государства увеличивается именно за счет сложности экспортируемой продукции. Затем страны ранжируются в порядке убывания, то есть чем ниже значение, тем выше уровень экономической сложности. Для стран ССАГПЗ динамика ранга по этому индексу представлена в рисунке 2.4:

Источник: составлено автором по данным Atlas of Economic Complexity [29].

Рисунок 2.4 – Ранг стран ССАГПЗ в индексе экономической сложности, 1995-2020 гг.

Как видно из рисунка 2.4, ОАЭ на текущем этапе развития в регионе являются наименее развитой экономикой с точки зрения сложности производства экспортируемой продукции. Самая крупная по размерам и богатая ресурсами в регионе Саудовская Аравия обладает также и наиболее сложной производственно-экспортной экономикой.

Для более глубокого понимания внешней торговли арабских стран Залива необходимо более детально рассмотреть структуру экспорта и импорта стран в регионе. Внешнеторговые данные за последние несколько лет дадут достаточно глубокое понимание общей экономической картины по причине отсутствия радикальных изменений во внешнеторговых отношениях за этот период.

Следовательно, некоторые основные данные по внешней торговле Саудовской Аравии за 2020 г. представлены в таблице 2.2:

Таблица 2.2 – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Саудовской Аравии, 2019-2021 гг.

Саудовская Аравия							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019	2020	2021		2019	2020	2021
Китай	19,80	20,0	19,0	Китай	17,7	22,1	18,9
Индия	11,0	10,1	10,0	ОАЭ	13,3	12,6	14,5
Япония	10,5	9,75	9,43	США	8,72	4,73	7,57
Корея	8,51	8,63	8,4	Индия	4,23	4,44	5,67
ОАЭ	2,90	5,51	5,46	Япония	4,25	3,5	3,78
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019	2020	2021		2019	2020	2021
Минеральное топливо	75,1	65,3	70,1	Автомобили и запчасти	12,6	11,7	11,6
Пластики и производные	9,42	10,6	9,53	Оборудование	11,21	11,5	10,5
Органические химикаты	5,56	6,36	5,89	Электротехника	9,9	10,9	8,33
Неорганические химикаты	1,12	1,45	0,81	Железо и сталь	3,28	3,71	3,75
Удобрения	1,04	1,35	1,64	Фармацевтическая продукция	3,28	3,47	3,91

Источник: составлено автором на основе данных Observatory of Economic Complexity (далее – ОЕС) [41].

Из представленных выше данных следует вывод о доминирующей роли минерального топлива в экспорте Саудовской Аравии. В структуре экспорта минеральное топливо, а также тесно связанная с нефтяной индустрией химическая промышленность занимают доминирующее положение.

Менее развитая ненефтяная промышленность компенсируется импортом более сложной в производстве промышленной продукции из Китая и одновременно косвенным образом создает возможность для развития сферы услуг, которая составила около 56,1% ВВП в 2021 г. [183]. Примечательно также, что Китай и Индия занимают сильные позиции среди внешнеторговых партнеров королевства, в то время как из соседних стран ССАГПЗ в топ-5 представлены лишь ОАЭ.

Структура внешней торговли Бахрейна выглядит несколько иначе. Некоторые данные по экспорту и импорту Бахрейна представлены в таблице 2.3:

Таблица 2.3. – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Бахрейна, 2019-2021 гг.

Бахрейн							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
ОАЭ	23,6	21,3	17	КСА	31,2	27,1	14,7
КСА	15,6	17,0	16,2	Китай	10,6	9,92	8,79
Малайзия	0,97	4,54	1,63	ОАЭ	7,27	7,7	24,0
США	6,08	5,97	7,41	Бразилия	3,76	4,29	12,3
Кувейт	1,4	3,92	3,0	США	4,69	4,93	4,2
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Минеральное топливо	40,3	29,4	32,6	Оборудование	9,82	14,3	9,2
Алюминий и производные	17,5	25,1	27,0	Электротехника	6,53	7,25	7,4
Железо и сталь	6,22	6,01	8,74	Автомобили и запчасти	6,27	6,24	5,58
Пластик и производные	1,42	2,24	1,75	Руда, шлак	4,69	4,51	14,4
Драгоценные камни и металлы	3,41	2,02	3,1	Железо и сталь	2,11	4,08	2,91

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС [90].

Из данных таблицы 2.3 стоит отметить, что Китай играет меньшую роль во внешней торговле Бахрейна, чем у Саудовской Аравии. Бахрейн является самым малонаселенным государством ССАГПЗ, а также самой маленькой экономикой региона. По этой причине внешняя торговля является ключевым элементом функционирования экономики. Ограниченность территории также привела к специализации на сфере услуг, которая составляет порядка 57% от ВВП, и практически отсутствующему сельскому хозяйству (0,3% ВВП в 2021 г.) [91].

Помимо традиционного нефтегазового сектора, стабильно составляющего более трети экспорта, в стране также развита алюминиевая

промышленность. Так, в Бахрейне действует первый алюминиевый завод на Ближнем Востоке, запущенный еще в 1971 г. Это обуславливает внешнеторговые связи Бахрейна: ОАЭ и Саудовская Аравия импортирует значительные объёмы алюминия, а также железа и стали для активно развивающихся инфраструктурных проектов. Сырьё (в частности, бокситы) и высокотехнологичное оборудование как для металлургии, так и для нефтегазовой промышленности, напротив, импортируется, например, из Бразилии

Чуть большей чем Бахрейн экономикой обладает Оман. Как и в случае с Бахрейном, внешняя торговля имеет для этой арабской страны ключевое значение. Основные торговые партнеры Омана и главные товарные группы товарооборота страны представлены в таблице 2.4:

Таблица 2.4 – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Омана, 2019-2021 гг.

Оман							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Китай	41,4	36,9	42	ОАЭ	33	33,2	33
Индия	7,11	7,5	9,11	Китай	8,72	8,91	9,22
Корея	5,79	5,29	4,68	Индия	6,48	6,91	6,81
ОАЭ	7,13	9,74	6,86	Япония	5,28	4,12	3,41
КСА	5,78	6,33	4,11	КСА	3,28	4,53	4,72
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Минеральное топливо	62,4	52,3	61,8	Оборудование	14,31	14,33	10,4
Железо и сталь	5,28	6,89	6,8	Автомобили и запчасти	12,3	9,91	9,89
Органические химикаты	4,58	2,99	3,22	Электротехника	7,6	9,17	7,05
Удобрения	2,34	2,94	3,85	Железо и сталь	5,1	5,14	4,56
Пластики и производные	2,37	3,4	4,05	Пластики и производные	3,03	2,91	3,12

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС [161].

Оманская экономика, как и саудовская, в значительной степени зависит от экспорта энергоресурсов, причем основное направление их экспорта –

Китай. Стоит, однако, отметить, что природный газ постепенно вытесняет нефть в экспорте Омана. Аналитики связывают это с благоприятными условиями для разработки месторождений и последующей добычи, а также с растущим спросом на сжиженный природный газ [165]. Промышленность внутри страны связана в основном с добывающей отраслью и слабо диверсифицирована. Она составляет примерно половину ВВП [164].

В экономике Султаната Оман важное место занимает сталелитейная промышленность, значительная часть продукции которой идет на экспорт. Примечательно при этом, что профильные оманские компании активно развивают промышленные фабрики, работающие на «зеленом» водороде.

Другая крупная экспортная группа товаров – удобрения. Оман в 2021 г. поднялся на 4-е место среди производителей удобрений, что объясняет значительную долю этой экспортной статьи [162]. Несмотря на развитие ненефтяной промышленности, высокотехнологичное оборудование и запчасти для функционирования заводов импортируются из Китая и Японии, а также из ОАЭ.

Катар – еще один из основных поставщиков природного газа на международные энергетические рынки. Некоторые из основных аспектов катарской внешней торговли приведены ниже в таблице 2.5.

Экономика Катара выделяется тем, что хотя страна и является вторым в мире по объемам экспортером сжиженного природного газа, его экономические связи несколько отличаются от остальных членов ССАГПЗ. Значительную роль в этой диверсификации сыграл дипломатический кризис 2017-2021 гг., во время которого, помимо прочего, были введены ограничения на торговлю и воздушное сообщение с рядом стран в регионе.

Тем не менее, экономический спад от введенных ограничений оказался не таким серьезным, как можно было бы предположить. Доха перенаправила свои торговые связи в обход стран, ограничивших торговлю с Катаром, поставив задачу обеспечения внутренней самодостаточности в ключевых отраслях и расширение торгово-экономических связей с другими партнерами.

Таблица 2.5 – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Катар, 2019-2021 гг.

Катар							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Япония	16,7	16,6	11,3	Китай	8,85	12,0	13,6
Индия	13,3	14,9	10,9	Великобритания	7,66	7,1	6,17
Китай	13,2	14,5	12,68	Германия	4,77	6,32	4,85
Корея	15,7	12,4	9,84	Франция	12,60	5,99	3,6
Сингапур	7,76	5,81	6,21	Италия	4,7	4,05	4,87
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Минеральное топливо	87,7	80,1	87,8	Оборудование	17,81	17,2	16,0
Пластики и производные	2,56	3,35	2,52	Электротехника	11,4	8,22	11,0
Судна и лодки	0,58	2,56	0,54	Автомобили	6,65	6,32	8,95
Алюминий и производные	1,67	2,51	1,72	Запчасти для авиации	11,8	5,23	1,91
Удобрения	1,69	2,44	2,08	Судна, лодки	2,16	7,56	2,82

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС [169].

Среди них особую роль сыграли США, ЕС, Турция и страны Азии. Благодаря «шоковым» изменениям, внутреннее производство продуктов питания в Катаре увеличилось на 400% с 2017 г. Страна полностью обеспечивает себя курятиной и молочными продуктами, в то время как до введения торгового эмбарго Катар импортировал более 70% своей молочной продукции, в основном из Саудовской Аравии. Между тем, торговля между Катаром и Турцией, в частности, резко возросла. Эти страны подписали 10 новых соглашений об увеличении торговли и поощрении турецких инвестиций в катарские особые экономические зоны [86].

Тем не менее, Катар все же импортирует высокотехнологичную промышленную продукцию из более развитых в экономическом смысле стран. Это касается прежде всего оборудования для нефтегазовой индустрии, например газовых турбин, которые импортируются из Великобритании. Что касается сравнительно высокой доли импорта запчастей для авиации, то это

объясняется поддержанием воздушного флота Qatar Airways, входящую в десятку самых крупных международных авиалиний.

Экономика еще одного арабского государства Залива – Кувейта – считается самой зависимой от нефти среди государств ССАГПЗ [226]. Более подробная информация о структуре внешней торговли Кувейта представлена в таблице 2.6:

Таблица 2.6 – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Кувейта, 2019-2021 гг.

Кувейт							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Китай	19,3	23,6	27,4	Китай	19,3	23,6	27,4
Индия	14,4	14,2	15,0	Индия	14,4	14,2	15,0
Корея	15,3	12,4	12,4	Корея	15,31	12,4	12,44
Япония	9,77	9,67	9,95	Вьетнам	5,19	6,81	7,04
Вьетнам	5,19	6,81	7,04	Япония	9,77	9,66	9,95
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Минеральное топливо	84,9	83,6	86,8	Автомобили и запчасти	13,2	11,8	12,3
Органические химикаты	3,99	5,02	5,4	Оборудование	11,1	8,97	7,65
Запчасти для авиации	3,88	2,52	0,44	Электротехника	8,15	8,41	6,68
Пластики и производные	1,35	1,91	1,34	Фармацевтическая продукция	2,96	4,21	3,8
Автомобили и запчасти	1,73	1,87	1,71	Железо и сталь	5,3	3,98	5,82

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС [139].

Как видно из представленных в таблице 2.6 данных, экспорт Кувейта действительно в наибольшей степени чем в остальных странах ССАГПЗ представлен энергоресурсами. Сталелитейная промышленность в Кувейте занимает второе место после нефтяной, причем внутренний спрос полностью обеспечивается локальными мощностями [141]. Остальные же категории экспортируемых товаров незначительны. В виду отсутствия производственных мощностей для продукции иного плана, страна

импортирует большую часть высокотехнологичных товаров, что и отражается на структуре импорта.

Важным представляется географическая ориентированность Кувейта на азиатские рынки. Более того, у Кувейта, как и у Катара, слабо выражены внешнеторговая ориентированность на соседние рынки ССАГПЗ. При этом стабильно высокие показатели товарооборота на протяжении последних лет фиксируются с Японией и Кореей, которые импортируют из Кувейта нефть, поставляя автомобили и комплексное оборудование и станки [140]. Китай и Индия также занимает лидирующие позиции, закрывая преимущественно сегмент легкой промышленности и потребительских товаров.

Внешнеторговые аспекты экономики ОАЭ – второй экономики по объёму ВВП в регионе, также выполняющую роль ключевого транспортного, торгового и логистического хаба в Заливе – представлены ниже в таблице 2.7:

Таблица 2.7 – Основные товарные группы товарооборота и торговые партнеры Кувейта, 2019-2021 гг.

ОАЭ							
Основные направления экспорта				Основные партнеры по импорту			
Страна	Доля, в процентах			Страна	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Индия	10,8	10,2	14,2	Китай	14,5	16,6	17,3
Китай	6,14	8,93	7,73	Индия	12,3	8,84	9,44
КСА	7,92	9,19	7,53	США	7,05	6,49	5,54
Япония	9,49	7,01	8,39	КСА	2,86	4,35	5,21
Ирак	5,37	6,04	4,82	Германия	4,12	3,70	3,14
Экспортируемые товары				Импортируемые товары			
Товарная группа	Доля, в процентах			Товарная группа	Доля, в процентах		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2019 г.	2020 г.	2021 г.
Минеральное топливо	39,2	32,5	37,9	Драгоценные металлы и камни	24,6	25,8	26,2
Драгоценные металлы и камни	17,3	19,1	18,7	Электротехника	11,1	12,3	12,04
Электротехника	7,89	10,1	8,42	Оборудование	10,5	11,2	9,18
Оборудование	5,32	5,92	5,06	Минеральное топливо	8,83	5,76	8,64
Автомобили	4,09	3,92	3,11	Автомобили и запчасти	6,43	6,06	5,74

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС [221].

Из представленных выше данных можно отметить большую по сравнению с соседними странами степень диверсификации товарных групп экспорта и более равномерное их распределение. ОАЭ являются, пожалуй, самой диверсифицированной экономикой среди стран ССАГПЗ, играя центральную роль в реэкспорте товаров из всего мира в арабские страны. По некоторым оценкам, реэкспорт составляет практически 60% от общего экспорта Эмиратов [215]. Это, собственно, и объясняет высокие доли электротехники и оборудования в экспорте страны. Подобная номенклатура же на деле импортируется из Китая, США и Германии.

В экономике ОАЭ, помимо традиционных для региона энергоресурсов, существенную роль занимают драгоценные камни. Так, ОАЭ стали в 2021 г. самым быстрорастущим рынком драгоценных камней, а Дубайская алмазная биржа является крупнейшей в мире платформой проведения торгов алмазами, в которой участвуют более 1200 компаний [104].

Торговля драгоценными камнями во многом объясняет интенсивное торгово-экспортное сотрудничество ОАЭ с Индией, откуда импортируется существенная доля алмазов. Индия занимает первое место как в общем экспорте Эмиратов, так и в ненефтяном [168].

В целом внешнюю торговлю стран ССАГПЗ можно охарактеризовать как диверсифицированную в плане торговых партнёров. Однако четко просматривается практически универсальное преобладание природных ископаемых – то есть нефти и газа – в структуре экспорта стран в регионе. Вместе с тем импортируются товарные группы, требующие сложной, налаженной и многоуровневой производственной архитектуры, которая, по всей видимости, пока отсутствует в достаточных масштабах в арабских странах Залива.

Экспорт нефтегазовых ресурсов, доходы от этого экспорта и связанные с этим налоговые платежи неразрывно связаны с государственными финансами членов ССАГПЗ. Особенности государственных финансов стран-экспортеров нефти хорошо изучены, поэтому известно, что фискальная

устойчивость стран ССАГПЗ зависит от цен на энергоресурсы и уровня налоговых поступлений в бюджет. Для обеспечения фискальной устойчивости предлагается, помимо прочего, соблюдать фискальную дисциплину и создавать стабилизационный фонд. Вместе с тем на практике эти рекомендации зачастую не соблюдаются [166].

Что касается экономических систем арабских стран Залива, то государственные финансы стран региона также следует сравнить. Некоторые основные показатели состояния государственных финансов стран ССАГПЗ представлены в таблице 2.8:

Таблица 2.8 – Основные показатели состояния государственных финансов стран ССАГПЗ

Параметр	Кувейт	ОАЭ	КСА	Катар	Оман	Бахрейн
Государственный долг, в процентах от ВВП	7,2	20,6	29,6	39,1	50,7	110,9
Общий внешний долг, в процентах от ВВП	34,8	73,8	23,8	95,8	74,9	246,6
Достаточность международных резервов для покрытия импорта, в месяцах	8,9	21,6	24,0	6,8	5,9	1,4
Иностранные активы, в процентах от ВВП	444,7	252,7	102,6	262,3	54,4	64,5
Фискальный баланс, в процентах от ВВП	5,9	8,3	6,7	11,9	4,2	0,5

Источник: составлено автором по материалам [200].

В целом, основываясь на данных таблицы 2.8, состояние сферы государственных финансов можно охарактеризовать как стабильное. Однако Бахрейн и Катар, по всей видимости, находятся в наиболее уязвимой с точки зрения фискальной устойчивости позиции. Отношение госдолга Бахрейна превышает его ВВП, а общий внешний долг страны превышает ВВП более чем в два раза. Важной также представляется необходимость уменьшения государственного сектора как такового, а также и размеров госрасходов по отношению к размеру экономики для каждой из стран ССАГПЗ [144].

Заметна также существенная доля иностранных активов, принадлежащих гражданам и институтам стран Залива. Причем для более богатых стран ССАГПЗ этот показатель больше, отражая их более обширные

возможности по прямым и портфельным инвестициям, в том числе с использованием соответствующих национальных суверенных фондов.

В русле сравнения общего состояния систем государственных финансов следует также сопоставить суверенные рейтинги государств Залива.

Основываясь на оценке надежности и платежеспособности стран ССАГПЗ, представленной ниже, Эмираты воспринимаются как наиболее надежный и стабильный с точки зрения финансовой устойчивости член интеграционного объединения, а Бахрейн – наименее платежеспособный.

Кредитные рейтинги государств Залива от трех основных рейтинговых агентств, а также совокупный (композиционный) рейтинг, рассчитанный First Abu Dhabi Bank, представлены в таблице 2.9. Этот рейтинг отражает «среднее» значение рейтингов на основе трех рейтинговых агентств и представлен в той же системе измерения, что и рейтинги Fitch. В целом, страны в представленной ниже таблице расположены в порядке уменьшения кредитных рейтингов.

Таблица 2.9 – Суверенные композитные рейтинги стран ССАГПЗ

Страна	Moody's	S&P	Fitch	Совокупный (композиционный) рейтинг
ОАЭ	Aa2	-	AA-	AA-
Катар	Aa3	AA	AA-	AA
Кувейт	A1	A+	AA-	AA-
КСА	A1	A-	A	A
Оман	Ba1	BB-	BB-	BB-
Бахрейн	B2	B+	B+	B+

Источник: составлено автором по материалам First Abu Dhabi Bank [114].

Стоит отдельно отметить, что фискальная стабильность Бахрейна затруднена рядом факторов. Среди них – стремление позиционировать себя в качестве одного из финансовых хабов, нетранспарентность фискальных реформ и неравномерное распределение богатства среди населения [78].

Таким образом, в результате проведенного сопоставительного анализа экономических систем арабских стран Залива их можно характеризовать как весьма схожие в структурном плане. И Саудовская Аравия, и практически все

остальные государства ССАГПЗ экспортируют в основном нефтегазовые ресурсы, именно они являются доминирующей товарной группой. Что любопытно, среди торговых партнеров стран Залива лидирующие позиции занимает большинство стран БРИКС – Бразилия, Индия, Китай и ЮАР.

При сопоставлении общих макроэкономических показателей стран ССАГПЗ важно также иметь в виду различия, которые вытекают из разницы как в занимаемой государствами площади территорий, так и населением этих стран.

Специализация экономических систем стран ССАГПЗ на добыче, экспорте и переработке нефтегазовых ресурсов находит отражение и в показателях состояния государственных финансов. Страны, обладающие сравнительно меньшими природными богатствами, и, соответственно, с меньшими бюджетными поступлениями от их экспорта, представлены менее высокими рейтингами кредитоспособности международных рейтинговых агентств, а также большим объемом государственного долга.

2.2 Особенности современного этапа экономической интеграции стран ССАГПЗ

Интеграционные процессы в рамках ССАГПЗ продолжается уже более четырех десятилетий. В этой связи необходимо дать оценку и охарактеризовать современные условия экономической интеграции в рамках объединения.

Номинально, на современном этапе ССАГПЗ соответствует этапу общего рынка. Однако как было показано в предыдущем параграфе, институты таможенного союза и общего рынка работают не в полную силу. Более детальный анализ интеграционных процессов в Заливе указывает на ограниченную способность стран-участниц следовать коллективной внутренней и внешней политике, выходящей за национальные рамки. Можно предположить, что координация, гармонизация и взаимное признание

национальных мер политики в рамках ССАГПЗ пока не достигли уровня, сравнимого, например, с уровнем европейской интеграции.

Экономическую интеграцию затрудняет и отсутствие механизмов взаимного контроля и мониторинга соблюдения положений соглашений, что, вероятно, также оказывает негативное влияние на интенсивность координации/синхронизации в сферах налоговой политики, здравоохранения, трудового законодательства и экологии. Согласование именно этих сфер политики оставлено в качестве добровольного для всего региона [186].

Этап становления общего рынка – пусть и номинально уже сформированного – по всей видимости, отражает современное состояние интеграционного объединения на Аравийском полуострове. С учетом ряда противоречий политического характера, упомянутых в предыдущих главе и параграфах, можно предположить, что на текущем этапе ССАГПЗ демонстрирует некоторые признаки «усталости», тормозящей региональную интеграцию. Вероятно, это и привело к временному отказу от масштабных экономических и финансовых инициатив, включая, прежде всего, валютный союз на пространстве ССАГПЗ, единый центральный банк и общую валюту.

В этой связи следует отойти от классических представлений о классической «вертикальной» (от ЗСТ к политическому союзу согласно Б. Балаша) экономической интеграции и обратиться к более современным альтернативным идеям, представленным в литературе. Так, одной из более современных идей является представление о том, что глубина экономической интеграции определяется, помимо прочего, степенью гармонизации и синхронизации внутреннего законодательства, норм и административных механизмов каждой из стран-участниц интеграционного объединения [136].

Можно предположить, что в некоторых сферах экономики и общества наблюдается более интенсивная и успешная гармонизация, чем в других. Следовательно, можно воспользоваться методом сравнительного анализа и рассмотреть некоторые из экономических, социальных и прочих направлений реформ, оценить степень гармонизации по региону.

Специфика экономических систем государств ССАГПЗ, стремление повысить финансово-экономическую устойчивость и «сгладить» потенциальное влияние турбулентности энергетических рынков на бюджеты монархий Залива привело к появлению стратегических планов реформ, направленных на обеспечение более устойчивого развития, так называемых «Видений». Эти стратегические проекты, несколько различающиеся по наполнению и срокам реализации, представлены в таблице 2.10:

Таблица 2.10 – Стратегические программы развития стран ССАГПЗ

Страна	КСА	Бахрейн	Катар	Оман	Кувейт	ОАЭ
Название программы	Vision 2030	Vision 2030	National Vision 2030	Vision 2040	State Vision 2035	Vision 2030
Наличие истории создания подобных документов стратегического планирования	Да	Нет	Нет	Да	Да	Да

Источник: составлено автором.

Запланированные сроки реализации масштабных социально-экономических реформ в Заливе различаются, однако справедливо отметить, что не все страны в регионе имели опыт разработки подобных документов. Ход реализации этих концептуальных документов послужит оценкой того, смогут ли региональные правительства адаптировать свою экономику к вызовам современного этапа развития международных экономических отношений.

Запланированные трансформации в наиболее масштабном плане реформ в регионе – «Видении 2030» Саудовской Аравии – состоят из трех основных направлений: экономики, общества и нации. Потенциальное воздействие от запланированных реформ могло бы оказать колоссальный эффект на экономическое и социальное развитие региона, однако даже здесь присутствуют элементы политического противостояния. Политическое

руководство ОАЭ неоднозначно воспринимает саудовское Vision 2030. В публичном дискурсе официальные лица поддерживают стремление КСА к интенсификации экономического роста как положительное событие для экономики региона, указывая на преимущества здоровой конкуренции. В частном же порядке некоторые представители Эмиратов выражают обеспокоенность возможностью ущерба ключевым секторам экономики ОАЭ - торговле, логистике, промышленности и туризму [154].

Еще один фактор, затрудняющий гармонизацию «Видений» - особенность политической системы ОАЭ. Сами по себе Эмираты обладают достаточно высокой степенью децентрализации, отражая федеральную структуру страны. Это позволяет предоставлять значительную экономическую автономию правительствам отдельно взятых эмиратов, но в то же время потенциально затрудняют синхронизацию и гармонизацию экономического развития в масштабе региона.

Неотъемлемой частью экономики региона является сектор энергетики, которому были посвящены разделы в «Видениях» арабских монархий. Высокая доля нефтяного ВВП в экономиках стран Залива создает определенные риски для устойчивости финансово-экономической системы в регионе, в связи с чем руководством стран ССАГПЗ был декларирован курс на диверсификацию энергетики и повышении роли возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). По некоторым оценкам, внедрение альтернативной энергетики в энергетический баланс государств-членов интеграционного объединения могло бы способствовать улучшению состояния энергетической безопасности, понижению выбросов парниковых газов, а также замедлить эффекты изменения климата в регионе [175].

Стремление диверсифицировать энергетический баланс в странах Залива нашло отражение в схожих по смыслу целевых показателях генерации энергии от ВИЭ, которые представлены в таблице 2.11:

Таблица 2.11 – Целевые ориентиры генерации энергии от ВИЭ и их реальная доля в странах ССАГПЗ

Страна	Целевой показатель генерации энергии от ВИЭ, в процентах	Заявленный срок достижения цели, год	Доля производства электроэнергии от ВЭИ в энергетическом миксе, 2020 г., в процентах
Бахрейн	5	2025	0,1
	10	2035	
Оман	10	2025	1,3
	30	2030	
Катар	6	2020	0,3
	20	2030	
Кувейт	15	2030	0,5
КСА	50	2030	0,5
ОАЭ (Дубай)	25	2030	7,2
	75	2050	

Источник: составлено автором на основе данных Middle East Institute [190].

При более детальном изучении следует обратить внимание, что целевые показатели и сроки их достижения различны среди стран ССАГПЗ. Более того, с учетом последних доступных данных по доле генерации электроэнергии от ВЭИ достижение обозначенных целей представляется труднодостижимым. Тем не менее, наличие общих целей и сопоставимых сроков реформ энергетического сектора указывает на некоторую степень гармонизации энергетической политики арабских стран Залива.

Другим ключевым элементом внутренней политики для стран ССАГПЗ является так называемый «социальный контракт», подразумевающий фискальную систему распределения доходов, полученных от реализации природных ресурсов, населению [145]. Справедливо предположить, что оптимизация и своевременные реформы «социального контракта» с целью соответствия современным вызовам – в интересах правительств арабских стран Залива.

Важность оптимизации фискальной политики стран ССАГПЗ отмечал и МВФ, причем эксперты Фонда указывают на необходимость координации и

гармонизации реформ в сфере налоговой политики. Предложенные изменения в бюджетной и налоговой сферах, по мнению экспертов МВФ, позволили бы повысить устойчивость и эффективность государственного сектора, приводя при этом страны ССАГПЗ в соответствие с международными стандартами в сфере фискального планирования [192].

Некоторые фискальные реформы в странах Залива были проведены, однако не всеми государствами и не в полном объеме. Одним из ключевых аспектов реформ должно было стать введение налога на добавленную стоимость (далее – НДС) в странах региона. Практически сразу же после подписания соглашения руководством ССАГПЗ о намерении ввести НДС экспертное сообщество обратило внимание на использование нечеткой терминологии, которая потенциально приведёт к путанице и затруднит успешную реализацию реформы. Существующие различия во внутреннем законодательстве каждой из шести стран объединения вряд ли приносят пользу налогоплательщику, реализующему свои экономические права более, чем в одной стране Залива [194].

Практически пять лет спустя, из шести стран-членов ССАГПЗ (по состоянию на момент написания данной работы) имплементировали этот налог лишь четыре, причем с продолжительными перерывами. Первоначально задумка состояла в том, чтобы реализовывать фискальные реформы практически одновременно с целью избежать возможность арбитража. С учетом географической близости между государствами и потенциальных проблем с финансовым мошенничеством подобный риск был значительным.

Необходимые для повышения устойчивости и стабильности фискальных систем стран ССАГПЗ реформы не ограничивались введением НДС. Прочие масштабные реформы в сфере государственных финансов представлены на рисунке 2.5:

Параметр	ОАЭ	КСА	Бахрейн	Оман	Катар	Кувейт
НДС	X	X	X	X	-	-
Акцизы на табак, газированные напитки и некоторые другие категории товаров	X	X	X	X	X	-
Сборы за воду и электричество	X	X	X	X	X	X
Контроль за ценами на транспортное топливо	X	X	X	X	X	X

Источник: составлено автором по материалам [227].

Рисунок 2.5 – Некоторые реформы в сфере государственных финансов стран ССАГПЗ

Как следует из представленной выше таблицы, наблюдается определенная степень гармонизации фискальных реформ, направленных на повышение устойчивости финансовых систем к шокам. Большинство стран-членов ССАГПЗ постепенно вводятся новые источники бюджетных поступлений, по своей сущности не традиционные для региона. Аналитики в сфере налогового консалтинга в целом воспринимают реформы в положительном ключе, отмечая при этом инновационное лидерство Саудовской Аравии и ОАЭ в данных вопросах [81]. Кувейт и Катар на текущем этапе провели не все фискальные реформы, вероятно, по причине менее устойчивых экономических систем.

Помимо финансово-экономического блока реформ, правительства стран ССАГПЗ уделяют существенное внимание сфере инноваций и смежных отраслей. До недавнего времени наднациональное регулирование и защита прав интеллектуальной собственности в странах Залива были слабо развиты, несмотря на существование под эгидой Совета Патентного Офиса.

Уровень экспертных знаний и опыта национальных ведомств, отвечающих за защиту прав интеллектуальной собственности в странах ССАГПЗ существенно различается. В 2015 г. только в Саудовской Аравии существовала возможность подачи электронной заявки на регистрацию права интеллектуальной собственности, в то время как в остальных странах Залива эта возможность отсутствовала. Свидетельства о регистрации интеллектуальной собственности в одном государстве Залива на практике не

имело юридической силы в другом государстве при рассмотрении дела об оспаривании прав. Низкая степень координации в этой сфере привела к внедрению разных процедур и систем, что, вероятно, затрудняло более интенсивное развитие науки и инноваций в регионе [132].

С января 2021 г. в силу вступили новые процедуры в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, существенно более централизованные и скоординированные. Это проявляется прежде всего в большей ясности процесса: после реформы заявки подаются в национальные патентные бюро и затем передаются в Патентное ведомство ССАГПЗ. Преимущество реформы заключается в том, что она позволяет урегулировать проблему двойного патентования, когда существовала возможность подать заявку на один и тот же объект интеллектуальной собственности дважды – в национальный офис и в Патентный офис ССАГПЗ. После нововведения патенты выдаются Патентным ведомством стран Залива только после одобрения запрашивающим национальным патентным ведомством и действительны только в этой стране [129]. Следовательно, наблюдается некоторый прогресс в области систематизации и гармонизации законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве государств-членов ССАГПЗ.

Таким образом, сравнительный анализ экономических систем арабских стран Персидского залива позволил выделить некоторые общие и различающиеся параметры в экономиках стран-участниц интеграционного процесса в регионе. Помимо общих макроэкономических показателей, также было проведено сравнение структур торговли стран ССАГПЗ по товарным группам и странам-партнерам, что позволило составить более обширное представление об роли и месте региона в международной торговле. Были рассмотрены некоторые общие показатели состояния финансового сектора арабских монархий Залива.

Во многом именно схожесть экономических структур государств ССАГПЗ определила невысокий уровень комплементарности, что и объясняет

отсутствие прогресса в русле углубления и интенсификации процессов экономической интеграции в рамках объединения.

Более того, проведенный анализ выявил проблемные аспекты экономической интеграции в регионе, условно разделенные на экономические, институциональные и политические.

Наконец, был проанализирован современный этап интеграции в регионе. Было показано, что углубление экономической взаимосвязанности упирается в степень гармонизации внутренней политики стран-участниц процесса в различных сферах, включая, в частности, энергетику, фискальную политику и защиту прав интеллектуальной собственности.

Совокупность этих факторов определяет динамику развития ССАГПЗ на современном этапе. Проведенный анализ также позволяет сделать вывод о том, что переход на следующий этап экономической интеграции – валютного союза в «классической» модели экономической интеграции – представляется затруднительным и неоптимальным в настоящих условиях. Следовательно, дальнейший анализ возможных сценариев дальнейшей эволюции ССАГПЗ имеет смысл проводить с учетом наблюдаемой динамики и имеющейся специфики интеграционного объединения.

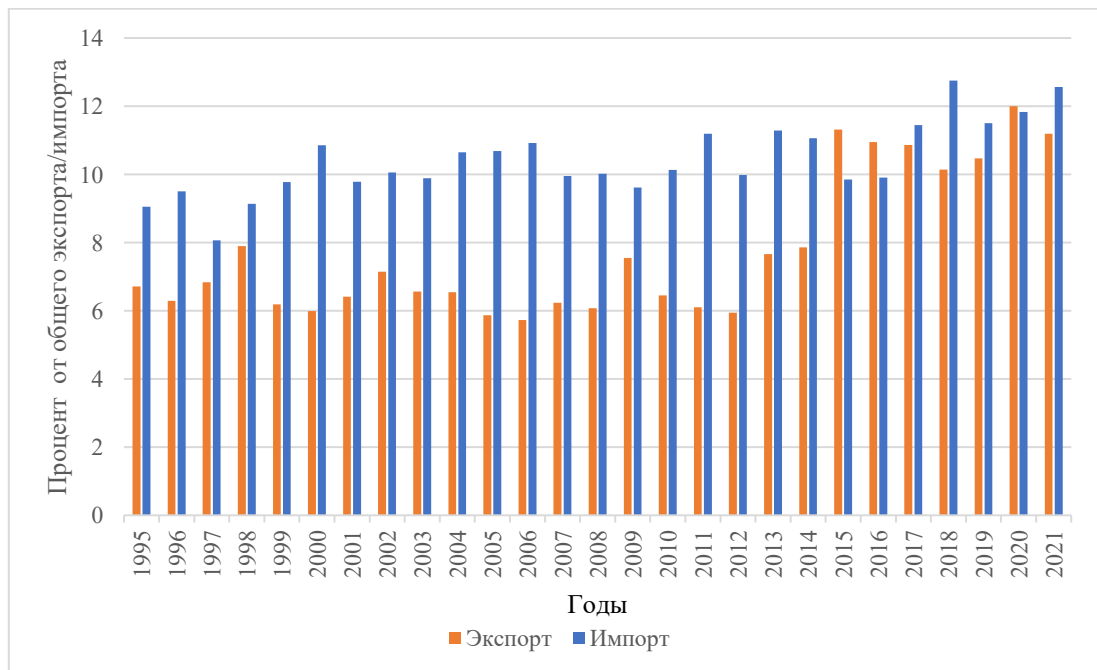
2.3 Характеристика экономической интеграции стран ССАГПЗ

Экономическая интеграция в рамках ССАГПЗ развивалась весьма интенсивно в начале тысячелетия, однако темпы этого процесса замедлились в 2010-х гг. После формального создания таможенного союза в 2003 г., а позже заявления о запуске общего рынка на пространстве Залива в 2008 г. прошло уже достаточное количество времени, чтобы подвести хотя бы промежуточную оценку эффектов от экономической интеграции. Можно также выявить основные препятствия на пути к углублению экономической интеграции внутри интеграционного объединения стран Персидского залива.

Проблемные аспекты экономической интеграции в рамках ССАГПЗ следует условно разделить на три категории: экономические, институциональные и политические.

Что касается экономических факторов, затрудняющих углубление интеграции или препятствующих каким-либо существенным сдвигам в региональных интеграционных процессах, то традиционным инструментом для оценки динамики экономической интеграции является объем торговли в рамках интеграционного объединения.

Так, к примеру, динамика доли внутриблоковой торговли в рамках ССАГПЗ представлена на рисунке 2.6:

Источник: составлено автором на основе данных ЮНКТАД [44].

Рисунок 2.6 – Внутриблоковая торговля стран ССАГПЗ, 1995-2021 гг., в процентах от общего экспорта и импорта

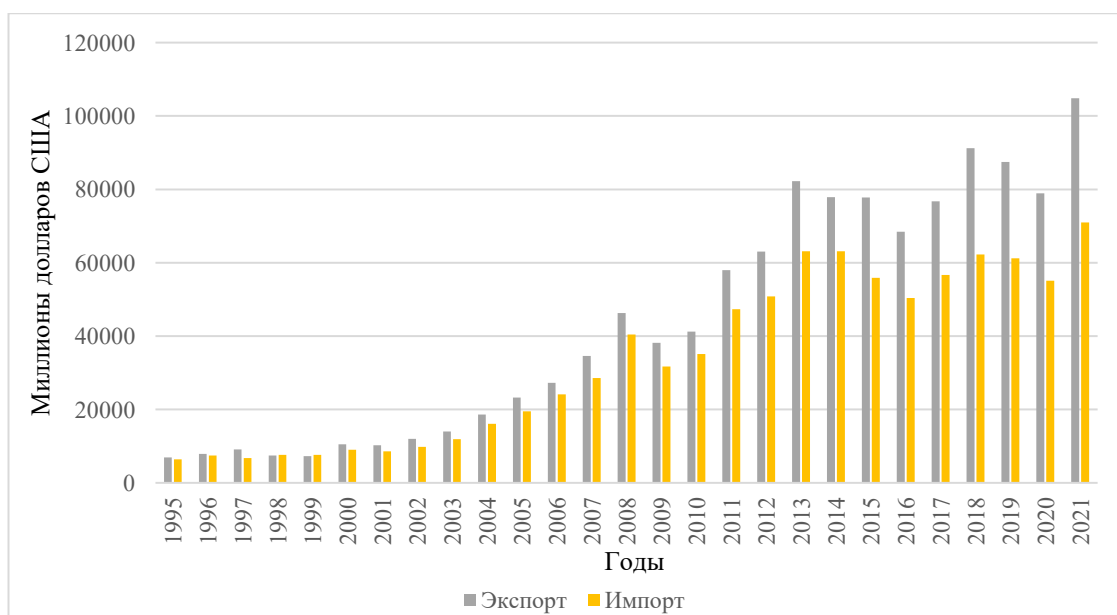
Из представленных выше данных следует, что во внутригрупповом импорте существенного роста по мере развития интеграционного объединения не наблюдалось. Внутриблоковый экспорт, напротив, вырос после 2011 г. однако эту тенденцию сложно отделить от общего макроэкономического подъёма в мировой экономике в посткризисный период.

Найти более конкретные и обширные данные по динамике внутриблоковой торговли среди стран ССАГПЗ с момента формирования зоны свободной торговли в 1983 г. представляется затруднительным. Однако исследователи отмечают, что с 1983 г. по 2002 г. (перед введением таможенного союза) торговля внутри интеграционного объединения увеличилась с 6 млрд долл. США до 20 млрд долл. США соответственно [133].

Тем не менее, как видно из данных экспорта и импорта внутри ССАГПЗ, формирование таможенного союза (2003 г.) и общего рынка (2008 г.) не способствовали радикальному росту доли внутриблокового экспорта или импорта. А небольшой рост долей экспорта внутри ССАГПЗ за последние десятилетие, вероятно, связан в большей степени с состоявшимся на тот момент падением цен на нефть, а также торгово-экономической блокадой Катара с 2017 г.

Важно отметить, что в целом доля торговли внутри ССАГПЗ с 2003 г. составляла не более 10%, что намного ниже, чем в других интеграционных объединениях. Так, аналогичные показатели в рамках ЕС, существовавшей ранее Североамериканской зоны свободной торговли и АСЕАН составляли 57%, 41% и 23% в рамках соответствующих интеграционных объединений [125].

Что касается интенсивности торговой взаимосвязанности стран Залива, то следует также рассмотреть объёмы экспорта и импорта внутри интеграционного объединения в абсолютных величинах. В данном случае проявляется более выраженная положительная динамика роста экспорта и импорта стран ССАГПЗ на протяжении последних двух десятилетий. Более подробно это показано на рисунке 2.7:

Источник: составлено автором на основе данных ЮНКТАД [44].

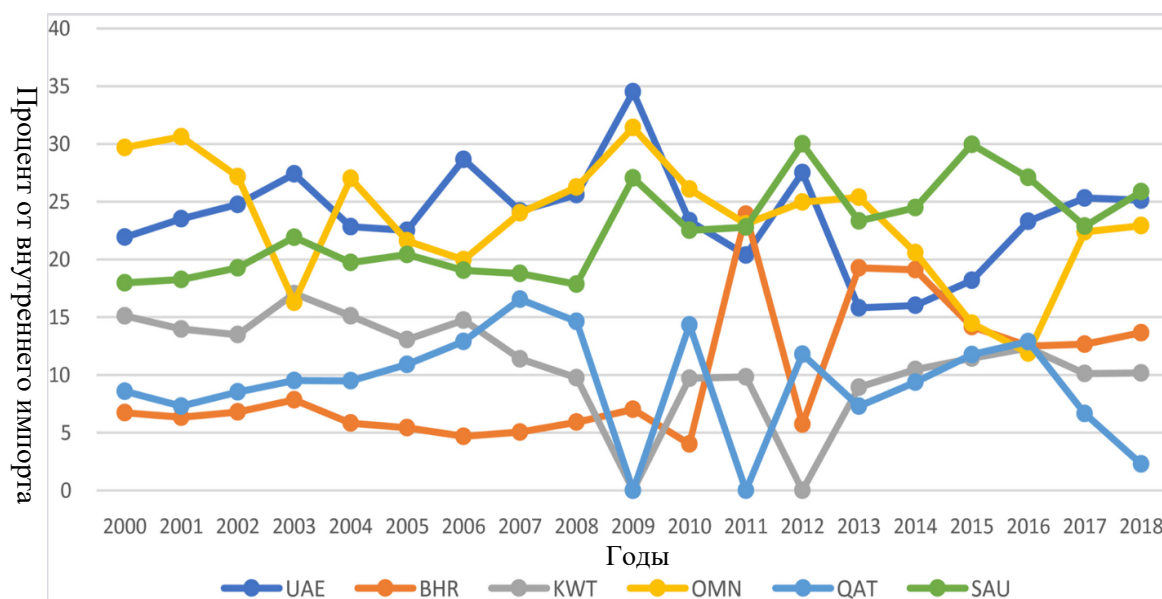
Рисунок 2.7 – Внутриблоковый экспорт и импорт в 1995-2021 гг., в млн долл. США

При рассмотрении абсолютных величин наблюдается общая тенденция к росту объёмов экспорта и импорта, усилившаяся, по всей видимости, после 2008 г. Необходимо, однако, учитывать, что абсолютные значения отражают не только экономические аспекты интеграционных процессов, так как являются также и показателями общего экономического роста стран Залива.

Стоит отметить, что масштабы роста товарооборота внутри ССАГПЗ, по заявлению руководства интеграционного объединения, оказались неожиданными и для самих властей. Первоначально ожидалось, что темпы роста внутриблоковой торговли будут существенно меньше темпов, имевших место в рамках европейских интеграционных процессов. По предварительным оценкам экспертов Секретариата ССАГПЗ, в первые четыре года после формирования таможенного союза темпы роста внутри Совета начинались бы в диапазоне от 6% ежегодно в краткосрочном горизонте. Однако с момента запуска таможенного союза ежегодные темпы роста торговли составляли порядка 20% на протяжении нескольких лет подряд [128].

Несколько иная картина торгово-экономической интеграции возникает при рассмотрении процесса не на уровне объединения, а на уровне отдельных стран-участниц. Так, к примеру, выглядит доля импорта каждой из

стран-участниц ССАГПЗ из стран интеграционного объединения, представленная на рисунке 2.8:

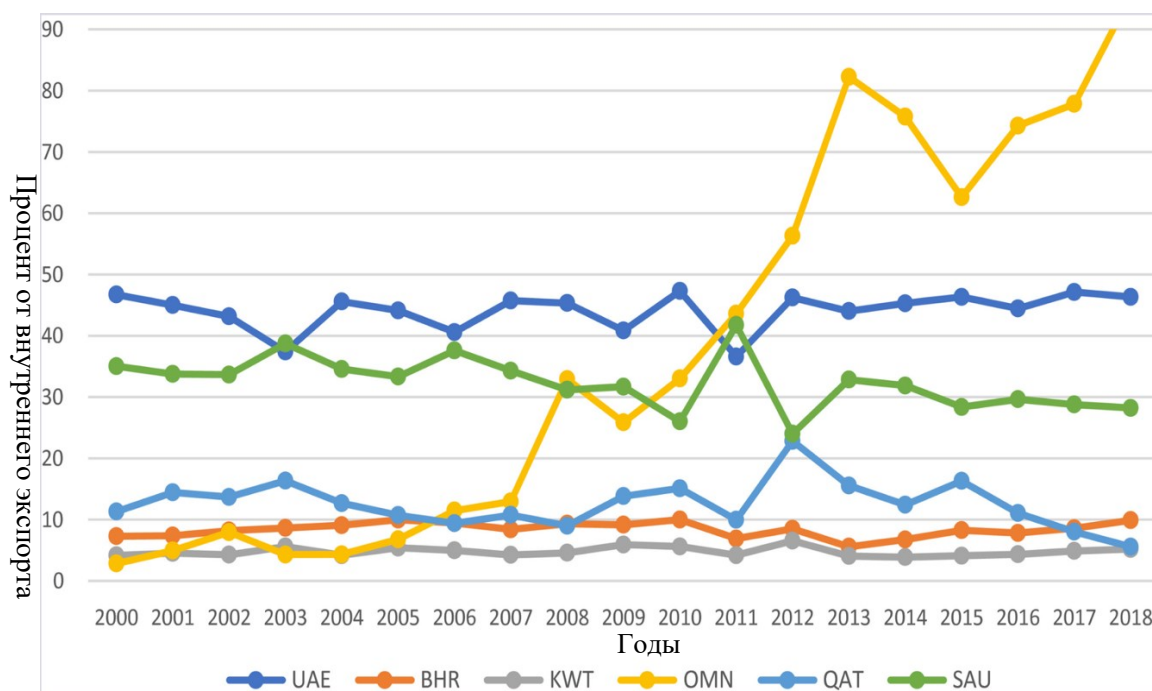

Источник: составлено по материалам [153].

Рисунок 2.8 – Доля внутреннего импорта стран-участниц ССАГПЗ, 2000-2018 гг.

Как следует из представленного выше графика, уровень импорта с происхождением из ССАГПЗ для стран-участниц существенно различается. Так, для ОАЭ, Омана и Саудовской Аравии этот показатель за период 2000-2018 гг. находится в пределах 15-30% от общей доли, в то время как для Бахрейна, Катара и Кувейта он практически не превышает 10%. Каких-либо устойчивых трендов на увеличение долей внутриблокового импорта не наблюдается ни после 2003 г. (создание таможенного союза), ни после 2008 г. (формирование общего рынка).

Аналогичная по своим чертам ситуация складывается и по экспортным показателям, показанным на рисунке 2.9. Представленная динамика доли экспорта каждой из стран-участниц интеграционного объединения в страны ССАГПЗ показывает, что Оман в период с 2000 г. по 2018 г. оказался единственным государством с выраженной тенденцией на усиление экспортной ориентированности именно на региональных партнеров в рамках объединения.

Источник: составлено по материалам [153].

Рисунок 2.9 – Доля внутреннего экспорта стран-участниц ССАГПЗ, 2000-2018 гг.

Как и в рассмотренных ранее случаях, сложно однозначно утверждать, что формальное создание таможенного союза и общего рынка оказало заметное влияние на динамику торговли для всех стран-участниц ССАГПЗ.

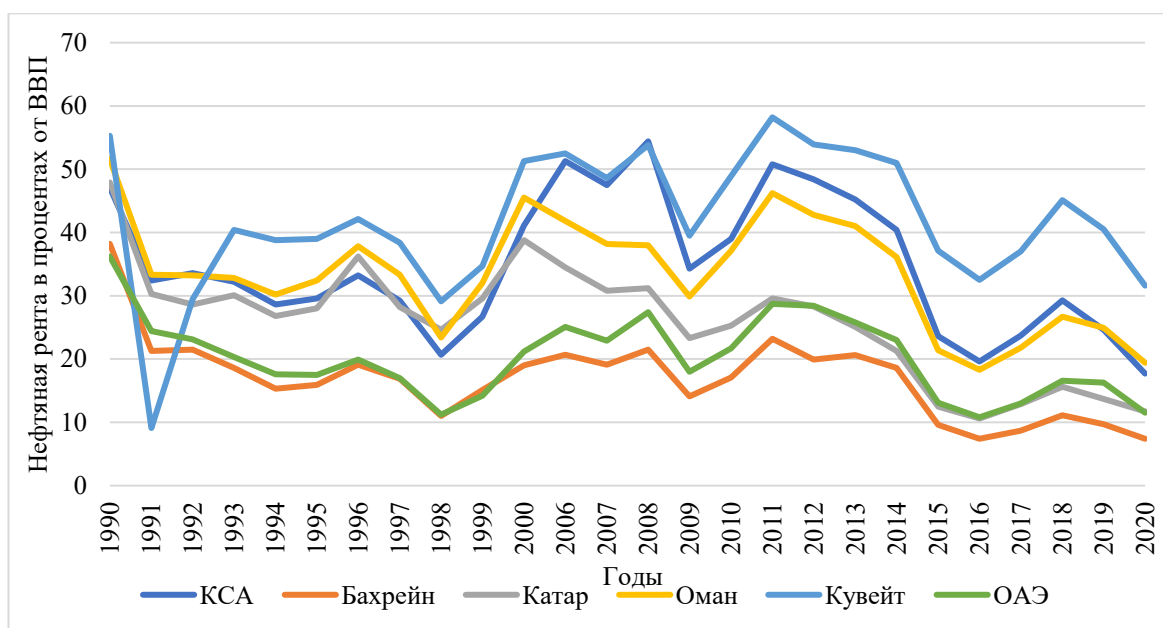
Следовательно, динамика торговли внутри блока до и после перехода к более глубоким стадиям интеграции в целом была подвержена росту скорее в абсолютных величинах, но не в относительных. Логично было бы предположить, что этот феномен объясняется существенной схожестью экономических структур стран-участниц объединения, аналогичностью их экспортно-импортных профилей.

Специфика экономик арабских стран Персидского залива, собственно, и является одним из основных факторов, стоящих на пути более существенного углубления экономической интеграции в регионе. Это, прежде всего, находит отражение в уровне диверсификации экономики этих стран.

Стоит рассмотреть, что именно подразумевается под категорией экономической диверсификации. Этот термин эволюционировал по мере изменения доминирующей школы экономических учений. На современном же этапе под экономической диверсификацией экономики понимают

продолжительный процесс освоения и внедрения в народное хозяйство принципиально новых для него элементов производственной, финансово-экономической, инвестиционной и иных сфер деятельности с целью снижения системных рисков, повышения конкурентоспособности экономики и обеспечения более устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Для арабских стран Персидского залива диверсификация подразумевает выработку мер политики, снижающих зависимость от доминирующей в экономике отрасли с точки зрения ее вклада в ВВП, экспортной выручки и бюджетных поступлений. Очевидно, что в случае стран Залива таким сектором является нефтегазовая промышленность. Это просматривается, в частности, в уровне получаемой странами ССАГПЗ нефтяной ренты, представленной на рисунке 2.10:

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [38].

Рисунок 2.10 – Доля нефтяной ренты в ВВП стран ССАГПЗ, 1990-2022 гг.

Как видно на рисунке 2.10, нефтяная рента в процентах от ВВП в период с 1990 г. по 2020 г. представлена слабо выраженным трендом на снижение, но все еще составляет существенную долю валового продукта. Динамика, по всей видимости, также подвержена колебаниям цен на нефть. Наблюдаемый тренд снижения зависимости от ископаемых ресурсов происходит за счет развития иных секторов экономики: сферы услуг, туризма,

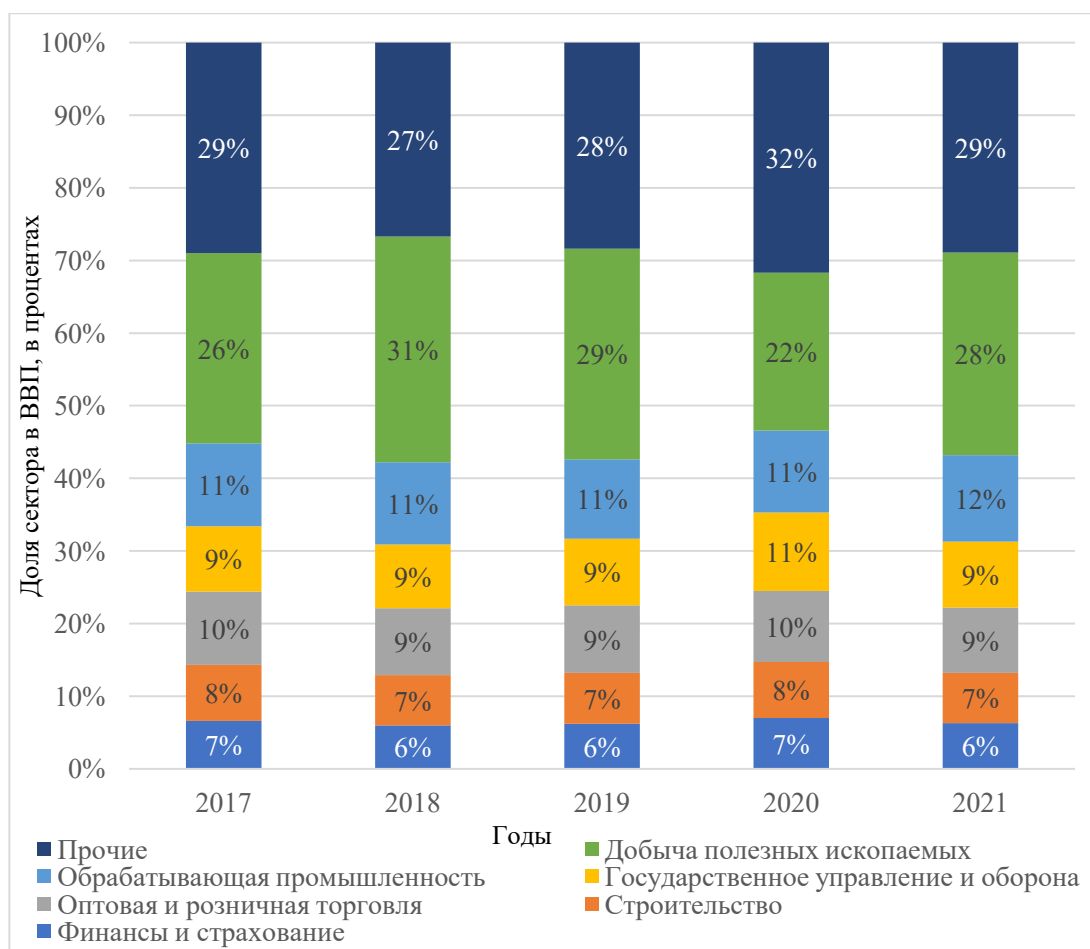
сельского хозяйства. Основная цель процесса диверсификации, собственно, как раз и состоит в том, чтобы снизить зависимость от какого-либо единственного сектора экономики и создать альтернативные источники государственных доходов.

Справедливо утверждение, что диверсификация экономики представляет собой комплексный и длительный процесс, который может происходить в рамках отдельного сектора, например, энергетического сектора, занимающего особое место в структуре экономик стран Залива. Одним из примеров диверсификации могло бы послужить перераспределение ресурсов, полученных от реализации энергоресурсов, в пользу субсидирования альтернативной или возобновляемой энергетики.

Экономическая диверсификация тесно связана с процессами экономической интеграции [54]. В условиях отсутствия барьеров для торговли в рамках интеграционного объединения достаточно диверсифицированные экономики могли бы дополнять потребности друг друга, тем самым увеличивая внутренний товарооборот и стимулируя большую торгово-экономическую интегрированность.

Однако структуру торговли стран ССАГПЗ нельзя отнести к высоко диверсифицированной. С момента активного освоения нефтегазовых ресурсов в экономиках стран Залива преобладают природные ископаемые, а остальные ключевые индустрии развиты в гораздо меньшей степени. Это просматривается на рисунке 2.11. Очевидно, что нефтегазовая отрасль доминирует в экономике стран Залива: добыча полезных ископаемых и их последующая обработка на протяжении пяти последних лет стабильно составляют более трети совокупного ВВП интеграционного объединения.

В текущей экономической конъюнктуре экономическая диверсификация становится все более релевантной мерой политики для стран ССАГПЗ. Однообразная экономическая структура не является в полной мере устойчивой к шокам и колебаниям на международных рынках энергоресурсов [152].

Источник: составлено автором по материалам GCC Stat [43].

Рисунок 2.11 – Структура ВВП стран ССАГПЗ по секторам, 2017-2021 гг.

Доминирование нефтяной промышленности в экономиках стран Залива имеет еще одну важную особенность – индустрия природных ископаемых в основном находится под контролем национальных компаний, некоторые из которых даже не предусматривают участие иностранцев в капитале [212].

Наличие крупных государственных компаний приводит к некоторым дисбалансам и на рынке труда. Государственные компании, занимающие доминирующее положение, а также занятость населения прежде всего в госсекторе создают дополнительную нагрузку на бюджет стран Залива. По некоторым оценкам, страны ССАГПЗ тратят в среднем более чем в два раза больше, чем развивающиеся страны на оплату труда госслужащих [127].

В качестве инструмента анализа экономической интеграции в рамках межгосударственного объединения можно также использовать потоки прямых

иностранных инвестиций (далее – ПИИ). Как правило, усилия по региональной экономической интеграции приводят к увеличению ПИИ из-за снятия ограничений к инвестициям и координации требований к инвесторам. Косвенное содействие этому процессу оказывают либерализация торговли, интеграция на уровне отдельных рынков, гармонизация общих «рамочных» подходов инвестиционной политики стран-участниц, а также совместные инвестиционные проекты в регионе [174].

Теоретически, обладающие существенным финансовым капиталом страны Залива могли бы взаимно инвестировать в крупномасштабные проекты для обеспечения совместного развития или же, как минимум, координировать совместные инвестиции в третьи страны. Однако подробные данные по двусторонним инвестициям отсутствуют в открытом доступе для арабских стран Залива, что существенно затрудняет анализ в этом ключе [188].

Существуют, однако, ограниченные интервальные оценки взаимных ПИИ внутри ССАГПЗ. Так, по оценкам ЮНКТАД, в период 2003-2005 гг. внутрирегиональные ПИИ в ССАГПЗ составили 7 млрд долл. США или порядка 16% общих ПИИ. В период с 2009-2011 гг. они составили уже около 11,2 млрд долл. США и около 23% от общих. Тем не менее, ПИИ, направленные в страны за пределами интеграционного объединения, по-прежнему преобладали в структуре регионального распределения инвестиций. Несмотря на то, что за этот период внутриблоковые ПИИ увеличились, этот прирост существенно ниже, чем прирост, наблюдаемый в схожих интеграционных объединениях [174].

Еще одно измерение экономических факторов, затрудняющих углубление экономической интеграции в ССАГПЗ, тесно связано с транснациональными компаниями. При прочих равных, деятельность подобных компаний способствует региональной хозяйственной интеграции и промышленной кооперации в развивающихся странах [52]. Это положение, однако, не в полной мере применимо к реалиям интеграционного объединения на Аравийском полуострове.

Две лидирующих экономики ССАГПЗ – Саудовская Аравия и ОАЭ – активно конкурируют за привлечение транснационального капитала. Хотя эта конкуренция по своему характеру является естественной и логичной, она осложняет процесс формирования полноценного единого экономического пространства между арабскими монархиями Персидского залива.

В рамках усилий по привлечению иностранных инвестиций в страну Саудовская Аравия предприняла ряд ограничительных мер на импорт товаров из стран ССАГПЗ, произведенных в свободных экономических зонах. По существу, это равноценно ограничению бестарифного доступа к внутреннему рынку КСА. Такой шаг направлен, прежде всего, против ОАЭ, где расположено более 40 подобных зон, дающих множество льгот и исключений оперирующему там бизнесу (освобождение от таможенных сборов, снятие валютных ограничений, возможность репатриации капитала и прибыли, право на 100% иностранное владение). В результате введенных ограничений пошлинами теперь облагаются товары, произведенные компаниями с более чем 75% иностранной рабочей силы, а также промышленная продукция с менее 40% добавленной стоимости [180]. Эти критерии еще больше подчеркивают направленность саудовских мер против ОАЭ, ведь непосредственно граждане страны там составляют около 10% населения.

Саудовская Аравия также ввела дополнительные ограничения для своих государственных агентств и ведомств, ограничив их возможность заключать контракты с компаниями, не имеющих регионального головного офиса в Эр-Рияде. На деле это также прямой вызов статусу ОАЭ как основного места в Персидском заливе для региональных штаб-квартир международных компаний [89].

Подобная стратегия конкуренции саудовских властей оказалась успешной. По некоторым оценкам, с 2022 г. более 500 компаний перенесли свои региональные штаб-квартиры из Дубая и Манама в Эр-Рияд и Джидду, чтобы иметь возможность заключать госконтракты с КСА. Это более 6 млрд долл. США в контрактах [179].

Такая конкурентная борьба частично препятствует реализации экономических свобод в рамках концепции «экономического гражданства» и ограничивает действие общего рынка на территории ССАГПЗ. Вместе с тем эти ограничения стимулируют создание более благоприятного инвестиционного климата на пространстве интеграционного объединения, что в результате все же косвенно дает положительный эффект на региональную макроэкономическую конъюнктуру.

Таким образом, внутри интеграционного объединения в Персидском Заливе не наблюдается высокого уровня экономической диверсификации, что вкупе с относительно низкой долей внутриблоковой торговли, невысоким уровнем взаимных ПИИ и обостренной конкуренцией за базирование транснациональных корпораций в регионе затрудняют углубление «классической» экономической интеграции среди стран ССАГПЗ.

Следующая категория факторов, препятствующих более глубокой и быстрой интеграции в Заливе тесно связана с рассмотренными ранее экономическими особенностями и заключается в специфике функционирования надгосударственных институтов в ССАГПЗ.

Более подробный анализ некоторых характеристик институтов интеграционного объединения арабских стран Залива позволяет более детально выявить особенности норм, процедур, организаций и, собственно, самого процесса интеграции стран-членов ССАГПЗ. С точки зрения анализа процесса имеет смысл разделить институты на формальные и неформальные. Под формальными институтами в таком случае следует понимать ВС ССАГПЗ и профильные советы в рамках межгосударственной организационной структуры ССАГПЗ. Спустя более чем 40 лет существования ССАГПЗ, арабские страны Залива вряд ли готовы подчиняться наднациональному органу, жертвуя при этом своим суверенитетом. Такая особенность, в свою очередь, препятствует возможности Генерального секретариата продвигать интеграционную повестку и имплементировать региональные интеграционные проекты [79].

Европейская интеграционная модель, безусловно, являлась одним из ориентиров при создании ССАГПЗ, однако политические системы арабских монархий существенно отличаются от западных либеральных демократий, что находит отражение и в функционировании самих институтов. Отсутствие регионального консультативного органа ограничивает возможности координации по правовым и регуляторным вопросам, что возлагает воплощение решений и мер политики, принятых институтами ССАГПЗ, на национальные институты с зачастую не совпадающими приоритетами и интересами.

Можно провести параллели между географическими дисбалансами стран-участниц объединения и политической властью, исходя из того, что Саудовская Аравия занимает доминирующее географическое положение в регионе и стремится выступать политическим лидером. Некоторыми государствами это воспринимается как попытка персонализации принятия решений в интеграционных органах. Более того, архитектура органов управления ССАПЗ в некотором смысле отражает политическую структуру монархий Залива, где закрепление процесса выработки политики за одним человеком смягчает последствия институционализации и концентрации власти в руках нескольких высокопоставленных членов правящих семей в каждой стране интеграционного объединения [106].

Политические элиты арабских монархий Залива, по мнению ряда политологов, не готовы делегировать власть внутривнутриполитическим структурам и передавать суверенитет какому-либо наднациональному институту. Они, собственно, и являются еще одним из формальных институтов, влияющих на принятие решений вне традиционных для европейских демократий государственных процессов, тем самым частично ограничивая официальные национальные и региональные институты в их легитимности, компетенции и подотчетности [209].

Особенностью политической системы ССАГПЗ является и отсутствие демократических избирательных институтов «западного образца» для высокопоставленных должностей.

По сути, выборы проводятся только на уровне муниципалитетов, а высокопоставленные чиновники назначаются из членов правящих семей или прочих элит в качестве награды за лояльность, порой независимо от имеющихся навыков и компетенций. Можно предположить, что подобная специфика ограничивает участие основного населения в экономических и политических процессах, создавая некоторые трудности в отношении оптимального функционирования государственных институтов и реализации интеграционных проектов [88].

Эффективность функционирования некоторых формальных институтов интеграции ставится под сомнение в научной литературе. Речь идет, в частности, о таможенном союзе ССАГПЗ. Несмотря на безусловный прогресс в русле гармонизации таможенных процедур среди стран-участниц интеграционного объединения, в настоящее время все еще наблюдается существенные различия в таможенных процедурах и структурах таможенных тарифов [134].

Различия в национальной таможенной политике стран ССАГПЗ, вероятно, ослабляют интенсивность экономической интеграции, затрудняя беспрепятственное передвижение товаров. Более того, для иностранных компаний торговое взаимодействие со странами Залива оказывается менее прозрачным, чем в других интеграционных объединениях.

Можно отметить, что в таможенном режиме интеграционного объединения наблюдается невысокая степень однородности. О состоянии и степени синхронизации и гармонизации таможен и таможенных процедур в странах ССАГПЗ можно судить по некоторым данным, представленным в таблице 2.12.

Таблица 2.12 – Ранги некоторых таможенных процедур в странах ССАГПЗ по оценкам Global Enabling Trade Report

Страна	Бахрейн	Кувейт	Оман	Катар	КСА	ОАЭ
Индекс таможенных услуг	56	64	77	87	63	2
Эффективность таможенного оформления	41	56	62	21	69	12
Предсказуемость продолжительности импортных процедур	36	107	52	22	58	6
Индекс транспарентности таможни	109	66	39	66	96	66
Импортные издержки, связанные с таможенным комплаенсом	80	108	69	119	121	116
Общий ранг (из 136 стран)	42	115	46	43	67	23

Источник: составлено автором по материалам Global Enabling Trade Report 2016 [204].

Налицо неоднородность таможенных индикаторов стран ССАГПЗ. ОАЭ занимают лидирующую позицию в оптимизации таможенных процедур и находятся в верхней четверти по большинству показателей.

Кувейт, напротив, отстает от остальных государств в регионе и занимает по большинству позиций нижнюю четверть. Следовательно, нетарифные меры, которые и отражают большинство показателей Global Enabling Trade Report, затрудняют более интенсивную торговлю внутри таможенного союза и, вероятно, тормозят экономическую интеграцию и гармонизацию стран ССАГПЗ.

Функционирование института общего рынка арабских стран Залива также имеет ряд специфических черт, которые ограничивают интенсивность экономической интеграции. Безусловно, с момента официального начала функционирования общего рынка в 2008 г. были достигнуты существенные результаты по либерализации экономической деятельности в регионе. Так, к примеру, по состоянию на 2022 г. около 33 тысяч граждан ССАГПЗ работали

за пределами своей страны в рамках объединения, более полумиллиона граждан владели акциями более 600 компаний в других странах Залива [115].

Однако при более детальном изучении достижений экономической интеграции в Заливе можно отметить, что процесс продвигается неравномерно по странам и медленными темпами. Так, несколько лет после формального запуска общего рынка ССАГПЗ, в частном секторе Омана работали лишь 32 негражданина Омана; лишь один не-катарский банк функционировал в Катаре; всего лишь два гражданина Омана владели недвижимостью в Катаре, в то время как 966 граждан Омана владели недвижимостью в ОАЭ [77].

Сравнение экономической интеграции ССАГПЗ и ЕС показывает, что создание общего рынка на пространстве ЕС в 1992 г. дало более явный положительный экономический эффект. Не исключено, что более скромные темпы получения экономических выгод от интеграции странами-участницами ССАГПЗ упираются в правоприменение. Соответствующие инстанции ССАГПЗ приняли законы, номинально дающие начало общему рынку, однако государственные и частные учреждения в странах-членах интеграционного объединения не в полной мере соблюдают эти законы и не привлекаются к ответственности за их несоблюдение. Одна из причин такого положения дел заключается, по всей видимости, в отсутствии института, который бы обладал полномочиями мониторинга соблюдения процедурных требований интеграционного процесса.

На уровне неформальных институтов интеграция в рамках ССАГПЗ связана с тесными социальными, экономическими и культурными элементами идентичности стран ССАГПЗ. Функционирование такого неформального института, напротив, скорее способствует интеграционным процессам в регионе. В литературе отмечается своеобразная успешность и эффективность этой общей идентичности, которая проявляется в коллективном влиянии стран Залива на соседние арабские государства, а также формирование регионального экономического капитала, подчиненного интересам монархий ССАГПЗ [126].

Следующей категорией факторов, затрудняющих более интенсивную экономическую интеграцию арабских монархий Залива, являются политические. Причем для целей анализа имеет смысл разделить политические факторы на внутренние и внешние.

Рассмотрим для начала внутренние политические факторы. Так, взаимодействие между членами ССАГПЗ не лишено противоречий и конфликтов интересов. Между Катаром и Бахрейном, к примеру, даже существовал спор по вопросу территориальной принадлежности архипелага Хавар. Дополнительным фактором противоречий выступает наличие как суннитского, так и шиитского населения в арабских монархиях Залива, что периодически «обостряет» некоторые региональные конфликты [71].

Другим немаловажным внутривнутриполитическим фактором на пути углубления интеграционных процессов является традиционная структура общества стран Залива. Для макрорегиона Западной Азии, куда входят и арабские монархии ССАГПЗ, характерно значение племен, кланов и расширенных семейств. Племенные связи выходят за пределы государств-членов ССАГПЗ и даже за пределы Залива. С одной стороны, весь регион переплетен сложной сетью племенных отношений, что могло бы поспособствовать углублению интеграции; с другой – многочисленные конфликты в регионе Ближнего Востока и Северной Африки не обходят стороной кланы и племена, что вряд ли способствует общей стабильности в регионе [46].

Более явной характеристикой, определяющей внутренние политические противоречия в рамках процесса интеграции является нежелание стран-участниц интеграционного объединения ограничивать свой суверенитетом в какой бы то ни было форме.

При этом следует иметь в виду доминирующее экономическое и географическое положение Саудовской Аравии. Попытки Катара изменить региональный баланс сил или бросить вызов ее региональному лидерству привели к дипломатическому кризису, продлившемуся с 2017 г. по 2022 г.

Этот кризис наглядно показал, что взаимодействие отдельных стран-участниц ССАГПЗ с проиранскими и исламистскими движениями, не находящими явной поддержки у других членов интеграционного объединения, приводит к заморозке отношений внутри Совета и тормозит коллективное экономическое развитие [210].

На внешнем контуре политических факторов, сдерживающих экономическую интеграцию ССАГПЗ, необходимо отметить прежде всего различающиеся внешнеполитические курсы стран Залива. Несмотря на несколько десятилетий региональной интеграции, государства ССАГПЗ по-прежнему далеки от согласованности по вопросам взаимодействия с некоторыми внешними странами. Среди причин расхождений – исторические конфликты, династический фактор и конкуренция за лидерство. В результате каждая страна-участница регионального объединения проводит свою индивидуальную, дифференцированную внешнюю политику, далеко не всегда совпадающую с интересами других стран Совета. Иначе говоря, государства ССАГПЗ вместо общей внешней политики обладают скорее набором порой противоречивых внешнеполитических векторов, потенциально приводящих к недоразумениям и разногласиям внутри объединения [87].

Безусловно, единая внешняя политика формально не является целью экономической интеграции, однако схожесть позиций могла бы существенно оптимизировать некоторые экономические, в том числе внешнеэкономические, процессы.

Таким образом, ряд различных по своей природе факторов оказывает негативное воздействие на процесс более глубокой экономической интеграции арабских стран Персидского залива. Среди них – экономические, институциональные и политические. Среди экономических факторов следует отметить сравнительно низкий уровень внутриблоковой торговли и ПИИ, низкую степень диверсификации экономик и, как следствие, невысокую экономическую комплементарность. Институциональные факторы связаны прежде всего со спецификой функционирования формальных и неформальных

институтов на пространстве Залива. Наконец, политические факторы, представленные внутренним и внешним измерениями, также осложняют ускоренную эволюцию интеграционных процессов в ССАГПЗ.

Совокупность этих факторов отражает современное положение данного интеграционного объединения на Аравийском полуострове, формально все еще стремящегося к формированию полноценного экономического союза. Однако с учетом специфики экономических реалий ССАГПЗ стремление выстраивать развитие по «классическому» сценарию экономической интеграции представляется затруднительным. Получение больших экономических выгод от функционирования общих экономических институтов под эгидой ССАГПЗ в будущем, по всей видимости, требует более нюансированного и адаптированного под особенности стран-участниц подхода.

Глава 3

Перспективы развития экономической интеграции арабских стран Персидского залива

3.1 Оценка возможных сценариев дальнейшей экономической интеграции стран Персидского залива

Проведенный анализ динамики интеграционных процессов на пространстве Аравийского полуострова, проблемные аспекты и особенности современного этапа экономической интеграции в ССАГПЗ позволяют рассмотреть возможные сценарии развития региона. В краткосрочной и среднесрочной перспективах возможными представляются четыре сценария. Это сохранение статус-кво, дезинтеграция, «классическая» интеграция и углубление интеграционных процессов в русле «горизонтальной» интеграции.

Можно предположить, что интеграционные процессы в регионе, вероятно, будут происходить именно в рамках ССАГПЗ, а не в каких-либо других форматах. Это интеграционное объединение является наиболее успешным примером региональной экономической интеграции в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Другие интеграционные объединения, рассмотренные, в частности, в первой главе данной исследовательской работы, находятся на менее глубоких стадиях экономического сближения. Более того, в научных работах отмечается роль ССАГПЗ как объединения с наибольшим уровнем политической координации. Однако этот же фактор является основным «камнем преткновения» для более интенсивной интеграции по причине множества исторических неурегулированных вопросов между арабскими странами [143].

Сохранение так называемого статус-кво на текущем этапе развития ССАГПЗ представляет, пожалуй, сценарий «наименьшего сопротивления». В сущности, это будет означать закрепление интеграционного объединения на

формально обозначенном уровне общего рынка без каких-либо попыток перейти к более глубоким стадиям интеграции – экономическому и валютному союзу.

В пользу вероятности реализации этого сценария – основные проблемные аспекты экономической интеграции в Заливе, рассмотренные ранее. Проект единой валюты, сроки имплементации которого давно уже отложены на неопределенный срок, с большой долей вероятности не будет реализован в ближайшие годы. Уменьшает вероятность этого события и то, что половина стран ССАГПЗ попросту отказались от участия в этой инициативе.

При сохранении статус-кво в рамках ССАГПЗ существующие институты таможенного союза и общего рынка, вероятно, все так же могут развиваться благодаря уже заданному импульсу. Товарооборот и взаимные ПИИ внутри объединения могут сохранять умеренную положительную динамику, а внутренняя миграция и свобода движения капитала могут способствовать развитию экономик стран-участниц ССАГПЗ.

Однако при сохранении текущей конфигурации интеграционного объединения сохранятся и структурные особенности, затрудняющие более стремительное развитие объединения. При отсутствии мер по усилению диверсификации структур экономики страны ССАГПЗ, вероятно, будут и дальше демонстрировать невысокий уровень внутриблоковой торговли. Существующие институты общей для пространства Залива таможи и общего рынка без надлежащих изменений не будут способны в полной мере выполнять свои функции. Отсутствие органа мониторинга и надзора за исполнением принятых на себя странами объединения обязательств также послужит сохранению экономических условий интеграционного объединения без каких-либо существенных изменений.

Иначе говоря, сценарий статус-кво обусловлен прежде всего невысоким уровнем политической координации среди государств-членов

ССАГПЗ и отсутствием на текущем этапе политической воли к принятию серьезных экономических реформ.

Сценарий дезинтеграции представляет собой гораздо более радикальный по сущности вариант развития интеграционного объединения на Аравийском полуострове. В данном контексте под дезинтеграцией следует понимать не только формально возможный распад ССАГПЗ, но и уход от первоначальных целей – то есть координации, сотрудничества и интеграции в различных сферах.

Несмотря на регулярные встречи на высоком и высшем уровнях, а также позитивные заявления по итогам этих встреч, этот сценарий все же не стоит полностью исключать. В некоторых арабских новостных изданиях даже были опубликованы статьи, ставящие под сомнения жизнеспособность Совета сотрудничества, особенно в свете кризиса отношений с Катаром.

События периода дипломатической и экономической блокады Катара рядом арабских государств не только укрепили роль Ирана в регионе, но и подорвали имидж ССАГПЗ. Произошла стремительная политическая, экономическая и военная переориентация двусторонних связей, вероятно, нанеся ущерб репутации стран-участниц ССАГПЗ в качестве надежных дипломатических и торговых партнеров для некоторых третьих стран [224]. Несмотря на то, что формально кризис в отношениях с Катаром был преодолен, единство Совета оказалось не таким прочным.

Очевидно, что в случае дезинтеграции регионального интеграционного объединения на пространстве Залива наднациональные институты утратят свой смысл. Выстроенная наднациональная экономическая и политическая архитектура, вероятно, утратит свои функции и будет переформатирована на двусторонней основе. Этот принцип «конкурентного билатерализма» и неоднородности в отношениях между государствами-членами наблюдается в ССАГПЗ даже в текущих условиях формальной интеграции.

В литературе этот феномен «конкурентного билатерализма» в отношениях стран интеграционного объединения хорошо виден в торговых

сделках и, в частности, в сделках по продаже оружия. По существу же этот процесс происходил в ущерб попыткам создать более эффективную коллективную платформу взаимодействия стран ССАГПЗ, так как соглашения заключались отдельными странами, а не в рамках Совета. Наглядная иллюстрация этому феномену, идущему вразрез с целями, формально лежащими в основе ССАГПЗ – реакция саудовских официальных лиц на переговоры представителей Бахрейна с Администрацией президента США Дж. Буша о двустороннем соглашении о свободной торговле с США в 2004 г. При этом министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал заявил, что такие соглашения «ослабляют солидарность не только ССАГПЗ в целом, но и каждого из его членов» [185].

Продвижение интеграционных процессов с политической составляющей в рамках регионального объединения на Аравийском полуострове в целом происходит с трудом. Помимо технических параметров регионального сотрудничества, ССАГПЗ не смог достичь прогресса и по основным вопросам, касающимся чувствительных областей политического контроля, безопасности или внешней политики.

Даже финансово-экономические вопросы стремительно политизируются. Яркий пример этому произошел в 2009 г., когда почти двухдесятилетняя работа по созданию единой валюты и валютного союза потерпела крах из-за разногласий после того, как ОАЭ вышли из проекта менее чем за год до его запуска в 2010 г. Эмираты активно выступали за размещение предполагаемого Центрального банка ССАГПЗ в Абу-Даби и выразили протест в отношении принятого в 2009 г. решения разместить банк в Эр-Рияде. Министр экономики ОАЭ Султан бен Саид аль Мансури по этому поводу отметил, что «невыбор ОАЭ в качестве места размещения Центрального банка ССАГПЗ не учел важность государства и его экономическое развитие» [219].

Это в очередной раз указывает на масштаб противоречий внутри Совета. Выход ОАЭ из некогда флагманской инициативы по созданию

валютного союза ССАГПЗ подчеркивает внутренний дисбаланс интеграционного объединения между Саудовской Аравией с одной стороны и пятью остальными, меньшими в масштабах экономики государствами Персидского залива, с другой.

Периодически возникающие конфликты внутри регионального объединения - по сути напоминание о возможности приостановки или даже заморозки интеграции стран на полуострове. Так, большинство «маленьких» стран Залива имели территориальные споры с Саудовской Аравией в разные периоды прошлого века: Кувейт в 1920-х годах, Абу-Даби и Омана в 1950-х годах, стычки на саудовско-катарской границе в 1992 г. и 1993 г. Не так давно имело место короткое столкновение между саудовскими и эмиратскими судами в 2010 г.

Каждый из этих инцидентов указывает на присущий ССАГПЗ дисбаланс сил между КСА и его соседями. Кувейт сопротивлялся попыткам как в 1982 г., так и в 1994 г. создать некий единый механизм внутренней безопасности, в то время как в 2013 г. Оман отказался от более тесной политической интеграции, за которую на тот момент выступали саудовские лидеры [216].

Следовательно, внутренние противоречия, периодически обостряясь, затрудняют углубление интеграции в ССАГПЗ. Не стоит исключать варианта развития событий, в котором подобное обострение достигнет некоторой критической точки и приведет к дезинтеграции объединения.

Далее рассмотрим сценарий «классической» экономической интеграции в соответствии с представлениями, описанными еще Б. Балаша. Более подробно этапы этой интеграционной модели были описаны в первой главе данного исследования.

При условии преодоления всех разногласий, имеющих место на финансовом треке интеграции в Заливе, следующим шагом экономической интеграции, по всей видимости, стал бы валютный союз. Очевидно, что подобный шаг требует серьезной научно-экспертной оценки и проработки для

осмысления целесообразности перехода к единой региональной валюте и нивелирования потенциальных рисков, возникающих с отказом от денежно-кредитного суверенитета.

Одним из наиболее глубоко проработанных инструментов анализа в области валютной интеграции является теория оптимальных валютных зон (далее – ОВЗ). Ее возникновение проходило в несколько этапов, формально начавшись в 1960-х годах с фундаментальных вкладов Р. Манделла, Р. Маккиннона и П. Кенена [135; 151; 157]. Эти авторы-первопроходцы в целом рассматривали ОВЗ как некую географическую область с единой валютой, обменные курсы которой привязаны безвозвратно, что означает, что колебания обменного курса происходят только по отношению к остальному миру.

Эти исследователи предлагали набор различных свойств, которые они называли «критериями» или «предпосылками», которые, согласно их аргументации, должны были быть выполнены для оптимальной валютной интеграции. Предложенные в литературе критерии, как правило, включали эластичность цен (или заработной платы), мобильность производственных факторов (особенно подчеркивалась мобильность рабочей силы), степень интеграции финансового рынка, экономическую открытость (т.е. диверсификацию торговли), диверсификацию производства и потребления, сходство в уровнях инфляции, финансовую и политическую интеграцию.

Важно отметить, что литература в области теории ОВЗ и сегодня не предоставляет никаких общих единообразных формальных эконометрических тестов с гипотезами, которые могли бы быть приняты или отвергнуты [107]. Кроме того, многие из теоретических свойств, предписываемых ОВЗ, трудно измерить однозначно, а сопоставление их друг с другом часто оказывается довольно проблематичным [176].

Излишне говорить, что литература, посвященная государствам ССАГПЗ и анализу интеграционных процессов через призму теории ОВЗ,

является гораздо более нишевой и редкой. Важно также отметить и то, что по стечению обстоятельств большая часть систематизированной региональной научной академической литературы, в том числе и по экономике, является англоязычной. Более мелкие издания, не входящие в крупные международные базы цитирования, остаются вне поле зрения большинства заинтересованных исследователей [95].

МВФ одним из первых обратил внимание на сложность задачи валютной интеграции, обозначенной главами государств ССАГПЗ. Эксперты Фонда провели оценку возможных финансовых трудностей, с которыми могут столкнуться страны и призвали к серьезным структурным реформам и повышению стандартов данных и прозрачности. Проанализировав прогресс в направлении экономической интеграции и степень конвергенции между странами ССАГПЗ, эксперты предположили, что успешная валютная интеграция, безусловно, возможна, но для этого необходимо предпринять весомые реформы практически во всех областях [155].

Выводы исследований в научной литературе, посвященной валютной интеграции в рамках регионального объединения в Заливе нельзя назвать однозначными. Широко представлены работы, дающие положительную оценку возможности и предпосылкам валютной интеграции. Эти выводы, как правило, основываются на сравнении макроэкономических и монетарных параметров по аналогии с Маастрихтскими критериями в ЕС. В русле подобных рассуждений исследователи, как правило, отмечают «зрелость» ССАГПЗ для перехода к единой валюте [73].

Другая же не менее обширная категория исследований использует более комплексные и технически сложные эконометрические модели для оценки симметричности финансовых систем. Эти модели прибегают, как правило, к экономико-математическим инструментам коинтеграции, в том числе панельных данных [70]. Выводы подобных работ в целом отражают менее оптимистичную картину в отношении фундаментальных макроэкономических предпосылок. Отмечается, что отсутствует

синхронизация каких-либо основополагающих экономических параметров, что может в будущем существенно осложнить формирование и эмиссию единой валюты, а также радикально увеличить издержки данного процесса.

Важным элементом анализа целесообразности формирования валютного союза является и симметричность финансово-экономических процессов в экономиках стран ССАГПЗ, схожесть реакции на шоковые события. Для более полноценного анализа следует рассмотреть некоторые основные макроэкономические индикаторы, по которым можно оценить симметричность шоков в странах Залива.

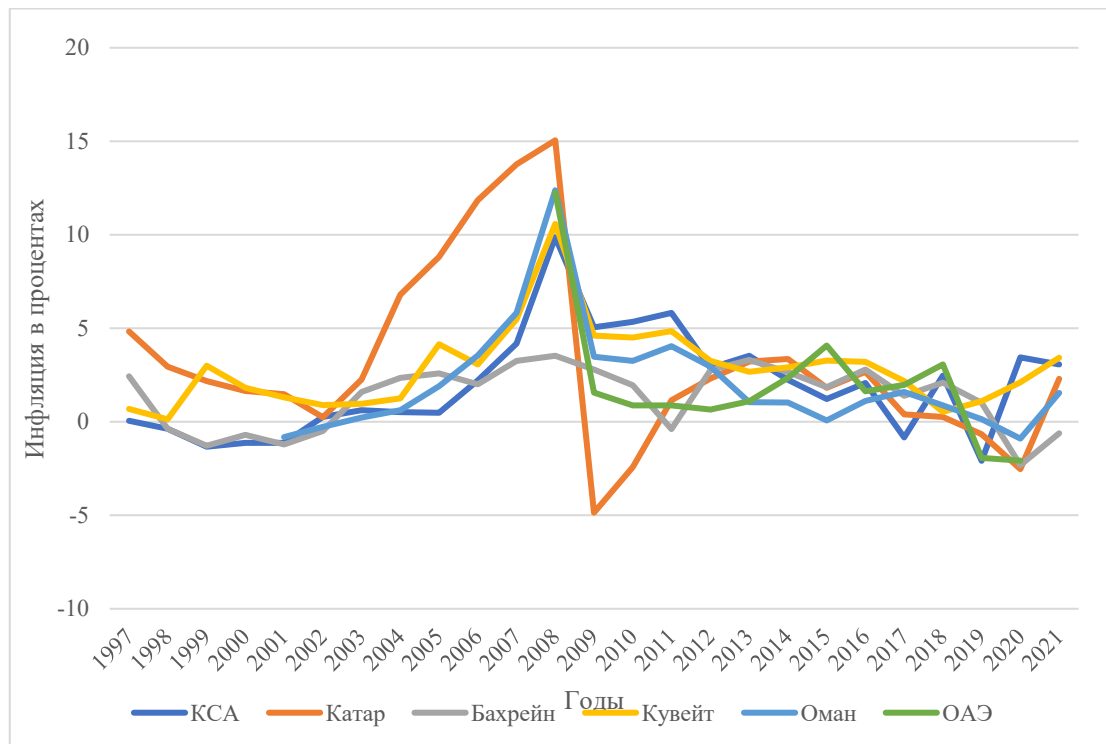
Одним из этих базовых индикаторов является инфляция. При сопоставлении уровней инфляции в достаточно продолжительном временном периоде уровни колебаний отдельных стран не должны существенно отклоняться. Контроль и таргетирование уровня инфляции является одной из базовых функций центральных банков государств, что обуславливает использование этого показателя для анализа перспектив валютного союза в рамках ССАГПЗ.

Тем не менее, при рассмотрении уровня инфляции в странах региона оказывается, что инфляция в Катаре заметно отклоняется от общего тренда. Это продемонстрировано на рисунке 3.1.

Более сильные колебания уровня инфляции в Катаре подтверждают представленные в предыдущей главе соображения относительно большей финансовой уязвимости некоторых из государств Залива. Вместе с тем, подверженность инфляционным шокам является аргументом против вхождения данной страны в валютный союз, так как ее экономика может оказаться «токсичной» и повысить риски финансовой устойчивости для остальных экономик объединения.

Важность уровня и динамики инфляции для стран Залива имеет особое значение в денежно-кредитной политике центральных банков региона. В условиях жестко привязанных курсов обмена валют к доллару США или к официально нераскрытой корзине иностранных валют таргетирование

инфляции представляется невозможным. Целью монетарной политики в таком случае становится валютный курс.

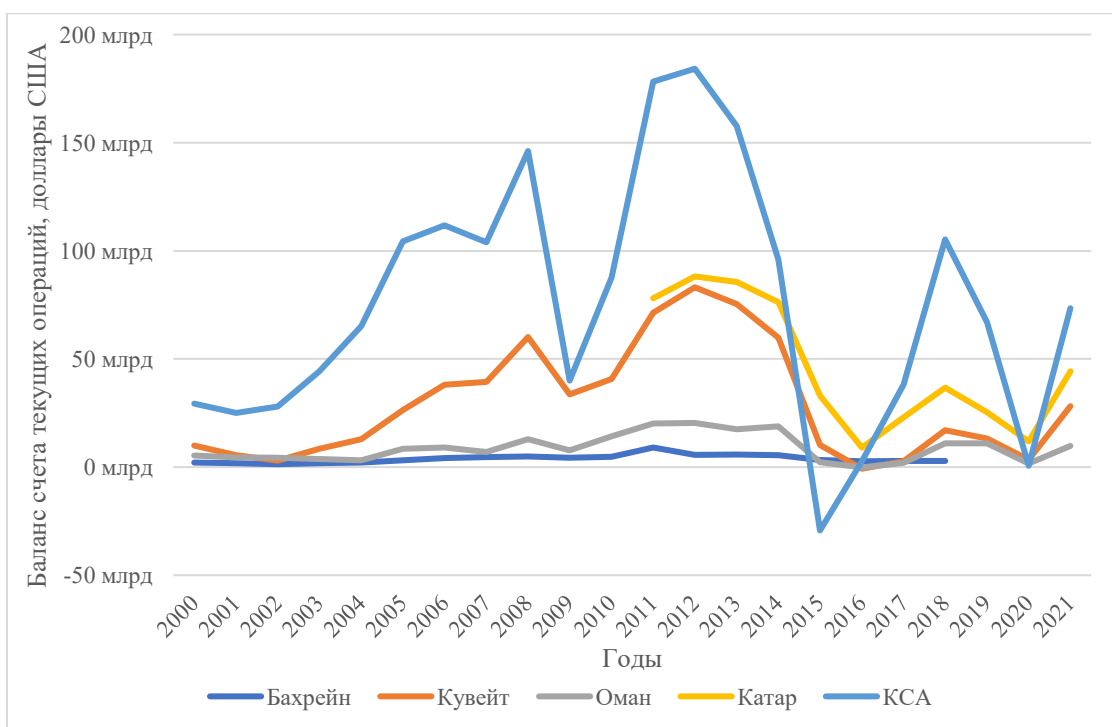

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [28].

Рисунок 3.1 – Уровень инфляции в странах ССАГПЗ, 1997-2021 гг.

Именно поэтому следующим индикатором, подходящим для анализа оптимальности валютной интеграции является состояние платежного баланса стран интеграционного объединения и его динамика. Изменения в счете текущих операций платежного баланса, вызванные, как правило, изменениями в балансе торговли товарами и услугами, влияют на реальный обменный курс посредством механизма изменения равновесия на денежном рынке государства.

В экономиках Аравийского полуострова наблюдается схожая динамика счета текущих операций платежного баланса, однако некоторые особенности позволяют говорить об отсутствии симметричности колебаний. Прежде всего это проявляется в динамике этого показателя в экономики Саудовской Аравии, представленной на рисунке 3.2:

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [27].

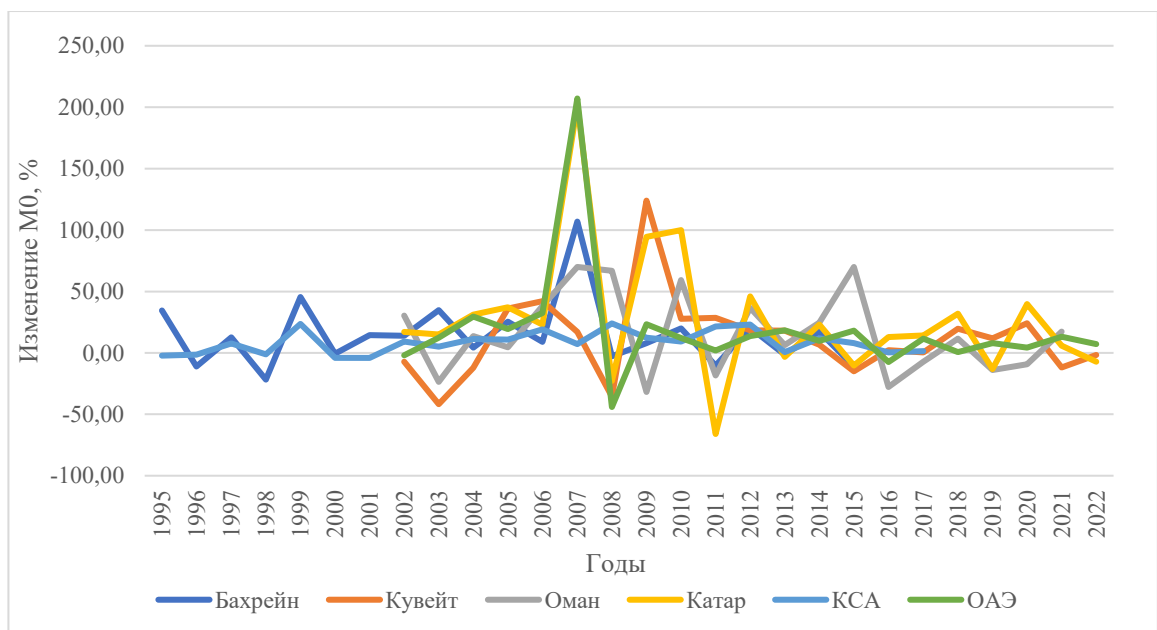
Рис. 3.2 – Торговый баланс счета текущих операций стран ССАГПЗ, в млрд долл. США, 2000-2021 гг.

Следовательно уровень синхронизации динамики счета текущих операций платежных балансов стран ССАГПЗ нельзя назвать оптимальным для создания валютного союза. Даже несмотря на то, что номинальный валютный курс государств Совета не колеблется из-за жесткой фиксации, имплицитный реальный курс все так же подвержен колебаниям. Причем в научной литературе отмечается, что реальный курс региональных валют зависит от различных факторов, еще раз подчеркивая отсутствие синхронизации монетарных систем региона [74]. Ключевую роль в этом, вероятно, играет Саудовская Аравия, масштаб экономики которой теоретически может способствовать дестабилизации устойчивости гипотетической единой валюты стран Залива.

Другой немаловажной группой индикаторов состояния монетарной системы государства являются объем и динамика денежной массы в экономике. В рамках стран ССАГПЗ сравнение абсолютных величин денежной массы в обращении было бы лишено смысла, так как экономика КСА существенно больше и динамичнее соседей по объединению. Однако

сравнение темпов изменения денежного агрегата M_0 по отношению к предыдущему периоду удобно для интерпретирования степени синхронизации реакций центральных банков на внешние факторы.

С точки зрения оптимальности условий для формирования валютного союза логичным было бы предположить, что изменения денежной массы стран в рамках объединения должны следовать общему тренду и не отклоняться критически сильно от этого общего тренда. Однако при более детальном рассмотрении динамики изменения агрегата M_0 оказывается, что это условие не выполняется. Динамика индикатора показана на рисунке 3.3:

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [36].

Рисунок 3.3 – Динамика денежного агрегата M_0 в странах ССАГПЗ, в процентах по отношению к прошлому году, 1995-2022 гг.

Как и в рассмотренных ранее случаях, динамика финансовых индикаторов некоторых стран региона демонстрирует существенные отклонения от общего тренда. В данном случае – ОАЭ, Катар и Кувейт. Масштабные отклонения в ОАЭ объясняются финансиализацией экономики. А Катар и Кувейт, согласно рассмотренным в предыдущей главе показателям состояния сектора государственных финансов, являются в этом плане одними из самых уязвимых в Заливе. По всей видимости, именно это и обуславливает такие резкие изменения в предложении денежной массы в их экономиках для

поддержания устойчивости денежно-кредитной политики. Подобные дисбалансы в очередной раз подчеркивают незрелость стран-участниц интеграционного объединения в отношении перехода к валютному союзу на данном этапе.

Аналитические рассуждения следует подкрепить эконометрическими тестами. Так, для проверки синхронности фундаментальных экономических процессов можно воспользоваться тестом Йохансена, используя рассмотренные выше данные уровней инфляции, платежного баланса и денежного агрегата M_0 . Такая процедура в рамках оценок перспектив валютного союза ССАГПЗ в научной литературе представлена не была.

Эконометрическая сущность коинтеграции – определенное свойство нескольких нестационарных временных рядов образовать линейную комбинацию, которая обладала бы свойством стационарности. В экономическом смысле это означает, в частности, наличие между рассматриваемыми показателями определенной устойчивой долгосрочной связи. Иначе говоря – совместному и взаимосвязанному изменению в долгосрочной перспективе.

В контексте формирования валютного союза наличие подобного отношения между сравниваемыми фундаментальными макроэкономическими переменными стран ССАГПЗ было бы предпосылкой к созданию единой валюты. Совместные и взаимосвязанные изменения в них можно было бы интерпретировать как позитивную предпосылку введению единой валюты.

Суть теста заключается в следующем. Оценивается система уравнений векторной авторегрессии (далее – VAR), описывающая динамическую зависимость между n временными рядами, как показано в формуле (1)

$$Y_t = \alpha + \sum_{i=1}^p A_i Y_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где Y_t – вектор n временных рядов;

α – вектор свободных членов;

A_i – матрицы коэффициентов для лагов от 1 до p ;

ε_t – вектор ошибок.

Далее формируется матрица Γ_0 , представляющая собой структуру системы VAR и включающая коэффициенты перед лагированными переменными, как показано в формуле (2)

$$\Gamma_0 = \begin{bmatrix} A_1 & A_2 & \dots & A_p \\ I & 0 & \dots & 0 \\ 0 & I & \dots & 0 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & 0 & \dots & I \end{bmatrix}, \quad (2)$$

где I – единичная матрица.

В таком случае тест Йохансена проверяет гипотезу о ранге этой матрицы коинтеграции. Если в системе r коинтегрированных векторов (где $r \leq n$), тогда ранг матрицы коинтеграции равен r .

Значение статистики теста Йохансена определяется по формуле (3)

$$Trace(\Gamma_0^{-1}\Gamma_1) \sim \chi^2(r), \quad (3)$$

где $Trace$ – след матрицы;

Γ_1 – матрица коэффициентов при лагах, оцененных по данным;

$\chi^2(r)$ - распределение хи-квадрат с r степенями свободы.

Если значение статистики теста превышает критическое значение из распределения хи-квадрат, то отклоняется гипотеза о том, что в системе нет коинтеграции. Это свидетельствует о наличии статистически значимых долгосрочных взаимосвязей в системе переменных.

Необходимо отметить, что при проведении соответствующего теста для каждого из обозначенных выше трех параметров не удастся рассмотреть все шесть стран ССАГПЗ. Такое условие возникает из-за ограниченного количества данных и их частоты по странам-участницами объединения. Тем

не менее, наличие или отсутствие коинтеграции по макроэкономическому показателю среди трех или четырех стран уже можно будет интерпретировать как аргумент за или против единой валюты.

Для осуществления тестирования был использован инструментальный пакета «nrgsa» в среде программирования R, автоматизирующий процедуру Йохансена. Полные результаты тестирования со всеми выходными данными представлены в приложении А. В результате отбора, подготовки и фильтрации данных из представленных выше графиков получены выходные результаты по каждой из переменных, представленные на таблице 3.1:

Таблица 3.1 – Результаты проведения теста Йохансена на основных макроэкономических показателях стран ССАГПЗ

Параметр	Коинтеграция по инфляции в странах ССАГПЗ	Коинтеграция по счету текущих операций в странах ССАГПЗ	Коинтеграция динамике денежного агрегата M_0 в странах ССАГПЗ
Исследуемые страны	КСА, Катар, Бахрейн, Кувейт	КСА, Оман, Бахрейн, Кувейт	КСА, Кувейт, Оман, Катар
Коинтегрированные временные ряды (при $\alpha = 5\%$)	Присутствуют, но имеется только одна коинтегрированная пара ($r \leq 1$)	Присутствуют, но имеется только одна коинтегрированная пара ($r \leq 1$)	Присутствуют, но имеется только одна коинтегрированная пара ($r \leq 1$)
Вывод о наличии устойчивых долгосрочных взаимозависимостей между данными	Из четырех исследуемых стран ССАГПЗ имеется только одна пара стран, где макроэкономические показатели демонстрируют долгосрочную взаимосвязанность		

Источник: составлено автором.

На основании результатов проведенных тестов Йохансена для четырех стран ССАГПЗ следует вывод о низкой степени взаимосвязанности и синхронности фундаментальных макроэкономических показателей. Даже несмотря на исследование только четырех из шести стран ССАГПЗ, наличие лишь одной коинтегрированной пары показывает относительно невысокую степень связанности параметров, определяющих валютную политику.

В современной научной литературе представлены и работы, исследующие степень взаимосвязанности фондовых рынков стран ССАГПЗ. Автор данной диссертационной работы в своем исследовании показал, что

основные фондовые индексы стран Залива синхронно и симметрично реагируют на внешние шоки [47]. Безусловно, это наблюдение само по себе не является основанием для принятия властями стран Совета решения о создании валютного союза, однако подобные выводы, тем не менее, имеет смысл принимать к сведению и учитывать при планировании дальнейших этапов экономической интеграции.

Следовательно, сценарий «классической» экономической интеграции с дальнейшим формированием валютного союза на текущем этапе представляется весьма затруднительным и маловероятным в краткосрочной перспективе. В научной литературе представлены множество доводов, указывающих на несвоевременность такого решения, и даже работы, авторы которых находят подтверждение готовности арабских монархий Залива к единой валютной зоне, акцентируют внимание на колоссальной политической воле, необходимой для реализации такого процесса [99].

Проведенный же выше анализ показывает существенные дисбалансы в фундаментальных макроэкономических показателях, снижающие целесообразность и эффективность возможного валютного союза в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В этой связи имеет смысл рассмотреть альтернативные «классической» экономической интеграции варианты эволюции ССАГПЗ. Предлагаемый возможный и, вероятно, оптимальный сценарий дальнейшего развития экономической интеграции – предлагаемая автором «горизонтальная» интеграция. Этот сценарий подразумевает, прежде всего, углубление уже существующих элементов экономической интеграции, оптимизацию имеющихся институтов и активизацию «работы над ошибками».

Большая часть зарубежной литературы, посвященная перспективам экономической интеграции в регионе сосредоточена на традиционных подходах и развивает научную мысль в направлении валютной интеграции. В отечественной же экономической литературе анализ интеграционных процессов представляется более систематическим. Л.В. Шкварей, например,

глубоко исследованы внутренние противоречия, выявлен и описан фундаментальный «интеграционный конфликт» в основе ССАГПЗ [67]. Однако на текущий момент не представлены альтернативные модели дальнейшего углубления интеграции регионального объединения с учетом его современной специфики.

Как представляется, «классическая» модель экономической интеграции, основанная на европейском опыте, не в полной мере соответствует специфике экономических систем региона. Более того, фундаментальные экономические условия и политическая атмосфера также существенно разнятся при сравнении опыта ССАГПЗ и ЕС. Иначе говоря, вполне вероятно, что ожидаемый (согласно традиционным представлениям об экономической интеграции) переход к следующим этапам вовсе не является обязательным.

Уже предложенные альтернативные модели экономической интеграции не в полной мере подходят под особенности ССАГПЗ, так как не учитывают множественные особенности арабских монархий Персидского залива. Оптимальной представляется уже упомянутая в Главе 1 данного исследования концепция «накопительной интеграции», разработанная российским экономистом Б.А. Хейфецом. Однако описанная отечественным ученым концепция, является обобщением, а ее проекция в отношении ССАГПЗ требует конкретизации. Именно этой практической конкретизацией класса «накопительных моделей», учитывающей особенности и специфику Аравийского полуострова, и является разработанная автором модель «горизонтальной» интеграции.

В рамках развития «горизонтальной» экономической интеграции имеет смысл наращивать товарооборот внутри таможенной зоны, стимулировать взаимные инвестиции. С учетом выявленных в предыдущей главе проблемных факторов — необходимо активизировать усилия по всесторонней диверсификации экономик стран залива. Более того, необходимо адресно работать с институциональными факторами, затрудняющими интеграцию.

Это означает, в частности, дальнейшее развитие концепции «экономического гражданства» в Заливе, подразумевающее свободное перемещение капитала и рабочих в регионе. В дополнение к этому имело бы смысл активизировать и настроить работу таможенного органа с целью стимулирования беспрепятственной торговли. Наконец, логичным было бы сформировать некий орган мониторинга и надзора за реализацией принятых странами-участницами ССАГПЗ обязательств в рамках объединения.

Подобный формат взаимодействия, в отличие от более жесткой европейской модели интеграции, является более гибким и оставляет больше возможности для сохранения экономического и политического суверенитета. Более того, углубление и координация взаимодействия в конкретных сферах экономики и финансов, представляющих коллективный интерес для государств Совета, является более адаптированным к возможным изменениям.

С учетом дисбаланса экономических ресурсов в пользу Саудовской Аравии в рамках ССАГПЗ углубление интеграции по «горизонтальному» принципу позволило бы остальным государствам получать потенциальные выгоды от интенсивного финансово-экономического сотрудничества, не лишаясь при этом экономического суверенитета. Так как сохранение как политического, так и экономического суверенитета является одним из камней преткновения развития регионального объединения, то подобный сценарий эволюции ССАГПЗ является оптимальным.

Более того, в рамках предлагаемой модели усиления горизонтальных экономических связей между арабскими монархиями Залива логично было бы особое внимание уделить на элементах, диктующих особенности современного этапа экономической интеграции в регионе.

В этой связи имело бы смысл уделить особое внимание именно тем факторам, в которые упирается углубление экономической взаимосвязанности. Основываясь на полученных в предыдущей главе выводах, необходимо усилить гармонизацию внутренней политики в различных сферах.

С учетом структурных особенностей экономик стран Залива, углубление координации в сфере энергетики могло бы оказаться весьма перспективным. Сближение и гармонизация мер политик в сфере возобновляемой энергетики и долгосрочной устойчивости нефтегазового сектора могли бы не только стать стимулом к более масштабному процессу экономической интеграции, но и послужить повышению экономической безопасности арабских монархий.

Фискальная политика стран ССАГПЗ тесно завязана на энергетический сектор стран региона, что также обосновывает выбор этого направления в качестве одного из кандидатов для углубления гармонизации в рамках «горизонтальной» интеграции. Оптимизация фискальной политики на всем пространстве интеграционного объединения в Заливе вкупе с доведением до конца начатых реформ также могли бы стать важным элементом такого сценария интеграции, способствуя при этом экономическому развитию ССАГПЗ.

Наконец, ключевым компонентом «горизонтальной» экономической интеграции могло бы стать инновационное развитие, которое могло бы дать в результате синергетический эффект с другими секторами экономического развития. Повышение уровня инновационного компонента в энергетическом секторе арабских монархий Залива, в том числе и в контексте повышения роли «зеленой», возобновляемой энергетики, промышленности, а также транспортно-логистической отрасли могли бы способствовать не только углублению экономической интеграции в рамках объединения, но и формированию условий для более устойчивого долгосрочного развития региона [59].

Концептуально «горизонтальную» модель экономической интеграции для стран ССАГПЗ можно представить в формате схемы, представленной на рисунке 3.4:

Источник: составлено автором.

Рисунок 3.4 – Схема составных элементов горизонтальной модели экономической интеграции ССАГПЗ

Следовательно, компоненты предлагаемой модели интеграции направлены на преодоление недостатков «классической» экономической интеграции и их адаптации под реалии ССАГПЗ.

С учетом всей сложности и политизированности процесса создания единой валюты на пространстве ССАГПЗ, реализация данного проекта пока представляется преждевременной. Вместо этого имеет смысл следует сконцентрировать усилия на развитии и оптимизации уже имеющихся институтов экономической интеграции – общего рынка, действующих в его рамках «свобод», а также таможенного союза.

Вместе с тем для достижения оптимального развития интеграционного объединения необходимо также нарастить координацию финансово-экономической политики и усилий по диверсификации. В частности, «выравнивание» фискальных реформ и проведение необходимых

институциональных реформ в странах ССАГПЗ станет дополнительным стимулом для всех экономик объединения. Совместные усилия по диверсификации экономик, а также развитие общей и согласованной энергетической политики позволят достичь синергетического эффекта и создать условия для более устойчивого и безопасного экономического развития стран-участниц объединения.

В этой же логике стимулирования диверсификации следует совместно развивать инновационную составляющую экономического развития, которая в регионе остается на невысоком уровне. Развитие же транспортной взаимосвязанности является естественным способом стимулировать экономические связи между странами, действуя при этом в качестве импульса для инвестиций.

Резюмируя рассмотренные выше возможные сценарии развития ССАГПЗ, целесообразно представить их суть в формате блок-схемы процесса для удобства восприятия. Она показана на рисунке 3.5.

Источник: составлено автором.

Рисунок 3.5 – Возможные сценарии дальнейшего развития ССАГПЗ

Из четырех рассмотренных в данном параграфе сценариев развития ССАГПЗ именно сценарий «горизонтальной» интеграции, подразумевающий всестороннее углубление существующих и развитие дополнительных элементов экономической интеграции, сочетает в себе наибольшие возможности коллективного развития.

Данный вариант дальнейшего развития вобрал в себя экономические выгоды от «классической» экономической интеграции, но при этом учитывает особенности и специфику стран ССАГПЗ.

3.2 Вызовы и возможности на пути углубления экономической интеграции стран Персидского залива

Рассмотренные в предыдущем параграфе исследования возможные сценарии дальнейшей экономической интеграции стран Залива позволяют выявить основные вызовы и возможности на пути углубления и активизации экономической интеграции на Аравийском полуострове. С учетом доводов прошлого параграфа вызовы и возможности на пути дальнейшей экономической интеграции в ССАГПЗ целесообразно рассматривать именно в русле «горизонтальной» интеграции без перехода к валютному или экономическому союзу в обозримой перспективе.

Концептуально все вызовы и возможности на пути экономической интеграции ССАГПЗ можно разделить на внутренние и внешние. Под внутренними вызовами в данном анализе подразумеваются существующие и потенциальные затруднения экономического развития, эндогенные по своей природе, являющиеся свойственными системе самой по себе. Внешние же вызовы и соответствующие им возможности для экономик арабских стран Залива вызваны факторами, влияние которых экзогенно и не порождено структурными особенностями развития стран ССАГПЗ.

С целью удобства анализа внешние и внутренние вызовы и соответствующие им возможности экономической интеграции в регионе можно представить в виде таблицы. Анализ представлен в таблице 3.2:

Таблица 3.2 – Вызовы и возможности на пути углубления экономической интеграции стран ССАГПЗ

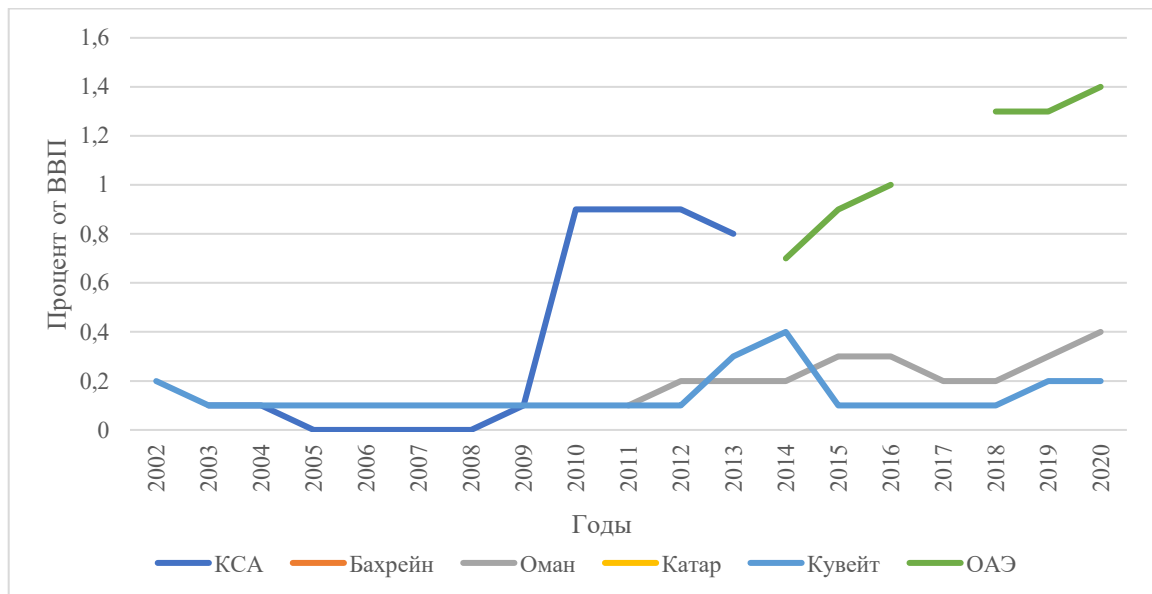
Природа элемента	Вызовы	Возможности
Внутренние	диверсификация	инновационное развитие
	необходимость поиска альтернативных источников устойчивого экономического развития	- транспортная инфраструктура; - энергетическая интеграция
Внешние	пандемия	- развитие системы здравоохранения и координация мер реагирования; - повышение адаптивности и гибкости экономик
	региональные политические вызовы	развитие взаимодействия в Израилем/Ираном

Источник: составлено автором.

Одним из основных вызовов на пути углубления экономической интеграции стран Залива является проблема слабой диверсификации экономик. Необходимость диверсификации экономики для обеспечения ее устойчивости очевидна, и сам тренд диверсификации в странах Залива – далеко не новое явление. Однако остро проявляется проблема нехватки высококвалифицированных, обладающих инновационным потенциалом трудовых ресурсов. Более того, процесс диверсификации структуры национальных экономик от добычи энергоресурсов в подавляющем большинстве стран Залива оказался сконцентрирован в нескольких областях – главным образом в нефтеперерабатывающей промышленности и металлургии [60].

Возможной реакцией на скромные темпы диверсификации структуры экономик стран Залива может стать стимулирование инновационного

развития. Текущий уровень инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), представленный как доля ВВП, у стран ССАГПЗ невысок. Он продемонстрирован на рисунке 3.6:

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [40].

Рисунок 3.6 – Расходы стран ССАГПЗ на НИОКР, процент от ВВП

Несмотря на неполные, отрывистые и разрозненные данные по доле НИОКР в ВВП очевидным является их низкая доля. По последним доступным данным лидером по расходам на НИОКР являются ОАЭ, вкладывая порядка 1,4% от ВВП в этот сектор. Тем не менее, этот показатель существенно ниже среднего для более экономически развитых стран – страны Организации экономического сотрудничества и развития потратили на НИОКР порядка 2,5% от ВВП [160].

Проблема слабо развитого инновационного сегмента проявляется, в частности, в недостаточно зрелом научно-академическом сообществе стран ССАГПЗ.

В тематических исследованиях о научно-академическом сегменте в странах ССАГПЗ отмечается ключевая роль не только финансирования, но и надлежащей господдержки, в случае отсутствия которой исследовательскую нишу быстро вытесняют другие зарубежные исследовательские группы в аналогичных областях, которые получают лучшую государственную

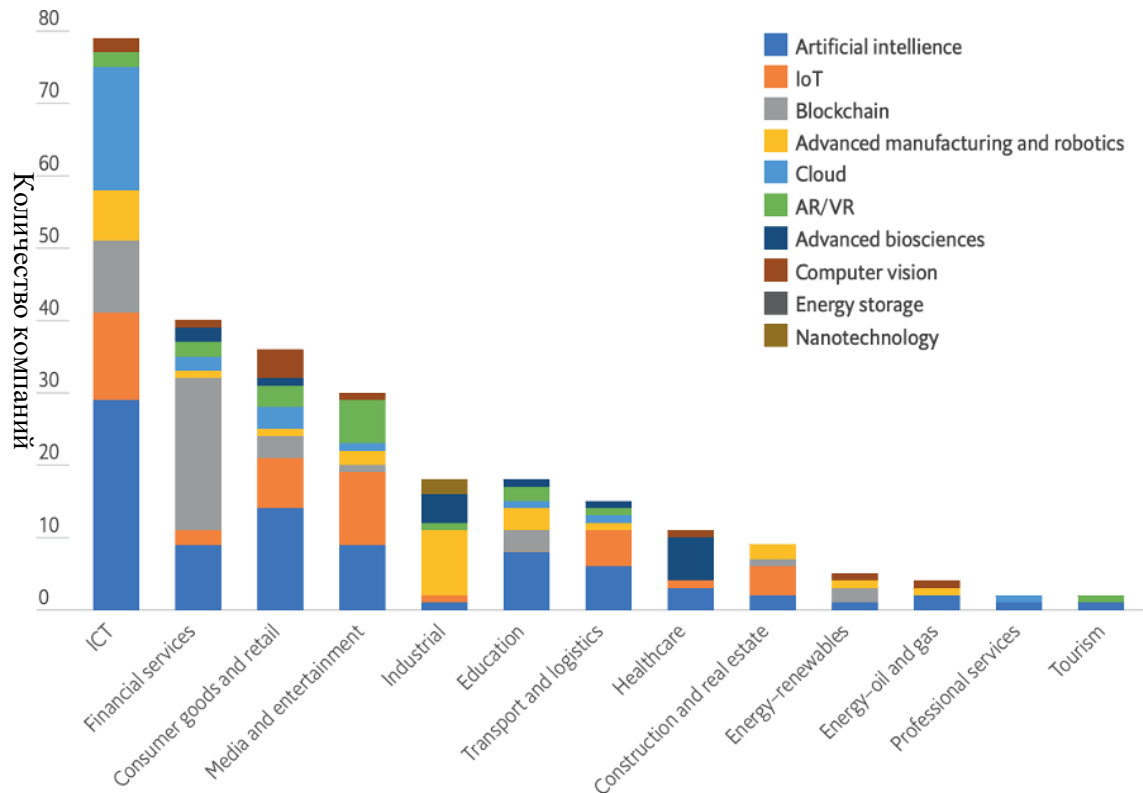
поддержку. Отсутствие публикаций на английском языке также является распространенным барьером для получения международных ссылок. В целом же, научно-исследовательскую экосистему стран ССАГПЗ ограничивают следующие факторы:

- временные ограничения для исследований;
- нехватка программ PhD;
- ограниченное финансирование;
- неадекватная/слабая административная поддержка;
- отсутствие платформ для совместной работы и коммуникационных инструментов [72].

Стимулирование развития фундаментальных исследований в университетах региона, создание государственно-частных партнерств и формирование класса квалифицированных научных кадров – основа к созданию устойчивой инновационной экономики знаний.

Оборотная сторона сферы инноваций – частный бизнес и степень интеграции компаний новейших технологий, представленных на рынке. Чтобы лучше понять инновационные тенденции среди компаний, лидирующих в этом сегменте, можно обратиться к секторальным исследованиям, посвященным интеграции инновационных технологий в бизнес-процессы в странах Залива. Это представлено на рисунке 3.7.

Как следует из представленных The Economist Intelligence Unit данных, в Заливе технологии с самыми высокими показателями внедрения – это искусственный интеллект, «интернета вещей» и блокчейн, за которыми следуют высокотехнологичное производство и робототехника, дополненная и виртуальная реальности и биотехнологии. Исследования оценивают потенциал развития инновационных технологий и компаний, их использующих, как высокий, однако подтверждают уже обозначенные трудности в сфере образования и малочисленности высококвалифицированных научно-исследовательских кадров.

Источник: из материалов The Economist Intelligence Unit [131].

Рисунок 3.7 – Распределение внедрения высоких технологий по индустриями в странах ССАГПЗ, 2021 г.

Более того, в странах ССАГПЗ появились зачатки крайне высокотехнологичной и весьма амбициозной отрасли – космической. Руководство Омана, к примеру, запланировало строительство первого в Заливе космодрома в порту Дукм. Географическое положение перспективного космодрома подходит для космических пусков благодаря экваториальному расположению. По задумке оманского правительства, реализация подобного проекта даст импульс космической отрасли в регионе, дав возможность правительствам и частным компаниям использовать площадку для орбитальных пусков [163].

КСА также заинтересовано в развитии космической отрасли. Саудовская Аравия в 2020 г. уже приняла на себя обязательство инвестировать более 2 млрд долл. США в космическую отрасль, а в 2022 г. саудовская Комиссия по связи, космосу и технологиям объявила о создании Союза предпринимателей в сфере космической индустрии (Space entrepreneurship alliance). Цель Союза – стимулирование научно-технологического обмена,

привлечение инвестиций, и формирование экосистемы космической промышленности в стране и регионе [181]. Безусловно, поставленные Оманом и КСА задачи можно отнести к масштабным, амбициозным и трудно выполнимым, однако потенциал развития подобных отраслей даст дополнительный импульс экономике знаний, способствующей более диверсифицированной и динамичной экономике региона.

Вторая группа внешних вызовов на пути экономической интеграции стран Аравийского полуострова тесно связана с диверсификацией экономики – это необходимость поиска дополнительных, альтернативных источников более устойчивого экономического роста. Для этих целей можно активизировать внутренние возможности стран Залива, направив усилия на углубления взаимодействия, в частности, в сферах транспортной взаимосвязанности и энергетической инфраструктуры.

В научной литературе широко распространен тезис о том, что транспортная инфраструктура имеет ключевое значение для повышения уровня взаимосвязанности развивающихся стран и оказания им помощи в стимулировании торговли, экономического роста и региональной интеграции. Это объясняется тем, что в условиях глобализации для беспрепятственного движения товаров и рабочей силы необходимы трансграничные автомобильные и железные дороги, международные порты и аэропорты, иные транспортные соединительные коридоры [109].

С 2008 г. планировался запуск строительства единой железнодорожной сети стран ССАГПЗ, причем предполагалось, что строительство будет завершено к 2018 г. Железная дорога могла бы стать инфраструктурным каркасом для будущей транснациональной и полностью интегрированной сети Залива, стратегически взаимосвязанной с другими видами транспорта. Более технические детали транспортной интеграции и то, как функционировал бы механизм транснационального управления проектом на пространстве стран ССАГПЗ сложно было реализовать, вероятно, по причине длительного отсутствия единого наднационального регуляторного органа [191].

Однако после продолжительного перерыва в развитии интеграционного железнодорожного проекта в ССАГПЗ лидеры государств объединения приняли решение о создании Железнодорожного органа ССАГПЗ (GCC Railroad Authority) в 2021 г. Пути продолжительностью более 2000 км предположительно создадут непрерывный путь из Кувейта в Оман. По предварительным оценкам стоимость реализации подобной инициативы может составить порядка 200 млрд долл. США, однако власти, по всей видимости, оценивают потенциальные положительные экономические эффекты от увеличения взаимной торговли, туристических потоков и мобильности рабочей силы как более весомые. Важно отметить, что развитие транспортной инфраструктуры происходит неравномерно в странах Залива, а подобные наднациональные проекты потенциально могут выровнять этот дисбаланс, создавая дополнительные стимулы экономического развития [202].

Еще одним потенциальным внутренним источником дополнительного экономического развития и одновременно направлением углубления экономической интеграции является энергетика. На ней следует остановиться отдельно и рассмотреть энергетический сектор через призму интеграционных процессов, что также представляет собой элемент научной новизны данной работы.

В предыдущих параграфах работы уже продемонстрирована колоссальная роль энергетического сектора в экономике всех стран ССАГПЗ на современном этапе. Даже несмотря на предпринимаемые усилия по диверсификации энергосистем и попытки повышения устойчивости к внешним экономическим шокам, вызванным колебаниями на рынке энергоносителей, этот сегмент экономики с большой долей вероятности продолжит играть решающую роль во всем регионе в обозримой перспективе.

Следовательно, это условие можно использовать как элемент координации совместной энергетической политики для достижения коллективной экономической безопасности и общих выгод. Это же станет, в

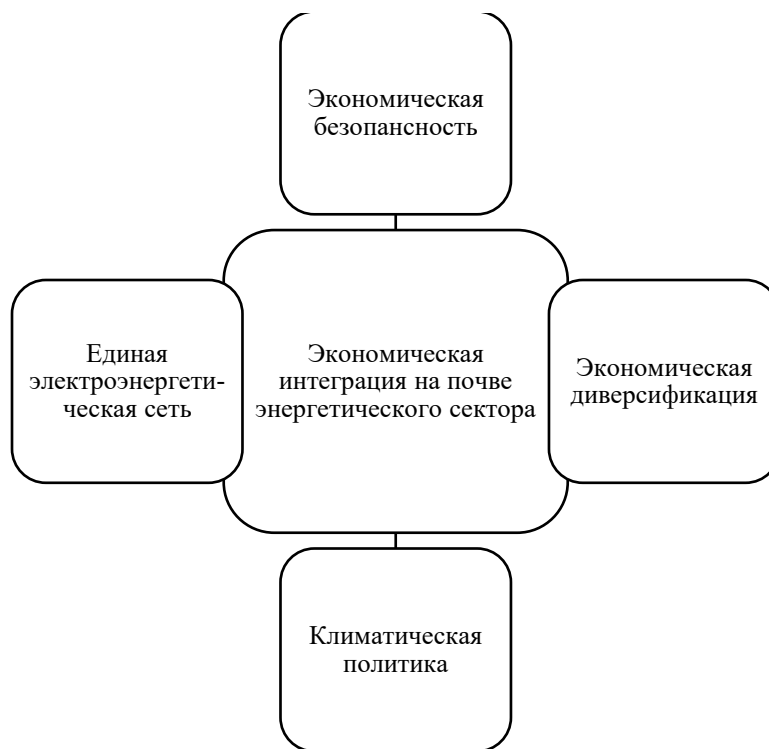
сущности, перспективным направлением углубления экономической интеграции стран ССАГПЗ, что ранее в научной литературе не обсуждалось.

Как показано в опубликованной научной работе Прокопьева П.С., на современном этапе в странах ССАГПЗ уже наблюдается частичная координация энергетической политики стран-участниц объединения. В рамках усилий по диверсификации обозначены соответствующие национальные цели по внедрению ВИЭ, пусть и весьма трудно реализуемые. Более того, наблюдается и скоординированность действий в рамках принятия решений на площадке расширенного формата Организации стран-экспортеров нефти (далее – ОПЕК+), что добавляет еще одно измерение экономической интеграции и координации для стран Залива [58].

Сегмент возобновляемой энергетики особенно следует рассматривать в качестве перспективного направления углубления интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ. Ранее уже было показано, что во всех странах объединения энергетический сектор занимает доминирующее положение в структуре экономики. Было также показано, что странами ССАГПЗ предпринимаются попытки по введению национальных целевых показателей использования ВИЭ.

В дополнение к системообразующей роли энергетического комплекса в экономиках стран ССАГПЗ, они также стремятся диверсифицировать экономику, обеспечивая при этом энергетическую и экономическую безопасность. В этой логике можно концептуально представить обоснование выбора именно энергетики как направления углубления интеграционных процессов. Это показано на рисунке 3.8.

Исходя из представленной на рисунке 3.8 схемы, экономическая безопасность является первым аргументом в пользу рассмотрения энергетического сектора как направления углубления интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ.

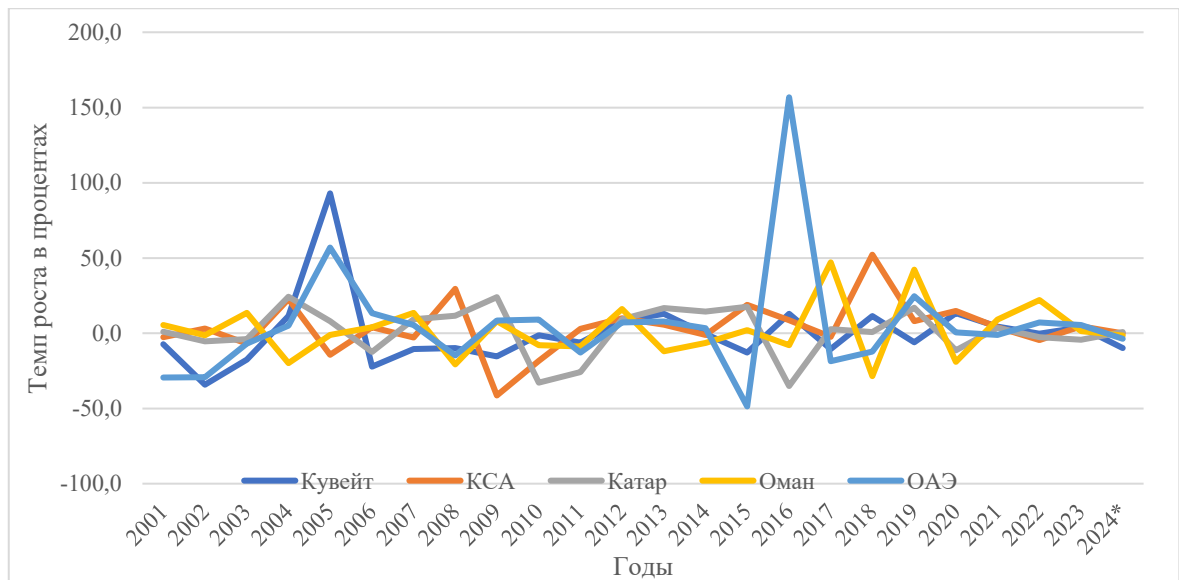

Источник: составлено автором.

Рисунок 3.8 – Энергетический сектор как сфера углубления экономической интеграции стран ССАГПЗ

Ранее в данной работе подробно показано, что нефтегазовая отрасль во всех шести странах данного интеграционного объединения занимает доминирующее положение, а значит и налоговые поступления в бюджет от экономической активности в этом сегменте являются важной составляющей экономического планирования и безопасности для этих государств.

Крайне важным аспектом в русле экономической безопасности стабильность и предсказуемость бюджетных поступлений. В случае со странами ССАГПЗ, крупнейшим (или доминирующим) компонентом поступлений является нефтегазовая отрасль. В рамках анализа следует рассмотреть динамику и волатильность нефтегазовых доходов в бюджетах стран ССАГПЗ, что и представлено на рисунке 3.9. Представленная динамика нефтегазовой доли поступлений в госбюджеты стран ССАГПЗ (указано изменение в процентах к предыдущему году) демонстрирует высокую степень волатильности.

Источник: составлено автором по материалам Федеральной резервной системы США [37].
 Рисунок 3.9 – Ненефтяные поступления в государственный бюджет стран ССАГПЗ, изменение в процентах к предшествующему году

Частыми для большинства стран ССАГПЗ являются скачки и падения этого показателя, очевидно вызванные шоковыми явлениями на рынке нефти. Такие явления не способствуют повышению экономической безопасности стран-участниц интеграционного объединения. Напротив, высокая доля зависимости от одного источника поступлений является риском и создает трудности при долгосрочном планировании экономического развития.

Следующим объединительным фактором в энергетической сфере для всех стран ССАГПЗ являются общие стремления экономической диверсификации. Проводимая политика экономической диверсификации в контексте стран-участниц ССАГПЗ тесно связана с соображениями экономической безопасности, ведь экономика этих стран, по сути, завязана на энергетический сектор.

В предшествующих параграфах данной работы показано, что цели диверсификации, прежде всего за счет развития ВИЭ, обозначены всеми странами объединения в рамках «Видений». Эти цели связаны прежде всего с тем, что в долгосрочной перспективе, согласно прогнозам Международного энергетического агентства (далее – МЭА), следует ожидать падения спроса на

углеводороды, а странам ССАГПЗ из-за особенностей экономической специализации придется адаптироваться к этим реалиям.

В этой связи одним из перспективных направлений представляется именно развитие ВИЭ. Процессы адаптации в странах ССАГПЗ имеют место быть, и происходят они параллельно. В частности, следует отдельно рассмотреть перспективный сектор водородной энергетики, который обладает существенным потенциалом для стран данного интеграционного объединения.

Государства ССАГПЗ обладают особым потенциалом для производства экологичного (так называемого «зеленого») водорода благодаря крайне низким ценам на генерацию солнечной энергии, достаточно развитой промышленности и уже сформировавшейся экономической специализации на энергетике. На текущем же этапе водородная энергетика находится пусть и в начальной, но весьма динамичной стадии развития.

По оценкам МЭА, в 2022 г. страны ССАГПЗ коллективно произвели около 7,8 млн тонн «серого» водорода (самый «грязный» из водородов, производимый из ископаемых источников), при общемировом объеме производства на уровне 95 млн тонн. Основное применение в данном регионе – для использования в химических центрах для производства аммиака и метанола, а также в металлургии для производства стали. Распределение потребления водорода по странам и отраслям в ССАГПЗ на текущий момент представлено на таблице 3.3.

Как следует из представленных в таблице 3.2 данных, Саудовская Аравия, Катар и Кувейт лидируют среди стран ССАГПЗ по производству водорода. Они же являются и промышленными центрами региона. Производимый в этих странах «серый» водород как раз и используется в переработке нефтепродуктов и химической промышленности, а также в сталелитейной индустрии.

Таблица 3.3 – Распределение производства и применения водорода в странах ССАГПЗ

Распределение локального производства водорода по странам		Распределение применения водорода по индустриям	
Страна	Объем производства, млн тонн	Индустрия	Объем применения, млн тонн
Саудовская Аравия	2,5	Переработка и нефтехимия	3,6
Кувейт	1,8	Производство аммиака	2,6
Бахрейн	0,4	Производство метанола	1,1
Катар	1,3	Железо и сталь	0,5
ОАЭ	1,0		
Оман	0,9		
Итого 7,8			

Источник: составлено автором по материалам Global Hydrogen Review 2023 [122].

На пространстве ССАГПЗ огромным потенциалом обладает сегмент экологически чистого «зеленого» водорода. В особенности это касается более крупных стран данного интеграционного объединения, где имеются большие возможности использования возобновляемой энергетики. Участки недорогой земли (что уже является преимуществом при внедрении ВИЭ в регионе), хорошо развитые промышленные кластеры (которые могли бы напрямую использовать экологически чистый водород для обслуживания экспортных рынков «зелеными» продуктами), изобилие солнечных ресурсов, наличие существенных инвестиционных средств, а также близость к развивающимся рынкам – все это в совокупности способствует водородному потенциалу стран ССАГПЗ.

На этом треке среди некоторых стран ССАГПЗ уже наблюдаются параллельные усилия по развитию «зеленой» водородной энергетики. Так, Оман, Саудовская Аравия и ОАЭ уже сформировали/разрабатывают национальные водородные стратегии, формируют регуляторные элементы политики в данной сфере.

Вместе с тем в странах ССАГПЗ наблюдается реализация ряда проектов в области «зеленого» водорода на разных стадиях. Они представлены на таблице 3.4:

Таблица 3.4 – Проекты по производству «зеленого» водорода в странах ССАГПЗ

Страна	Название проекта	Девелоперы	Мощность, МВт	Применяемая технология ВИЭ	Конверсия	Стадия развития проекта
Оман	Green Energy Oman	OQ, Intercontinental Energy, Enertech, Shell	4700	солнечная, ветряная	аммиак	ТЭО
КСА	Helios NEOM	ACWA Power, Neom	4000	солнечная, ветряная	аммиак	стройка
ОАЭ	TAQA ADPorts	TAQA Group, Abu Dhabi Ports	2000	солнечная	аммиак	ТЭО
Катар	Ammonia-7	QatarEnergy, Industries Qatar QSC	–	–	аммиак	подписан меморандум
Бахрейн	Sustainable Energy Authority Project	Sustainable Energy Authority (SEA)	–	–	–	–

Источник: составлено автором по материалам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии [175].

Наличие и развитие представленных выше проектов в сфере «зеленого» водорода указывает на наличие интереса к данной сфере во всем регионе. Безусловно, большинство из них находятся на стадии аналитической проработки или технико-экономического обоснования (далее – ТЭО), однако саудовский проект Helios NEOM (включающий водородную станцию) может стать «первопроходцем» в области и стимулировать дальнейшее ее развитие в странах ССАГПЗ.

Развитие водородной энергетической инфраструктуры (в особенности «зеленой») не только поспособствует декарбонизации экономики стран ССАГПЗ, но и даст стимул развитию новых высокотехнологичных индустрий. Прежде всего – поможет простимулировать НИОКР и привлечь человеческий капитал в рамках естественного роста индустрии.

Безусловно, преждевременно и не целесообразно говорить о «зеленой» водородной энергетике как о единственном или самом перспективном направлении развития энергетики стран ССАГПЗ. Однако этот трек может поспособствовать и экономической диверсификации, и более устойчивому экономическому росту стран интеграционного объединения. В особенности,

если будет проводиться скоординированная и централизованная политика по развитию энергетики, что могло бы позволить производственные оптимизировать мощности и потребление.

Еще более ощутимым этот эффект, вероятно, был бы при наличии централизованного органа, который осуществлял бы функции координации и мониторинга общей энергетической политики на пространстве ССАГПЗ. Очевидно, что процессы в странах этого объединения на энергетическом треке идут параллельно. Их координация и оптимизация на региональном уровне могли бы поспособствовать и более интенсивному экономическому росту, и формированию более тесных экономических связей между государствами, т.е. более глубокой экономической интеграции.

Еще одним аргументом в пользу рассмотрения энергетической отрасли стран ССАГПЗ как одного из ключевых направлений для углубления экономической интеграции является близость климатической политики стран объединения.

Из-за высокой степени ориентированности экономических процессов стран ССАГПЗ на углеводороды одним из приоритетов экономического развития для них является управление климатическими рисками и формирование более устойчивой климатической политики. На деле уже сейчас наблюдается высокая степень гармонизации климатической политики. Некоторые ее элементы представлены в таблице 3.5:

Таблица 3.5 – Некоторые климатические целевые показатели в странах ССАГПЗ

Страна	Цель по сокращению выбросов парниковых газов	Стратегия достижения Net Zero	Цели по повышению энергоэффективности
Бахрейн	на 30% к 2035 г.	к 2060 г.	на 6% к 2025 г.
Кувейт	на 7,4% к 2035 г.	к 2060 г.	на 5% к 2025 г.; снижение энергопотребления на 10%;
Оман	на 7% к 2030 г.	к 2050 г.	—
Катар	на 25% к 2030 г.	—	—
КСА	сокращение выбросов ежегодно на 278 Мт CO ₂	к 2060 г.	—
ОАЭ	—	к 2050 г.	на 19% к 2030 г.

Источник: составлено автором по материалам Middle East Institute [199].

Из представленных выше данных следует, что страны ССАГПЗ преследуют схожие и в целом сопоставимые по масштабам цели на климатическом треке. Их координация наднациональном уровне, обмен опытом и мониторинг вкупе с потенциальным объединением усилий по «зеленому» энергопереходу могли бы дать синергетический эффект. Такой централизованный подход мог бы обеспечить более эффективное и результативное достижение климатических целей в региональном масштабе.

Еще одно потенциальное направление углубление энергетической интегрированности - дальнейшее развитие электроэнергетики в регионе.

В течение последнего десятилетия стремительно выросло население в регионе, а, следовательно, возросли и потребности в энергии в Персидском заливе. Более остро встала проблема снижения стоимости эксплуатации энергосистем и минимизации вредных выбросов. Так как экономики стран ССАГПЗ значительным образом связаны с добычей и переработкой ископаемых энергоресурсов, то правительства стран региона заинтересованы в обеспечении своей энергетической безопасности в пост углеродную эпоху.

Именно поэтому компетентные органы прибегли к развитию так называемых умных энергетических сетей – smartgrids. В целом, эти электроэнергетические сети преследуют три основных цели:

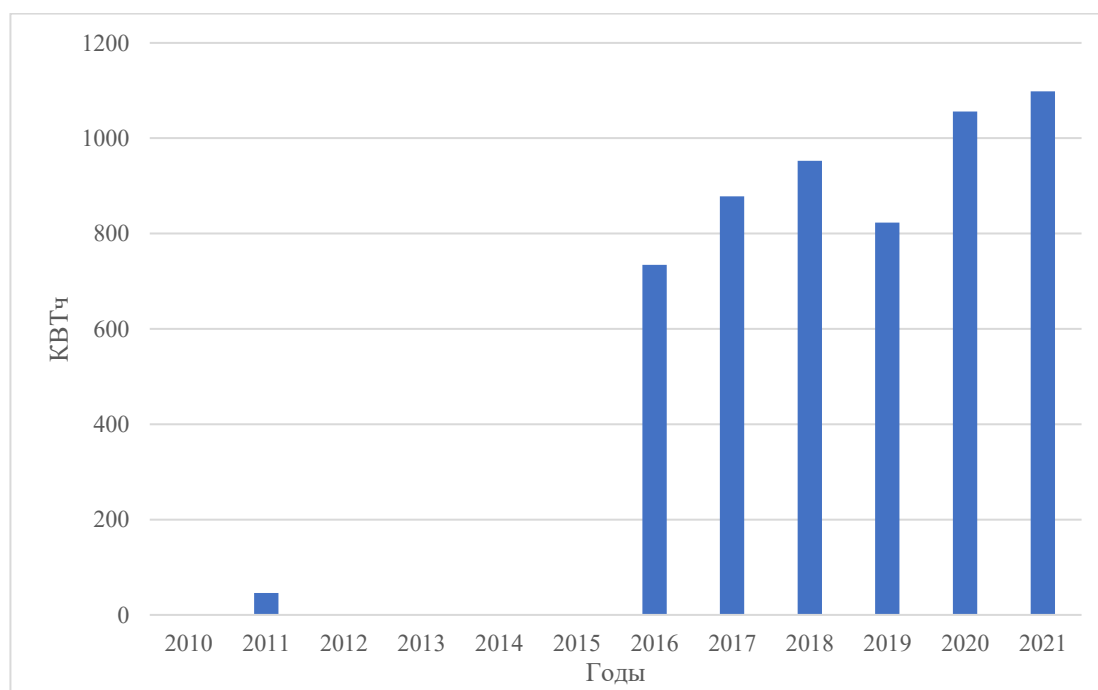
- обмен электроэнергией между соседними государствами с целью повышения стабильности энергосистемы;
- интеграция возобновляемых источников энергии для сокращения выбросов;
- формирование и настройка программ реагирования на изменение спроса для формирования различных профилей нагрузки и снижения стоимости эксплуатации системы [94].

Эти усилия нашли отражение в реализации объединенной энергетической системы ССАГПЗ (GCC Interconnection Grid), соединяющей энергосистемы шести стран-участниц интеграционного объединения. Интеграция электроэнергетических систем потенциально превратит

Аравийский полуостров в значимый энергетический узел, способный поставлять излишки в соседние регионы.

Перспективной является возможность продавать электроэнергию странам Северной Африки и Южной Европы. Так, к примеру, экономически оправданной была бы продажа электроэнергии в соседний Ирак, чья энергетическая система была существенно подорвана десятилетиями санкций, вторжением США и соответствующими последствиями. Уже существуют заделы для поставок в Ирак с учетом подписанного в 2019 г. соглашения управляющего органа объединенной энергетической системы ССАГПЗ с Министерством электричества Ирака в 2019 г., однако проект пока не функционирует в полную силу [68].

В целом, энергетическая сеть ССАГПЗ уже сейчас обладает ощутимым положительным экономическим эффектом. Последние несколько лет наблюдается динамичный рост объемов торговли электроэнергией в рамках единой сети. Его динамика представлена на рисунке 3.10:

Источник: составлено автором на основе данных GCC Interconnection Authority [118].
Рисунок 3.10 – Объем торговли электроэнергией в объединённой сети ССАГПЗ, КВтч

Так, к примеру, в 2021 г. страны Залива продолжили наращивать объемы сделок по торговле электроэнергией, в результате чего общий объем

торговли электроэнергией между государствами-членами ССАГПЗ составил почти 1,1 млн МВтч. Общая стоимость торговли в денежном эквиваленте оценивается в 136,46 млн долл. США. Выручка управляющей компании сети в 2021 г. увеличилась на 25,55% по сравнению с предыдущим годом.

Другой полезный экономический эффект от интегрированной электроэнергетической сети – экономия, выраженная в сокращении мощностей, снижении эксплуатационных расходов и объемов необходимого технического обслуживания, стоимости строительства генерирующих станций, сокращении выбросов CO₂, а также возможность системного реагирования на кризисные ситуации. По оценкам GCC Interconnection Authority, только за 2021 г. сумма сэкономленных средств от пользования объединенной энергетической системы ССАГПЗ составила более 192,71 млн долл. США.

Можно предположить, что комбинация развития объединенной отрасли электроэнергетики с внедрением технологий кибербезопасности и инновационных систем управления создаст дополнительные стимулы экономического развития и интеграции стран ССАГПЗ.

Объединение усилий стран ССАГПЗ в энергетической политике могло бы стать существенным стимулом к углублению внутренних экономических и политических связей. Более того, еще большим эффектом могла бы обладать институционализация этих усилий, например, посредством создания подразделения, курирующего и направляющего развитие данной проблематики в рамках Секретариата ССАГПЗ.

Так или иначе, наращивание связей между государствами ССАГПЗ в сфере энергетики обладает потенциалом углубить интеграционную взаимосвязанность и сблизить страны-участницы экономически, создав при этом дополнительные стимулы роста и достижения целевых показателей в смежных сферах.

Помимо рассмотренных внутренних вызовов на пути углубления экономической интеграции в ССАГПЗ есть и внешние вызовы, опыт которых

создает новые возможности оптимизации опыта развития интеграционного объединения.

Одним из глобальных вызовов последних лет, затронувших в том числе и арабские монархии Залива, стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19.

COVID-19 прежде всего стал вызовом для системы здравоохранения. Правительства стран ССАГПЗ в начале пандемии весной 2020 г. оперативно приняли ограничительные меры, касающиеся поездок. Несмотря на то, что меры по купированию распространения вируса позднее были ослаблены и экономика стала более открытой, некоторые профилактические меры все же остались в силе.

Помимо шока для системы здравоохранения пандемия стала вызовом и для экономик стран Залива. Из-за глобального падения спроса на нефть произошло резкое падение цен на нефть до самого низкого уровня за 17 лет. Усугубило последствия энергетического кризиса и то, что бюджетные поступления стран напрямую зависят от нефти. По некоторым оценкам, курсирование цен на нефть около 20 долл. США за баррель стоили бы бюджетам стран Залива порядка 554 млн долл. США в день [172].

Следует отметить, что ограничительные меры, принятые по соображениям эпидемиологической безопасности, нанесли серьезный ущерб экономике региона. Особенно ощутимы эти ограничения стали для сектора туризма и сферы услуг, вынудив правительства стран ССАГПЗ предоставить пакеты экономических стимулов на сумму в 122 млрд долл. США [103].

Можно предположить, что «коронакризис» стал очередным импульсом масштабных структурных изменений в экономике стран ССАГПЗ. Эти структурные изменения побудили инновационные подходы сразу в нескольких направлениях. Они систематизированы и представлены в таблице 3.6.

Вызванные пандемией изменения в региональной экономической системе стали возможностью для ускорения изменений в целом ряде областей.

Таблица 3.6 – Возможные структурные экономические трансформации, вызванные кризисом COVID-19, и их содержание

Область возможностей для структурных трансформаций	Содержание трансформаций	Эффект от трансформаций
Цифровизация	- адаптация организаций для цифровой эпохи; - внедрение цифровых технологий для сотрудников и производственных процессов; - повышение уровня цифровой грамотности сотрудников	повышение эффективности и скорости производственных процессов
Локализация рабочих мест	- создание рабочих мест в регионе с целью их дальнейшего закрепления; - программы финансовых стимулов для привлечения талантов	стимуляция национальной экономики и создание высококвалифицированной рабочей силы
Энергетический переход и устойчивость системы энергетики	ускорение диверсификации энергетического баланса	повышение энергетической безопасности
Фискальные инновации	- изучение опыта финансовых шоков и реагирования на экстремальные фискальные меры; - оптимизация бюджетных расходов	более адаптивные и эффективные финансовые стратегии
Адаптация корпоративных стратегий и цепочек создания стоимости	- адаптация стратегий риск менеджмента; - диверсификация активов, портфелей ценных бумаг; - пересмотр цепочек поставок	оптимизация риск-менеджмента и повышение финансовой устойчивости

Источник: составлено автором по материалам компании PWC [201].

Среди них - цифровизация, так называемая «глокализация» (локализация и релокализация рабочих мест), энергетика, фискальная политика, корпоративные стратегии. Эти изменения, безусловно, стали реакцией на шоковые изменения в мировой экономике, однако адаптация к

таким явлениям делает региональную экономическую систему более устойчивой к кризисам и более разнообразной, создавая дополнительные стимулы к коллективному экономическому развитию.

Следующая категория внешних вызовов – особенности региональной политики арабских стран Залива. Для стран ССАГПЗ двумя основными «камнями преткновения» в отношениях с третьими странами являются Иран и Израиль.

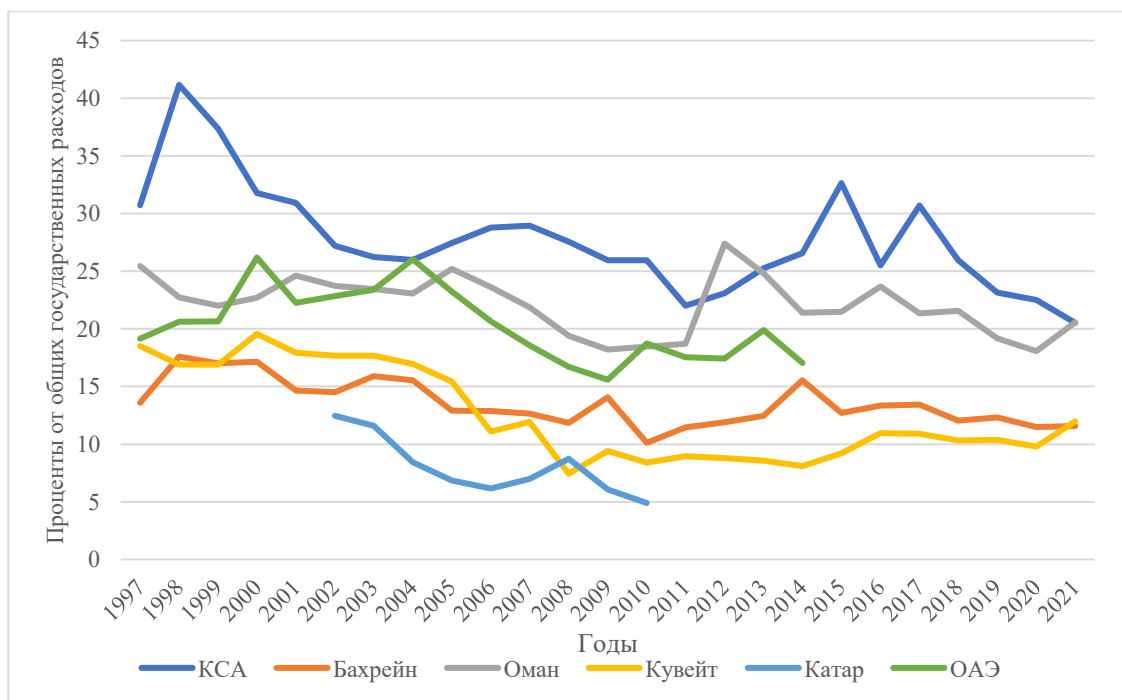
Отношения арабских монархий Залива с Ираном в целом можно охарактеризовать как напряженные. Последние десятилетия взаимоотношения стран ССАГПЗ (даже до формального создания региональной организации) включали периоды резкого охлаждения, сменяемые активными попытками наладить диалог. При этом важно понимать, что у государств ССАГПЗ отсутствует какой-либо единый подход к взаимодействию с Исламской Республикой. У КСА и остальных членов регионального объединения на практике существуют значительные расхождения в вопросах взаимодействия с Ираном. Во многом причиной периодических обострений в регионе является столкновение амбиций ИРИ и Саудовской Аравии в борьбе за влияние на Ближнем Востоке [49].

Напряженность в отношениях с Ираном имеет ощутимые экономические последствия. Так, к примеру, с определенной периодичностью появляются сообщения об атаках на нефтяные танкеры в Персидском Заливе, причем атаки, как правило, приписываются Ирану.

Более того, прокси войны, ведущиеся, например в Йемене, порой имеют прямые последствия для арабских монархий Залива. Показательный пример – атака йеменских хуситов высокоточным оружием по нефтеперерабатывающим заводам, портам, кораблям, военным объектам и инфраструктуре в Джизане, Наджране, Эш-Шукаике, Эр-Рияде, Джидде и других местах в ответ на военные действия коалиции, возглавляемой КСА и ОАЭ [158].

Регулярные вооруженные обострения и ведение прокси конфликтов в регионе вынуждает страны Залива формировать существенные военные бюджеты, тратить значительные средства на вооружение. По некоторым оценкам, расходы государств ССАГПЗ по оборонным статьям в разы превышают расходы Ирана. Предположительно, в 2017 г. на цели обороны и военно-промышленный комплекс ушло 95-128 млрд долл. США, что является долей ВВП, превышающей даже расходы стран НАТО на оборону, выраженных в долях от ВВП [193].

Существенные расходы на оборону и военные цели прямым образом не способствуют экономическому развитию. Более того, эти денежные средства, вероятно, могли бы пойти на более социально ориентированные нужды. Их масштабы представлены на рисунке 3.11:

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [35].
Рисунок 3.11 – Доля государственных расходов стран ССАГПЗ на оборону, в процентах от общих государственных расходов

Существенные государственные расходы на эти цели, вероятно, осуществляются в ущерб развитию других сфер экономики. Эти средства, к примеру, могли бы быть направлены на НИОКР, социальные проекты, образовательные программы. Экономический эффект подобной

переориентации мог бы способствовать повышению уровня устойчивости экономик.

Важным событием в этом контексте является восстановление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией в мае 2023 г. Несмотря на то, что в целом это позитивный для региональной стабильности и безопасности сигнал, эксперты на текущем этапе воспринимают процесс с долей скептицизма. Не исключается дальнейшая нормализация, однако о полноценном сотрудничестве, безусловно, говорить преждевременно [184].

В отличие от «осторожных» отношений с Ираном, связи стран ССАГПЗ с Израилем развивались в некотором смысле более динамично. С учетом продолжительной истории арабо-израильского конфликта дипломатические соглашения, подписанные ОАЭ и Бахрейном с Израилем в 2020 г. стали прорывными. Однако сами по себе коммуникация и некоторые формы сотрудничества между государствами Залива и Израилем не новы.

Так, к примеру, Катар, Бахрейн и Оман установили связи с Израилем в 1990-х гг. после того, как Организация освобождения Палестины и Израиль подписали соглашения в Осло [218]. Несмотря на то, что никаких мирных отношений между израильянами и палестинцами так и не было достигнуто, условная «красная линия», запрещающая связь арабских государств с Израилем, была размыта.

В последствии эти связи развивались неофициально из-за своеобразного табу среди арабской общественности по теме нормализации отношений с Израилем.

По мере того, как в последние годы обе стороны конфликта расширяли свое сотрудничество, эти обратные связи неизбежно становились все более заметными. Тем не менее, важно отметить, что страны ССАГПЗ не имеют единой позиции по этому вопросу, и характер и масштабы отношений с Израилем у них не совсем совпадают [171].

Частичная нормализация отношений с некоторыми странами Залива, особенно с ОАЭ, показательна своими экономическими эффектами. Появляются перспективы развития торговли благодаря восстановлению их дипломатических отношений.

До сих пор арабские страны Персидского залива проявляли большой интерес к приобретению израильских технологий. Израиль предоставлял ОАЭ свои технологии обеспечения безопасности, включая кибербезопасность и мониторинг, еще до заключения соглашений. Кроме того, вероятно, что израильские товары, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий, были отправлены в арабские государства через третьи страны и активно там применялись.

Из-за засушливой окружающей среды этих стран и их нынешней неспособности надлежащим образом обеспечить свою продовольственную безопасность собственными силами технологии орошения имели особенно важное значение. Следует подчеркнуть, что покупка технологии странами-членами ССАГПЗ потенциально создает возможности приобретения этих технологий другими странами благодаря схемам параллельного импорта.

Расширение торгового сотрудничества Израиля с ОАЭ было, пожалуй, наиболее заметным. Экспорт товаров Израиля в ОАЭ вырос с 58,8 млн долл. США в 2020 г. до 384 млн долл. США в 2021 г. В 2020 г. и 2021 г., соответственно, Израиль импортировал товаров на сумму 120 млн долл. США и 836,9 млн долл. США. Рост экспорта и импорта более чем в 6 раз, очевидно, свидетельствует о существенной положительной динамике двусторонней торговли [159].

Важно отметить, что обострение палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. и осуждение всеми арабскими странами действий Израиля существенно осложняет взаимодействие государств ССАГПЗ с Тель-Авивом. Боевые действия несут очевидные риски для экономики всего ближневосточного региона.

В этой связи можно предположить, что полноценная нормализация отношений с Ираном и Израилем и последующие развитие торгово-экономического взаимодействия для всех членов ССАГПЗ могли бы оказать положительный экономический эффект и способствовать углублению интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ. Стабилизация политической обстановки и минимизация рисков также способствуют повышению привлекательности ведения бизнеса и в целом, вероятно, повысят престиж стран Залива.

Таким образом, перед странами ССАГПЗ стоит ряд внутренних и внешних вызовов, преодоление которых потребовало и, вероятно, еще потребует определенных адаптивных реформ. Вместе с тем, эти вызовы создают дополнительные возможности по созданию более устойчивой региональной экономики, созданию дополнительных стимулов более тесного взаимодействия и координации, что могло бы послужить целям углубления экономической интеграции в рамках объединения.

Особым потенциалом в русле углубления экономической интеграции обладает сфера энергетики, где взаимодействие могло бы дать существенный синергетический эффект и в общих для всех стран ССАГПЗ усилиях по экономической диверсификации, и в сфере обеспечения экономической безопасности, и в климатической политике. Общность этой проблематики и схожесть преследуемых целей создают предпосылки для более тесной координации в этой области, что параллельно могло бы углубить уже существующие экономические связи.

3.3 Перспективы взаимодействия ССАГПЗ с другими интеграционными объединениями

ССАГПЗ коллективно являются неотъемлемой частью многих глобальных экономических процессов. Более того, это интеграционное

объединение представляет собой весомый центр экономического влияния в регионе, что также обуславливает его значимость. Страны-участницы Совета активно взаимодействуют с другими государствами как на двусторонней основе, так и в качестве интеграционного объединения. При этом зачастую с крупными странами, участвующими в интеграционных объединениях, взаимодействие строится на двусторонней основе.

Особый интерес представляет взаимодействие ССАГПЗ с другими интеграционными объединениями, так как такой формат не только способствует экономическому развитию задействованных государств, но и косвенным образом стимулирует интеграционные процессы внутри ССАГПЗ, способствует большей гармонизации и координации.

В этой связи следует рассмотреть актуальное состояние их торгово-экономического взаимодействия с другими интеграционными объединениями и перспективы развития этих отношений в ближайшем будущем.

Европейский союз - один из ключевых торговых партнеров ССАГПЗ. ЕС является вторым по величине торговым партнером арабских монархий Залива, на долю которого приходится 12,3% от общего объема торговли товарами ССАГПЗ с миром в 2020 г. 17,8% импорта ССАГПЗ приходилось на ЕС в 2020 г. На уровне интеграционных объединений ЕС занял первое место в списке партнеров ССАГПЗ по импорту.

В импортируемой ЕС продукции из стран Залива лидируют топливо и продукция горнодобывающей промышленности (порядка 62,8%), продукция химической промышленности (11,5%). В экспорте ЕС в ССАГПЗ в основном преобладают машины и транспортное оборудование (39,6%), химикаты (15,4%), продукция сельского хозяйства и сырье (13,2%) [124].

Основополагающий документ, обозначающий рамки экономического сотрудничества - подписанное в 1988 г. Соглашение о сотрудничестве между ЕС и ССАГПЗ. Этот документ направлен прежде всего на улучшение торговых отношений в стратегическом видении развития европейских государств.

На современном этапе ЕС заинтересована в расширении своего сотрудничества с странами ССАГПЗ за пределы Соглашения. В этой связи в мае 2022 г. ЕС обнародовал Совместное сообщение о Стратегическом партнерстве со странами Персидского залива, в котором определены ключевые направления, представляющие в том числе и экономический интерес для европейского сообщества. Среди них - энергетика, «зеленые» технологии, цифровизация и другие.

Этот же документ указывает на готовность европейских властей изучить возможность возобновления переговоров о подписании торгового соглашения со странами Залива. Стремительно меняющиеся геополитический ландшафт и глобальный экономический спад вынуждают эти интеграционные объединения искать возможности дополнительного стимула экономического роста, потенциал которого они и видят в потенциальном торговом соглашении.

Заключение соглашения о создании ЗСТ может способствовать развитию не только двусторонней торговли, но и популяризации «зеленых» технологий, ускоренной цифровизации, улучшению ситуации с защитой прав интеллектуальной собственности в регионе Залива [211].

Вместе с тем отношения ССАГПЗ и ЕС не лишены проблемных аспектов. Важным элементом внешней политики ЕС является продвижение «демократической» повестки, особенно в отношении развивающихся стран. Однако европейское взаимодействие с арабскими монархиями Залива основывается прежде всего на торговле и инвестициях, а попытки навязывания «европейских ценностей» чреваты прекращением действующих контрактов и затруднением экономической деятельности в Заливе для европейских стран [208].

Реакцией стран ЕС (как и других стран «коллективного Запада») на обострение украинского конфликта в начале 2022 г. стало введение беспрецедентных экономических санкций против Российской Федерации. Важно отметить, что Страны ССАГПЗ не присоединились ни к каким из них.

Именно поэтому торгово-экономическое взаимодействие стран ССАГПЗ с Россией и интеграционными объединениями, в которые она входит, является весьма перспективным.

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие стран ССАГПЗ и ЕАЭС. Ввиду географических и климатических особенностей арабских стран Залива их сельскохозяйственный сектор развит недостаточно, чтобы в полной мере обеспечивать свою продовольственную безопасность. ЕАЭС же, напротив, удерживает лидирующие позиции в экспорте некоторых сельскохозяйственных товаров. По зерновым культурам страны евразийского экономического интеграционного объединения входят в число ведущих глобальных экспортеров. В особенности региональные агропромышленные преимущества проявляются на примере таких экспортных позиций, как пшеница, ячмень, подсолнечное масло и пшеничная мука [14]. Очевидно, что развитие агропромышленного вектора торгово-экономического сотрудничества обладает серьезным потенциалом, особенно в период турбулентности на глобальных продовольственных рынках.

Для более субстантивного анализа перспектив торгово-экономического сотрудничества ССАГПЗ и ЕАЭС следует рассмотреть ряд конкретных отраслей, где мог бы иметь место положительный эффект от углубления взаимодействия.

Концептуально анализ можно проводить в рамках SWOT-анализа. Одной из таких отраслей является сельскохозяйственная отрасль и аграрно-промышленный комплекс (далее – АПК) в целом. Элементы SWOT-анализа углубления торгово-экономического сотрудничества между интеграционными объединениями в рамках сельхоз отрасли представлены в таблице 3.7.

К «сильным сторонам» в пользу расширения сотрудничества на сельскохозяйственном направлении следует отнести, прежде всего, тот факт, что продовольственная безопасность в странах ССАГПЗ обеспечивается преимущественно за счет импорта.

Таблица 3.7 – SWOT-анализ расширения торгово-экономического взаимодействия стран ССАГПЗ и ЕАЭС в сфере АПК

Внутренние факторы	
Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
- высокая доля импорта сельхозпродукции странами ССАГПЗ; - значительные сельскохозяйственные мощности стран ЕАЭС; - уже сформировавшийся опыт в сфере поставок продукции АПК в страны ССАГПЗ; - положительная динамика поставок в некоторых сегментах сельхозпродукции	- конкуренция с другими крупнейшими иностранными производителями; - стремление стран ССАГПЗ достичь автономии в сфере АПК
Внешние факторы	
Возможности (O)	Угрозы (T)
- использование глобальной логистической и геоэкономической турбулентности для более интенсивного освоения рынков ССАГПЗ; - усиление диверсификации поставщиков сельхозпродукции	- региональная нестабильность; - санкционные риски

Источник: составлено автором.

Для наглядности следует рассмотреть коэффициенты самообеспечения основных продовольственных категорий для шести стран объединения, представленные в таблице 3.8:

Таблица 3.8 – Коэффициент самообеспечения основной сельскохозяйственной продукции в странах ССАГПЗ в 2023 г.

Категория сельхозпродукции	В процентах					
	ОАЭ	Кувейт	Оман	Катар	Бахрейн	КСА
Молочная продукция	35,5	14,4	46,6	77,9	4,1	81,0
Фрукты	28,0	30,1	54,6	10,2	12,6	71,1
Овощи	24,2	54,2	83,8	20,8	13,9	57,4
Мясо	19,6	45,8	57,2	19,1	37,5	68,2
Зерно	0,8	1,3	1,2	0,6	0,0	9,2
Прочее	21,7	62,1	91,4	15,1	7,6	45,0
Средневзвешенный страновой коэффициент самодостаточности	16,4	24,3	40,3	20,2	10,2	39,7

Источник: составлено автором по материалам [117].

Таблица 3.8 демонстрирует, что в большинстве стран ССАГПЗ коэффициент самодостаточности по основным продовольственным категориям (доля производимого внутри страны продукции по отношению к общему потреблению всей продукции) не превышает 50%. Следовательно, остальное потребление внутри страны покрывается за счет импорта.

Страны ЕАЭС, напротив, обладают значительными мощностями в АПК и являются крупнейшими мировыми и региональными экспортёрами по некоторым сельскохозяйственным статьям.

К аргументам в пользу углубления торгово-экономического сотрудничества именно в этой сфере можно назвать уже сформировавшийся опыт поставок сельхозпродукции в страны ССАГПЗ, а также динамичные темпы роста этих поставок. Так, Россия исторически является одним из лидирующих поставщиков зерновых культур на рынки Саудовской Аравии. Так, в период с 2020 г. по 2022 г. Россия была крупнейшим поставщиком пшеницы в Королевство (26,6% от всего импорта за указанный период), а также занимала доминирующее положение по поставкам ячменя (39,0% за период с 2020 г. по 2022 г.) [222]. Эта тенденция продолжилась и на урожайный период 2023-2024 гг.: после прекращения действия «зерновой сделки», согласно заявлениям Минсельхоза России, КСА вошло в число лидеров импорта российского зерна и в 2023 г., и, по прогнозам, сохранит эту позицию и в 2024 г. [24].

Схожее положение дел наблюдается и на рынке ОАЭ. После непродолжительного спада в 2022 г. российские зерновые культуры вновь занимают лидирующие позиции в поставках на рынок ОАЭ. По информации российского «Агроэкспорта» при Минсельхозе России, отечественный экспорт продукции АПК в ОАЭ в 2023 г. вырос в 2,8 раз (на 72% по сравнению с 2022 г. в стоимостном выражении). Именно зерновые стали основной категорией поставляемой продукции: продажи пшеницы выросли в 2 раза (до 663 тыс. т); отгрузки ячменя увеличились более чем в 2 раза (до 85 тыс. т) [26].

Кроме того, в 2023 г. впервые с 2017 г. из России в ОАЭ была экспортирована кукуруза в объеме 31 тыс. тонн., что также демонстрирует положительную динамику и потенциал для дальнейшего расширения торгово-экономического взаимодействия.

Кроме зерновых культур в русле расширения торгово-экономического взаимодействия ССАГПЗ и ЕАЭС потенциалом обладают также поставки мяса, птицы и молочной продукции. В этом сегменте между рассматриваемыми объединениями также наблюдается нарабатанная база и динамичный рост. Так, в 2022 г. Саудовская Аравия стала вторым по масштабам покупателем российского мяса птицы (рост на 59% физического объёма и на 85% стоимостного). Более того, за этот же период более чем втрое увеличилась отгрузка мяса в ОАЭ [25]. В 2022 г. рядом российских экспортеров животноводческой продукции получено право доступа на рынок Катара.

Другие члены ЕАЭС также демонстрируют поступательное развитие торгово-экономических отношений со странами ССАГПЗ, несмотря на гораздо более скромные объёмы. Так, в 2023 г. в результате переговоров Минсельхоза Казахстана и Управления по пищевым продуктам и медикаментам Саудовской Аравии существенно было увеличено количество предприятий, имеющих право экспорта в Королевство. Важно при этом отметить, что Казахстан преимущественно поставляет в КСА хлеб и мучные изделия [18].

Взаимодействие Беларуси, Армении и Киргизии со странами ССАГПЗ в плане торговли продукцией АПК развито в меньшей степени, однако положительная динамика все же имеется. К примеру, белорусские компании активно принимают участие в саудовской продовольственной выставке Foodex Saudi, а в 2023 г. ряд крупных белорусских производителей даже подписали контракты на поставку молочной продукции [10]. Армения же также минимально взаимодействует на этом треке со странами ССАГПЗ,

однако нельзя исключать появления положительной динамики после установления дипотношений с Саудовской Аравией в 2023 г.

Безусловно, есть и слабые стороны в рамках стратегии углубления взаимодействия между рассматриваемыми интеграционными объединениями на сельскохозяйственном треке. Первая из них – серьёзная конкуренция со стороны других крупных поставщиков аналогичной продукции в страны ССАГПЗ. Такие страны как Австралия, Индия, Канада, Украина, Румыния, Польша уже поставляют значительные объёмы схожих товаров на «заливные» рынки.

Другая «слабость» данной стратегии заключается в разработке рядом стран ССАГПЗ (ОАЭ, Катар и Кувейт) стратегий по повышению продовольственной самодостаточности и уменьшению доли импортируемой продукции. Более того, ОАЭ и Саудовская Аравия применяют практику выкупа плодородных сельхозземель, причем Эр-Рияд закупал такие лоты и в Беларуси [113]. Эти стремления стран ССАГПЗ, безусловно, могут уменьшить торговый потенциал в отношениях со странами ЕАЭС, однако с учетом прогнозов уверенного роста населения этот трек все еще остается перспективным.

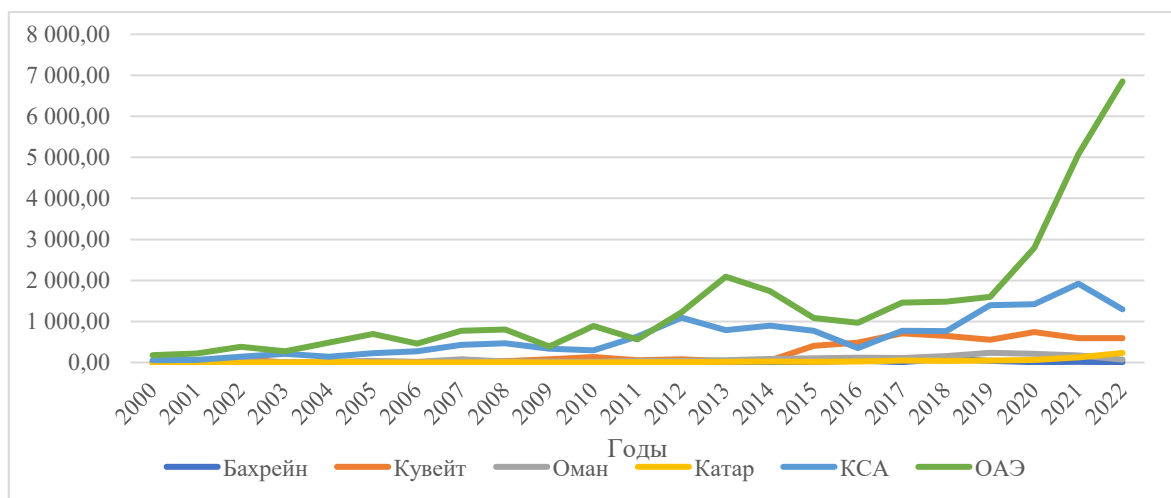
В этом сценарии есть и риски. Одним из традиционных для ближневосточного региона является риск кардинальных геополитических изменений, что актуально там и в настоящее время. В особенности остро этот вопрос встает в условиях боевых действий как в Восточном Средиземноморье, так и в Красном море.

Другой вероятный риск – введение новых санкций против России или других членов ЕАЭС со стороны недружественных государств. Несмотря на неприсоединение стран ССАГПЗ к санкционному режиму, не следует исключать появление таких рисков в обозримой перспективе. Формально на текущем этапе российская сельхозпродукция не попадает под рестрикции, однако этот фактор в будущем может стать существенным ограничением.

Углубление торгово-экономического взаимодействия между ССАГПЗ и ЕАЭС представляет собой существенные возможности для взаимной выгоды. Для стран ЕАЭС это более «сильный» выход на рынки, которым ранее уделялось меньше внимания. Теперь же с изменением геополитической и геоэкономической конъюнктуры в Европе и разрывом многих экономических связей с западными экономиками происходит еще больший «разворот на Восток». В этом русле страны ССАГПЗ имеют значительный потенциал в качестве платежеспособных и конструктивных партнеров с растущими рынками потребления.

Необходимо отметить, что потенциал торгово-экономического взаимодействия ССАГПЗ и ЕАЭС выходит за пределы сельскохозяйственной номенклатуры. Так, например, белорусская экономика в рамках ЕАЭС может выступить поставщиком сталелитейной продукции, продукции деревообработки, машинного оборудования и некоторых радиотехнических изделий [62]. Казахстан же является значимым экспортером меди и минералов – товаров, импортируемых ОАЭ [13].

В целом наблюдается тенденция к росту товарооборота между странами ССАГПЗ и ЕАЭС. В качестве прокси-индикатора для этого процесса можно рассмотреть динамику российского экспорта в качестве внешнеторгового индикатора самой крупной экономики ЕАЭС в страны ССАГПЗ. Это представлено на рисунке 3.12:

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [30].

Рисунок 3.12 – Объёмы экспорта из России в страны ССАГПЗ, в млн долл. США

На рисунке 3.12 явно прослеживается позитивная тенденция российского экспорта в страны Персидского залива, в особенности в ОАЭ, Саудовскую Аравию и Кувейт. В таких условиях снижение торговых барьеров с государствами ССАГПЗ может стать дополнительным взаимовыгодным стимулом экономического развития.

Либерализация условий торговли в подобном ключе поспособствует расширению сети торговых партнеров, развитию сотрудничества в области энергетики и финансовых технологий [57]. С учетом множества кризисных факторов и введения санкций против стран-членов ЕАЭС уплотнение ткани экономического сотрудничества с ССАГПЗ послужило бы и повышению экономической безопасности российской экономики.

Несмотря на номинально скромные показатели товарооборота между двумя интеграционными объединениями, эти взаимоотношения, по всей видимости, можно охарактеризовать преобладанием качественной составляющей над количественной. Безусловно, политические факторы могут затруднять переход экономического взаимодействия на качественно новый уровень. Однако сотрудничество в сфере энергетики и инвестиций в российские региональные и инфраструктурные проекты остается привлекательным экономическим вектором для арабских монархий Залива [137].

Важно отметить, что страны ЕАЭС уделяют значительное внимание научно-технологическому прогрессу в своем экономическом развитии. К приоритетным направлениям в этом контексте относятся информационно-коммуникационные технологии, био- и медицинские технологии, фармакология, машиностроение и энергетика, а также инновации в «традиционных» секторах АПК и добывающей отрасли [63].

В этом контексте необходимо отметить значительный положительный потенциал сопряжения усилий ССАГПЗ и ЕАЭС в русле инновационного развития экономик интеграционных объединений. Снятие барьеров,

совместные проекты и инвестиции могли бы стать существенным подспорьем с учетом колоссальных инвестиционных «мощностей» заливных монархий и масштабного научного и инновационного потенциала стран ЕАЭС, в особенности Российской Федерации.

Другое перспективное направление углубления сотрудничества между ССАГПЗ и ЕАЭС – финансово-банковская и инвестиционная сферы. Это направление также следует концептуально проанализировать через призму SWOT-анализа, представленного в таблице 3.9:

Таблица 3.9 – SWOT-анализ расширения инвестиционного сотрудничества стран ССАГПЗ и ЕАЭС

Внутренние факторы	
Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
- уже имеющийся положительный импульс взаимных инвестиционных проектов; - значительные объёмы капитала у стран ССАГПЗ для инвестиций; - наличие крупных инфраструктурных и промышленных проектов	- геополитические риски; - невысокие индикаторы делового/инвестиционного климата в странах ЕАЭС
Внешние факторы	
Возможности (O)	Угрозы (T)
- возможности привлечения дополнительного капитала в Россию и другие страны ЕАЭС; - дополнительный стимул к проработке взаимных соглашений об избежания двойного налогообложения; - развитие исламского банкинга в России и других странах ЕАЭС.	- санкционные риски; - «оверкомплайенс»

Источник: составлено автором.

Более того, Российской фонд прямых инвестиций (далее – РФПИ) и саудовские визави также стремятся развивать взаимодействие. На период 2024-2025 г. РФПИ планирует привлечь из КСА более 1 трлн рублей – эта же сумма была привлечена за восемь предыдущих лет. Средства пошли на финансирование более 40 проектов, практически все из них были реализованы с нуля [22].

Еще одной «сильной стороной» такого направления сотрудничества является наличие уже существующих и потребность в перспективных крупных инфраструктурных проектах, требующих значительных капиталовложений. России, как и другим странам ЕАЭС, для повышения своей конкурентоспособности в глобальном масштабе требуется развитие внутренней инфраструктуры. Действующие западные рестрикции во многом перекрыли потоки капитала от «недружественных» государств, что делает арабский «заливной» капитал весьма востребованным. Так, с 2013 г. РФПИ активно создавал совместные инвестиционные платформы с суверенными фондами стран ССАГПЗ, в рамках которых было заявлено более 60 инфраструктурных сделок. Более 40 из них (общей суммой больше 22 млрд долл. США) были уже завершены по состоянию на 2021 г. [53]. В портфеле проектов – и дороги (ЦКАД-4), и порты (создание совместного фонда РФПИ и эмиратским DP World), и аэропорты (доля Qatar Investment Authority в Пулково).

Для России, как и для других стран ЕАЭС, развивающиеся на территории государств ССАГПЗ проекты также могут стать перспективными форматами инвестирования. Российские компании, в частности, являются инвесторами нашумевшего саудовского мегапроекта Neom.

Другие страны евразийского интеграционного объединения в целом демонстрируют меньшую динамику инвестиционного взаимодействия со странами ССАГПЗ, но проекты все же имеются. Функционирует, к примеру, совместная кыргызско-эмиратская инвестиционная компания «Абу-Даби Кыргыз Инвестмент» с уставным капиталом в 100 млн долл., а Казахстан привлекает эмиратские средства для развития сферы дата-центров у себя в стране. Масштабирование этих проектов и вывод на более систематический уровень, безусловно, поспособствует более бурному экономическому росту и развитию.

На данном треке есть и слабые стороны. Это, прежде всего, геополитические риски, связанные с ведением дел с подсанкционными

странами. Для государств ССАГПЗ интенсификация взаимодействия с юрисдикциями, на которые наложены санкции, может трактоваться западными странами как утрата «нейтральности» в текущих политических конфликтах. Этот фактор в определенной степени сдерживает масштабы инвестиционного сотрудничества России и стран ССАГПЗ.

Другой немаловажной слабостью является относительно невысокий деловой и инвестиционный климат в странах ЕАЭС. По признанию самих же экспертов евразийского интеграционного объединения, его государства-члены значительно отстают от развитых стран по всем соответствующим рейтингам [12]. Это также ограничивает потенциал инвестиционного сотрудничества (в том числе и со странами ССАГПЗ), так как занижает престиж и надежность евразийских экономик в плане надежности вложений.

Имеются также и непосредственные угрозы на инвестиционном треке. Нельзя исключать появления новых санкций, которые создадут еще больше ограничений как для России и Беларуси, так и для других членов ССАГПЗ. Это дополнительно создает риски «оверкомплайенса» – избыточного соблюдения уже введенных санкций. Опасения нарушить вторичные финансово-экономические рестрикции также вероятно могут сдерживать рост взаимных инвестиций между рассматриваемыми интеграционными объединениями.

Тем не менее, это направление сотрудничество все же открывает значительные возможности, причем как для ЕАЭС, так и для ССАГПЗ. В текущей глобальной макроэкономической конъюнктуре вряд ли следует ожидать скорого возвращения европейского или североамериканского капитала в Россию [56].

Более того, дополнительным стимулом к углублению инвестиционного взаимодействия может стать расширение действия страновых соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН). По состоянию на

момент написания данной работы, соответствующие страновые СИДН между странами ССАГПЗ и ЕАЭС представлены в таблице 3.10:

Таблица 3.10 – Матрица наличия СИДН между странами ССАГПЗ и ЕАЭС

Страна	КСА	ОАЭ	Оман	Катар	Бахрейн	Кувейт
Россия	Имеется	Отсутствует	Имеется	Имеется	Отсутствует	Имеется
Беларусь	Имеется	Имеется	Имеется	Имеется	Имеется	Имеется
Казахстан	Имеется	Имеется	Отсутствует	Имеется	Отсутствует	Отсутствует
Армения	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Имеется	Отсутствует	Имеется
Киргизия	Имеется	Имеется	Отсутствует	Имеется	Отсутствует	Имеется

Источник: составлено автором.

Россия и Беларусь лидируют в этой сфере, оптимизировав налогообложение практически со всеми членами ССАГПЗ. Для России крайне перспективным представляется выход на СИДН с ОАЭ. В случае заключения подобного соглашения, отечественные компании получают возможность получать дивиденды из ОАЭ без налогов, количество банковской документации уменьшится, а налоговые процедуры упростятся. Процесс, однако, затрудняется нежеланием Абу-Даби соглашаться на дифференцированную (в сравнении с другими странами арабского мира) ставку, а также его требованием повысить налоговую ставку и для других стран региона (в частности, Саудовской Аравии и Катара [21]. Другие же страны ЕАЭС также последовательно выступают за подписание соответствующих соглашений по мере появления подходящих условий и роста спроса на инвестиции.

Существенный потенциал имеется и в сфере банковского сотрудничества между этими интеграционными объединениями. Так, по некоторым оценкам, российский рынок исламского банкинга вырос на 183% за 2022 г., став самым быстрорастущим сегментом финансового рынка в мире. Такой показатель, по всей видимости, объясняется «эффектом низкой базы».

Более того, с 1 сентября 2023 г. в четырех российских регионах действует экспериментальный режим для развития исламских финансов, который также может поспособствовать более интенсивному развитию этого сектора в России [20]. Интенсификация сотрудничества в этом сегменте банковской индустрии с учетом гораздо более существенного уровня развития исламского банкинга в странах ССАГПЗ станет положительным экономическим импульсом как для арабских монархий Персидского залива, так и для стран ССАГПЗ.

Потенциал развития торгово-экономического и финансового сотрудничества России со странами ССАГПЗ, особенно в современных геополитических и геоэкономических реалиях огромен. Несмотря на то, что в течение первого месяца после начала российской Специальной военной операции из-за опасений вторичных санкций было объявлено о приостановке инвестиций в Россию со стороны некоторых суверенных инвестиционных фондов Залива (Mubadala, Qatar Investment Authority), эти фонды так и не вышли из российских проектов. Более того, чуть позже стало известно о продолжении инвестиционной деятельности саудовских компаний, инвестировавших более 500 млн долларов на территории России в течение марта 2022 г. Постепенно с «оборвавшимся» доступом к экономике ЕС и других западных стран, российский капитал развернулся в сторону Персидского залива, в особенности, в ОАЭ. Дубай стал одним из ключевых зарубежных направлений для попавших под санкции российских бизнесменов: за три квартала 2022 г. в ОАЭ было направлено 16 раз больше российского капитала, чем за аналогичный период 2021 г. [19].

Масштабирование таких темпов роста инвестиционного сотрудничества России на остальные страны ССАГПЗ станет существенным стимулом развития как отечественной экономики, так и стран Залива.

В контексте торгово-экономического взаимодействия именно с Российской Федерацией интеграционные процессы в рамках ССАГПЗ могут также сыграть положительную роль. Рынок ССАГПЗ демонстрирует

существенный потенциал для российского бизнеса благодаря своей большой ёмкости и широкому спектру возможностей. Более того, существует обширный ряд перспективных направлений, которые могут быть «заполнены» российскими предприятиями. С учетом существования единого рынка и таможенного союза в рамках ССАГПЗ, а также значительных объёмов российского экспорта в экономику ОАЭ, Эмираты могли бы стать «окном» для России и всего ЕАЭС на все рынки стран ССАГПЗ.

Наконец, еще одним перспективным направлением расширения торгово-экономического взаимодействия между ССАГПЗ и ЕАЭС является сфера энергетики. Проведем в аналогичном рассмотренным ранее кейсам ключе SWOT-анализ этой опции. Это представлено в таблице 3.11:

Таблица 3.11 – SWOT-анализ расширения сотрудничества стран ССАГПЗ и ЕАЭС в сфере энергетики

Внутренние факторы	
Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
- уже имеющийся значительный импульс торговли нефтепродуктами; - взаимодействие на площадке ОПЕК+	- естественная конкуренция членов ССАГПЗ и ЕАЭС; - внутренняя конкуренция членов каждого из интеграционных объединений
Внешние факторы	
Возможности (O)	Угрозы (T)
- потенциал развития атомной энергетики; - привлечение инвестиций для реализации проектов ВИЭ; - потенциал в развитии научно-технического сотрудничества и обмене опытом в сфере электроэнергетики	- санкционные риски; - рыночные колебания/изменение конъюнктуры

Источник: составлено автором.

Очевидным «сильным» фактором в пользу расширения сотрудничества в сфере энергетики является уже сформировавшаяся положительная динамика в этой сфере. Наиболее явным примером в данном случае является нараставшие закупки российских нефтепродуктов ОАЭ и Саудовская Аравия. С середины 2022 г. ОАЭ и Саудовская Аравия существенно нарастили закупки отечественных углеводородов - во многом это стало результатом адаптации

российских экспортеров к нововведённым санкциям. Российские углеводороды закупаются с дисконтом, а «заливные» экспортируются на внешние рынки.

Так, за 2022 г. Саудовская Аравия импортировала российских нефтепродуктов (в основном дизель и мазут) на сумму 250 млн долл. США, а ОАЭ – на сумму около 2 млрд долл. США [23].

Важно отметить, что ОАЭ стали одним из ключевых держав, оказывающих России содействие в нивелировании жёстких санкций. Ограничения на страхование и фрахт нефтеперевозок для российских компаний привел к тому, что отечественные компании были вынуждены нарастить так называемый «теневого флот», а также прибегать к услугам сторонних перевозчиков. На ОАЭ как раз и приходится значительная часть существенная часть транспортировки российской нефти танкерным флотом. Доля Абу-Даби повысилась с 17% в январе 2021 г. до 37% в мае 2023 г. Эмиратский порт Фуджейра стал важным пунктом по приему российской нефти и нефтепродуктов, а также последующих шагов по их переработке и преобразованию в несанкционные товары [17].

Другая «сильная сторона» – сформировавшаяся координация России и стран ССАГПЗ в формате ОПЕК+. Российско-саудовское сотрудничество на этой площадке расширило глобальный картель производителей нефти и повысило «дисциплину» в рамках международных энергетических рынках. Для России, как и для КСА, особый интерес представляет координация объёмов добычи нефти с целью регулирования рыночных цен. На площадке ОПЕК+ с определенной периодичностью участники картеля договариваются о сокращении добычи (последнее из них – сокращение Россией в рамках сделки добычи нефти на 0,5 млн б/с в ноябре 2023 г.). В условиях низких цен на нефть, а также необходимости сохранения высоких доходов в национальные бюджеты и России, и стран ССАГПЗ, такая координация представляется крайне полезной.

Эти же положения и обуславливают «слабые стороны» взаимодействия на энергетическом треке. Будучи естественными конкурентами на энергетических рынках, цели России и Саудовской Аравии не всегда совпадают в рамках ОПЕК+. Неоднократно возникали противоречия, которые затрудняли достижение сделки в рамках картеля. Это приводило к существенным разногласиям внутри альянса – якобы неполном выполнении условий сделки по сокращению объёмов нефтедобычи российской стороной, стремлениях ОАЭ наращивать добычу и откровенным недовольством КСА позицией своих партнеров [177].

Более того, наблюдается некоторая степень конкурентной борьбы и на рынках сжиженного природного газа (далее – СПГ). По ряду оценок, наибольшие выгоды от радикальных изменений архитектуры международных энергетических рынков с 2022 г. получил Катар, который занял европейскую нишу СПГ вместо России [170]. Этот фактор также ослабляет потенциал более плодотворного взаимодействия, так как создает дополнительную конкуренцию.

Есть также и элемент конкуренции внутри стран ЕАЭС – в частности, между Россией и Казахстаном. В текущих реалиях, около 80% экспортной нефти из Казахстана поставляется через Россию по трубопроводам «Каспийского трубопроводного консорциума» и нефтепроводу Атырау-Самара с дальнейшей транспортировкой через нефтепровод «Дружба» в европейском направлении. Казахстан стремится обособиться от российской инфраструктуры и планирует развивать альтернативные нефтяные экспортные маршруты в обход России. Для этого закупаются эмиратские нефтеналивные танкеры для поставок через Каспий [15]. Расширение сотрудничества на энергетическом треке между ССАГПЗ и ЕАЭС может обострить конкуренцию и внутренние противоречия, привести к конфликтам и усложнить координацию.

Существует также ряд внешних угроз, которые могут усугубиться при расширении сотрудничества интеграционных объединений в энергетической

сфере. Прежде всего это предсказуемо высокие санкционные риски. Российский энергетический сектор уже подвержен беспрецедентному санкционному давлению извне, и нет причин полагать, что оно будет ослаблено в ближайшей перспективе. Напротив, существуют риски его возрастания. Такое положение дел само по себе делает российские энергетические компании и продукты «токсичными» в глазах некоторых партнеров, равно как и сотрудничество с Москвой.

Другая потенциальная угроза на этом треке – непредвиденные ценовой шок или изменение рыночной конъюнктуры. В случае изменения «потолка цен» на российские нефтепродукты или введения аналогичных рестрикций последует очередная корректировка энергетических рынков. Это, в свою очередь, с большой долей вероятности обострит конкуренцию среди производителей и экспортёров нефтепродуктов за максимизацию прибыли на рынке, а также обострит противоречия внутри координационных механизмов ОПЕК+.

Расширение сотрудничества между ССАГПЗ и ЕАЭС в области энергетики также несет и ряд возможностей для экономического развития обоих объединений. Очевидными возможностями на этом треке является углубление уже сложившегося взаимодействия, укрепления связей на уровне государственных компаний/суверенных фондов, активизация подписанных соглашений и меморандумов о сотрудничестве.

Во-первых, расширения сотрудничества в сфере энергетики открывает для стран ССАГПЗ возможности использовать российский научно-технический потенциал в области атомной энергетики.

Так, еще в 2017 г. на государственном уровне в КСА была одобрена Национальная стратегия атомной энергетики, включающая, помимо прочего, планы строительства больших и малых ядерных реакторов для генерации электричества и опреснения морской воды. А к концу 2022 г. был завершен прием заявок на тендер в рамках строительства первой в КСА атомная

электростанция (далее – АЭС) мощность около 1,4 ГВт, и российский Росатом стал рассматривается в качестве одного из претендентов [9].

Высокий потенциал торгово-экономического взаимодействия в этой сфере уже наблюдается между Россией и ОАЭ. Эмираты имеют три действующих энергоблока, причем половину обогащенного уранового сырья импортируется из России в рамках длительного контракта с Росатомом [11].

Ведутся также переговоры об участии Росатома в возможном строительстве АЭС на территории Кувейта.

Еще одна перспективная возможность в рамках энергетического сотрудничества – привлечение государствами-членами ЕАЭС «заливного» капитала для развития проектов ВИЭ. Армения, к примеру, заключила в 2021 г. соглашение с эмиратской энергетической кампанией Masdar, в рамках которого будет построена солнечная электростанция (мощностью около 200 МВт) [7].

Киргизия также активизирует свое взаимодействие с государствами ССАГПЗ в рамках импорта ВИЭ технологий. Под эгидой и на средства уже упомянутого Masdar в стране строится солнечная электростанция в Иссык-Кульской области. Ведутся также консультации об использовании гидроэнергетического потенциала страны в рамках развития курса на «зеленую» экономику [16].

Казахстан также следует тренду и подписал в 2024 г. с саудовской компанией ACWA Power соглашение о строительстве ветроэлектростанции мощностью 1 ГВт на юго-востоке страны [8].

Очевидно, что имеются существенные задатки для расширения сотрудничества в области ВИЭ между странами ССАГПЗ и ЕАЭС. Дополнительным положительным стимулом мог бы также стать более интенсивный обмен научно-техническим опытом, с учетом накопившихся компетенций и спроса каждой из сторон.

Таким образом, имеется значительный потенциал для расширения торгово-экономического взаимодействия между странами ССАГПЗ и ЕАЭС в

сфере продукции АПК, в области инвестиционного сотрудничества, а также в сфере энергетики. Во всех этих отраслях усматриваются взаимные возможности для более интенсивного экономического роста с учетом сформировавшейся специфики каждого из интеграционных объединений, а также объективной макроэкономической и геополитической конъюнктуры.

Вместе с тем важно отметить, что наблюдается заметный дисбаланс во внешнеторговых связях России с экономиками Залива: внешнеторговый баланс традиционно складывается в пользу России, то есть отечественный экспорт значительно превышает импорт из арабских монархий интеграционного объединения [66].

Эту несбалансированную структуру торговли, как представляется, как раз могло бы исправить формирование ЗСТ между ЕАЭС и ССАГПЗ. Более того, с учетом значительных возможностей углубления сотрудничества на финансовом, инвестиционном и научно-инновационном треках подобное решение в целом могло бы стать существенным стимулом развитию экономик обоих интеграционных объединений.

Более того, в контексте интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ более глубокая экономическая интеграция в рамках объединения вкупе с окончательным формированием полноценного единого рынка и функционирующей общей экономической политикой могли бы значительно «сгладить» имеющиеся дисбалансы в торговле России со странами Залива. Как результат – можно было бы ожидать кратного увеличения как двусторонних торговых потоков, так и инвестиционного сотрудничества.

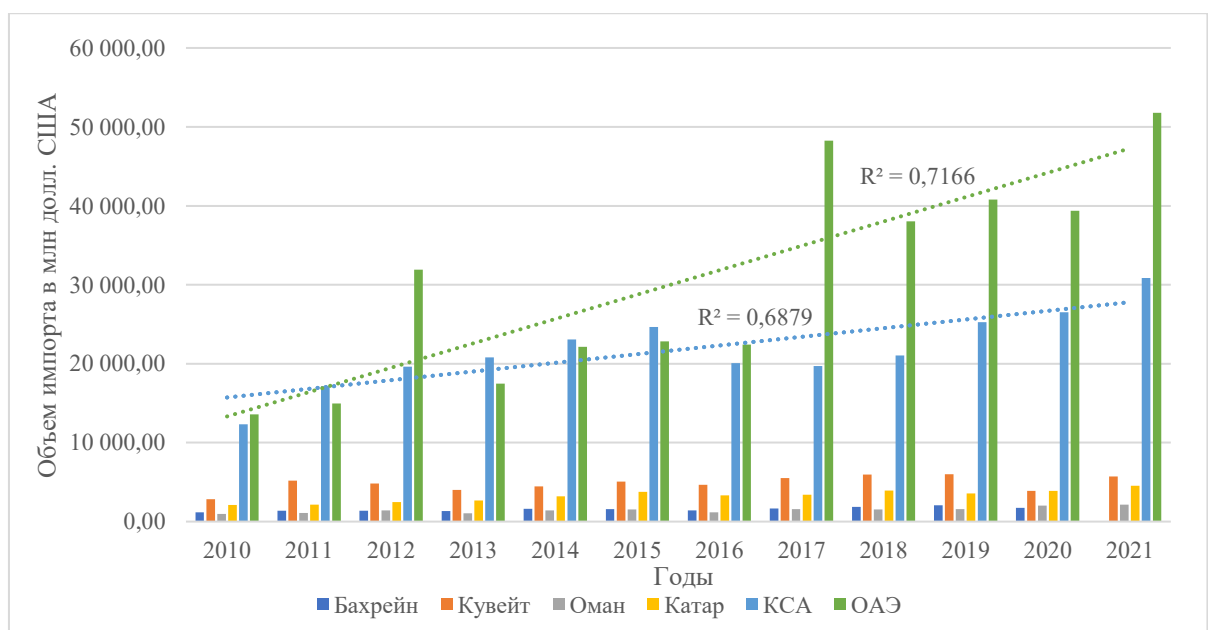
На современном этапе во внешнеторговой политике арабских государств Персидского Залива можно также говорить о постепенном смещении внешнеэкономических приоритетов ССАГПЗ из Северной Америки и ЕС в сторону альтернативных центров экономического роста, как правило, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Все более активное взаимодействие стран ССАГПЗ с азиатскими партнерами, вероятно, мотивировано частичным отдалением США от

арабских монархий. Руководство США неоднократно выступало с жесткой критикой правителей стран ССАГПЗ в связи с предполагаемыми нарушениями прав человека, что по очевидным причинам не способствует развитию взаимодействия. Именно поэтому арабские монархии Залива заинтересованы в поиске альтернативных партнеров для удовлетворения экономических потребностей в формирующемся многополярном миропорядке [203].

В этом русле существенным потенциалом обладает экономическое сотрудничество ССАГПЗ со странами объединения БРИКС, где уже наблюдаются шаги по усилению взаимодействия.

Две крупнейшие экономики БРИКС – Китай и Индия – в настоящее время занимают лидирующие позиции среди торговых партнеров арабских стран Залива и в целом демонстрируют тенденцию на стабильный рост торговли. Товарооборот между странами Персидского залива и Китаем на текущем этапе достиг своего пикового значения в 180 млрд долл. США и впервые превзошел объемы товарооборота стран ССАГПЗ с США и Еврозоной вместе взятыми [100]. Особенно наглядно позитивная динамика торговли просматривается в импорте странами ССАГПЗ товаров из Китая. Она представлена на рисунке 3.13:

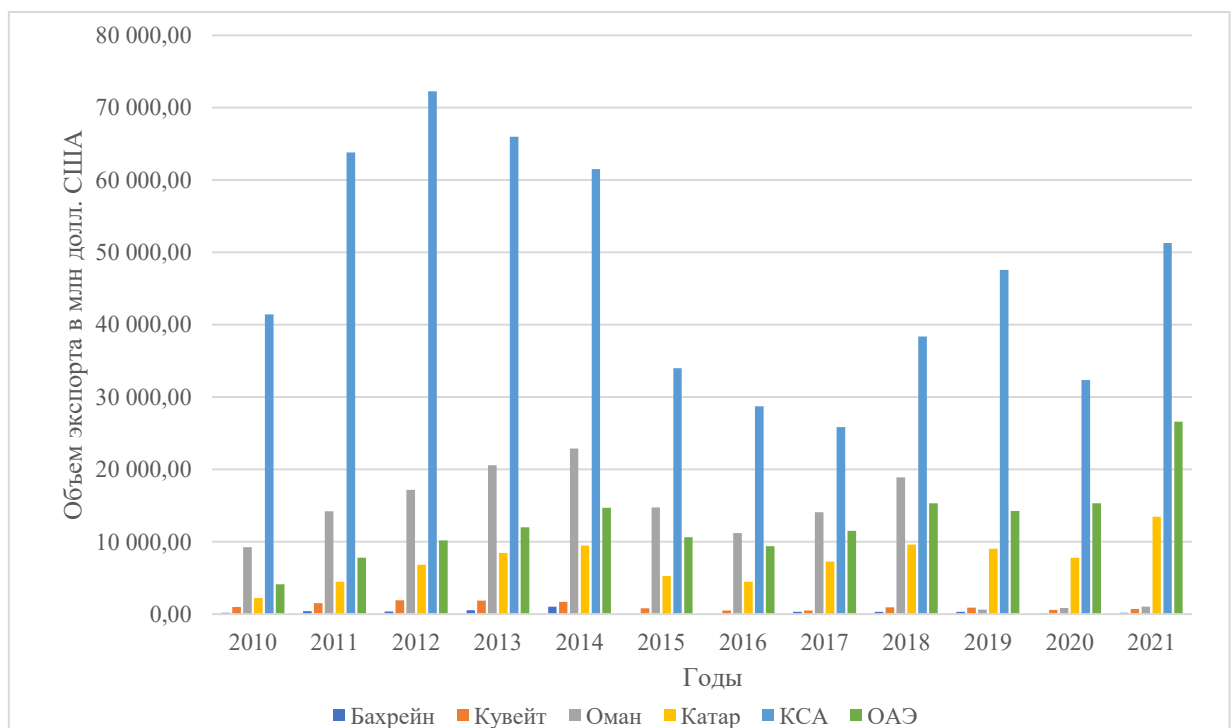

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [30].

Рисунок 3.13 – Импорт товаров из Китая в страны ССАГПЗ, млн долл. США

Для наглядности показаны положительные тренды в странах-лидерах по импорту из Китая в ССАГПЗ – ОАЭ и Саудовская Аравия. В качестве количественного ориентира на представленном выше рисунке также представлены значения коэффициента детерминации (R^2 – R-квадрат). Значения этого параметра, близкие к 0,7 указывает на сильную зависимость. Важно, однако учесть, что годовой импорт относится к классу временных рядов и для более точного описания трендов этих данных необходимы другие эконометрические инструменты. Примечательно, однако, что аналогичная тенденция к росту наблюдается и в других странах интеграционного объединения.

Экспорт стран ССАГПЗ в Китай, по всей видимости, подвержен ценовым конъюнктурным факторам на энергетических рынках, что обуславливает спады в середине прошлого десятилетия. Тем не менее, даже с учетом этой особенности можно говорить о положительной динамике после завершения периода низких цен на нефть 2014-2016 гг. Она представлена на рисунке 3.14:

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [30].
Рисунок 3.14 – Экспорт товаров из ССАГПЗ в Китай, млн долл. США

Важно отметить, что торгово-экономическое сотрудничество арабских монархий Залива с Китаем еще не достигло своего полного потенциала. Как отмечается в научной литературе, Китай, по всей видимости, заинтересован в интегрировании региона в инициативу «Один пояс, один путь», что проявляется, помимо прочего, в более интенсивном участии Китая в экономических и политических делах региона. Два самых экономически мощных государства ССАГПЗ – Саудовская Аравия и ОАЭ – останутся ключевыми направлениями китайского экономического курса на Ближнем Востоке. Причины подобного стратегического интереса кроются в усилиях Китая по обеспечению собственной экономики энергоресурсами и налаживанию стратегических партнерских отношений в дополнение к инициативе «пояса и пути», конкурируя с США в регионе [61].

Другой значимый экономический партнер стран ССАГПЗ из числа стран БРИКС – Индия, в особенности для Эмиратов. Торговое партнерство ОАЭ и Индии обладает потенциалом роста в обозримой перспективе, и в 2022 г. страны подписали экономическое соглашение, снижающее тарифы и другие барьеры. Товарооборот между Индией и ОАЭ в 2021 г. составил примерно 66,0 млрд долл. США и в период с 2010 г. по 2021 г. увеличивался среднегодовыми темпами роста на 4,98%. Важно отметить, что Индия является вторым по величине торговым партнером ОАЭ после Китая и крупнейшим направлением экспорта на общую сумму 40,6 млрд долларов США в 2021 г. Отношениям в значительной степени способствует большая диаспора Индии в ОАЭ: примерно 3,5 из 10 млн жителей ОАЭ являются гражданами Индии. Стимулирующим фактором также является и относительно близкое расположение по другую сторону Аравийского моря [214].

Торгово-экономическое сотрудничество арабских стран Залива с другими участниками объединения БРИКС номинально демонстрирует более скромные масштабы. Однако потенциал взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества, безусловно, имеется.

В этом контексте необходимо отметить принятое на Йоханнесбургском саммите БРИКС в августе 2023 г. решение по расширению состава членов «пятерки». Помимо других государств туда были официально приглашены Саудовская Аравия и ОАЭ [182]. Интерес государств к объединению вызван объективным потенциалом коллективного экономического и политического веса стран «пятерки, а также отсутствием в нем представителей «коллективного Запада». Более того, финансово-экономические институты под эгидой БРИКС не пытаются встраиваться в западоцентричную валютно-финансовую систему, а предпринимают усилия по выстраиванию собственной архитектуры.

Можно предположить, что эти положения лишь придают дополнительный импульс уже имевшимся положительным тенденциям торгов-экономического и инвестиционного взаимодействия стран ССАГПЗ с БРИКС.

Немаловажным направлением экономического развития ССАГПЗ на внешнем контуре становится и АСЕАН. Несмотря на то, что товарооборот арабских монархий со странами АСЕАН в течение последнего десятилетия вырос не так интенсивно, как с Китаем и Индией, в экспертном сообществе представлены оценки, указывающие на колоссальный потенциал развития сотрудничества.

Видения дальнейшего экономического развития АСЕАН и стран Залива во многом перекликаются, так как соответствующие правительства стран этих регионов инвестируют в цифровизацию, промышленность и логистическую инфраструктуру для увеличения собственного экспортного потенциала. Можно предположить, что отношения ССАГПЗ и АСЕАН будут процветать по мере вступления в силу Соглашения ОАЭ о всеобъемлющем экономическом партнерстве с Индонезией, продолжения переговоров о заключении аналогичного экономического соглашения с Филиппинами и восстановления дипломатических отношений Саудовской Аравии с Таиландом после продолжительного перерыва. Суверенные фонды стран

ССАГПЗ, являющиеся одними из крупнейших в мире, также активно изучают возможности наращивания инвестиций в АСЕАН, вложив в 2022 г. значительные суммы в региональные стартапы и проекты, особенно в Сингапуре и Индонезии [96].

Таким образом, современный этап развития ССАГПЗ предполагает четыре основных варианта дальнейшего развития интеграционного объединения: сохранений статус-кво, дезинтеграция, «классическая» интеграция с трансформацией в валютный союз и «горизонтальная» интеграция, предполагающая ситуативное углубление сотрудничества и координацию некоторых мер экономической политики. Последний вариант, в свою очередь, представляется наиболее перспективным, так как нивелирует проблему утраты суверенитета денежно-кредитной политики странами-участницами.

На пути углубления экономической интеграции в современных условиях присутствуют как внешние, так и внутренние вызовы, преодоление которых создает возможности для более интенсивного экономического роста региона. Среди возможных направлений – развитие энергетического сотрудничества, инфраструктуры, стабилизация региональных конфликтов и координация мер адаптации к кризисным явлениям в мировой экономике.

Аналогично перспективным становится наращивание торгово-экономического взаимодействия ССАГПЗ с другими интеграционными объединениями, среди которых колоссальным потенциалом обладают страны ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН. Особый интерес представляет именно расширение торгово-экономического взаимодействия с ЕАЭС ввиду существенной комплементарности интеграционных объединений по некоторым направлениям, среди которых АПК, финансы и инвестиции, а также энергетика.

Диверсификация торговых партнеров и расширение инвестиционного сотрудничества не только способствуют дальнейшей диверсификации экономик, но и создают условия для более устойчивого долгосрочного экономического роста.

Заключение

В рамках исследования исторически сформировавшейся специфики взаимодействия арабских государств Персидского залива был проведен глубокий анализ релевантной научной литературы и современных исследований, касающихся экономического развития стран региона. Это позволило систематизировать, агрегировать и выделить ряд факторов, сыгравших решающую роль в интеграционных процессах в регионе Персидского залива. Несмотря на то, что арабские страны Залива коллективно состоят в различных интеграционных объединениях, наиболее глубокое экономическое сближение наблюдается в рамках ССАГПЗ.

Применительно к ССАГПЗ эти исторически сложившиеся факторы условно разделены по направленности действия (способствующие или противодействующие экономической интеграции) и объединены в широкие категории (экономические, финансовые, политические и социально-культурные).

Показано, что совокупность этих факторов определила развитие экономик арабских стран Залива и оказала существенное влияние на процесс становления данного объединения. Однако по мере изменения динамики экономического развития, появления новых элементов конъюнктуры экономики на глобальном и региональном уровнях, происходило изменение и эволюция интеграционных процессов в ССАГПЗ. Таким образом решена задача исследования специфики взаимодействия арабских государств Персидского залива в контексте процессов международной экономической интеграции.

В ходе раскрытия задачи оценки динамики развития экономического взаимодействия арабских стран Персидского залива на современном этапе была показана существенная роль естественной эволюции экономических систем арабских монархий Залива. Выявлено, что результатом подобного экономического пути стала высокая степень схожести экономик ССАГПЗ. В

контексте интеграционных процессов это объясняет низкую комплементарность экономических систем этих стран, что, в свою очередь, отражается в весьма скромном приросте внутриблоковой торговли по мере перехода к более глубоким стадиям экономической интеграции.

На современном этапе ССАГПЗ формально находится на стадии единого рынка для стран-участниц объединения. Интенсивность, с которой происходила интеграция на первичных этапах развития, существенно снизилась, и в целом наблюдается выход на своеобразное «плато».

В этом контексте посредством решения задачи выявления основных препятствий на пути перехода ССАГПЗ к более высокому уровню экономической интеграции в рамках представлений о «классической» модели экономической интеграции были выявлены экономические, институциональные и политические факторы, препятствующие углублению экономической интеграции в ССАГПЗ на современном этапе.

В ходе исследования также показано, что углубление экономической взаимосвязанности упирается в степень гармонизации внутренней политики стран-участниц процесса в различных сферах, включая, в частности, энергетику, фискальную политику и недостаточно используемый инновационный потенциал вкупе со слабой защитой прав интеллектуальной собственности.

При решении задачи выявления возможных перспектив экономической интеграции ССАГПЗ впервые в научной литературе проведен анализ четырех возможных сценариев дальнейшего развития интеграционного объединения в Персидском Заливе: сохранение текущего состояния экономической интеграции (статус-кво); дезинтеграция объединения по политическим или экономическим причинам; развитие в русле логики «классической» экономической интеграции с переходом к валютному союзу в рамках ССАГПЗ; и, наконец, «горизонтальная» модель экономической интеграции.

В развитие данной логики показано, что «классическая» модель экономической интеграции, основанная преимущественно на европейском

опыте, не в полной мере соответствует специфике экономических систем региона. Более того, фундаментальные экономические условия и политическая атмосфера также существенно разнятся при сравнении опыта ССАГПЗ и ЕС. Формирование валютного союза зависит от гармонизации макроэкономических трендов и валютно-финансовых процессов.

С применением аналитических инструментов и эконометрического аппарата показано, что в рамках стран ССАГПЗ эти сферы недостаточно синхронизированы между собой, что существенно затрудняет следующий этап классической экономической интеграции – формирование валютного союза. Более того, политические разногласия и отсутствие политической воли для формирования единой валюты и сопутствующей инфраструктуры делают сценарий появления валютного союза еще более маловероятным и преждевременным в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

Показаны преимущества предложенной «горизонтальной» модели экономической интеграции в рамках ССАГПЗ. Подобная модель интеграционных процессов не подразумевает переход к валютному союзу, а предлагает углубление уже существующих элементов экономической интеграции, оптимизацию имеющихся институтов и интенсификацию многосторонних экономических связей в рамках объединения.

Решение задачи предложения и обоснования возможных направлений повышения эффективности интеграционных процессов арабских стран ССАГПЗ осуществляется именно через призму предложенной «горизонтальной» модели. В рамках «горизонтальной» модели углубления экономической интеграции выявлены конкретные вызовы и соответствующие им возможности интенсификации процесса, определяющие возможные направления повышения эффективности интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ. Для удобства анализа факторы разделены на внутренние (присущие самим экономическим системам) и внешние (экзогенные по своей природе).

В качестве внутреннего вызова определена низкая степень диверсификации экономик стран ССАГПЗ, что могло бы быть

компенсировано возможностью наращивания инновационного компонента в экономике. Второй внутренний вызов – необходимость поиска альтернативных источников устойчивого экономического развития. Этот вызов мог бы быть «сбалансирован» развитием единой транспортной инфраструктуры на пространстве ССАГПЗ.

Обосновано углубление координации в сфере энергетики как потенциальный стимул активизации интеграционных процессов и получения больших выгод. Продемонстрирована общность преследуемых целей в экономической безопасности, диверсификации, климатической политике и потенциал объединённой электроэнергетической сети. Сделан вывод о том, что дальнейшее углубление взаимосвязанности в этой сфере даст синергетический эффект выгод всем странам-участницам интеграционного объединения и углубит экономическое взаимопроникновение.

Одним из ключевых внешних вызовов для данного регионального интеграционного объединения за последний период стала пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Последствия последовавшего глобального кризиса – возможность развить систему здравоохранения и нарастить координацию мер реагирования на подобные вызовы. Более того, опыт пандемии можно использовать для повышения адаптивности и гибкости экономик. Второй выявленной группой вызовов являются региональные политические вызовы. Их преодоление посредством последовательного развития экономического взаимодействия с региональными игроками, в том числе с Ираном и Израилем, вероятно, внесет вклад в урегулирование политических разногласий и поспособствуют унификации экономической политики в рамках ССАГПЗ. А это, в свою очередь, поспособствует углублению экономической интеграции в рамках объединения.

В совокупности, вытекающие из выявленных вызовов возможности представляют собой конкретные направления повышения эффективности экономической интеграции в рамках ССАГПЗ на текущем этапе. С учетом наблюдаемого замедления интеграционных процессов в объединении, а также

маловероятных перспектив реализации проекта единой валюты, эти возможности могли бы дополнительно стимулировать экономическую интеграцию в Заливе, обеспечивая при этом экономические выгоды для стран-участниц.

В качестве одного из перспективных направлений развития ССАГПЗ обосновано развитие торгово-экономического сотрудничества с различными интеграционными объединениями, так как это могло бы компенсировать высокую степень схожести экономических структур арабских монархий и способствовать повышению экономической безопасности ориентированных на углеводороды экономик стран Персидского залива. В этом контексте отдельно обозначен экономический потенциал от наращивания торгово-экономического взаимодействия с некоторыми крупными интеграционными объединениями.

В этом русле подробно обосновано научно новое положение о потенциале расширения торгово-экономического взаимодействия ССАГПЗ с ЕАЭС, прежде всего в сферах АПК, инвестиционного сотрудничества и энергетике. С учетом проведенного SWOT-анализа в пользу активизации именно этих направлений продемонстрированы уже имеющая место положительная динамика взаимодействия, растущий интерес с обеих сторон, а также возможные положительные экономические эффекты. «Возможности» и положительный эффект от углубления взаимодействия по этим трекам превышают потенциальные риски.

В связи с этим высказано предположение, что создание ЗСТ с ЕАЭС будет обладать положительным экономическим эффектом для обоих интеграционных объединений благодаря существенной комплементарности структуры экономики стран-участниц. При этом поступательное развитие экономической интеграции в рамках ССАГПЗ может оказать положительный эффект и «сгладить» имеющиеся на текущем этапе дисбалансы во внешнеторговых связях России и арабских монархий Залива.

Показано также, что уже на текущем этапе значительным потенциалом обладает также экономическое сотрудничество со странами БРИКС, так как две крупнейшие экономики БРИКС – Китай и Индия – занимают лидирующие позиции среди торговых партнеров арабских стран Залива и в целом демонстрируют тенденцию на стабильный рост торговли. Вступление двух членов ССАГПЗ – Саудовской Аравии и ОАЭ – вероятно, лишь продолжит позитивные тенденции.

Наконец, позитивные перспективы отмечены и в торгово-инвестиционном взаимодействии ССАГПЗ и стран АСЕАН, во многом благодаря тому, что видения дальнейшего экономического развития у этих интеграционных объединений во многом перекликаются. Правительства стран этих регионов инвестируют в цифровизацию, промышленность и логистическую инфраструктуру для увеличения собственного экспортного потенциала, что вкупе с появившемся экономико-дипломатическим импульсом обуславливает положительные перспективы сотрудничества между ССАГПЗ и АСЕАН.

Таким образом, на текущем этапе ССАГПЗ представляет собой один из региональных интеграционных центров, экономический и политический «полюс» в международных экономических отношениях.

Изложенные в данной работе положения, направления реформ, коррективы в экономическом целеполагании и имплементация ряда мер политики могут поспособствовать еще более интенсивному и устойчивому развитию объединения. Более того, они активизируют уже существующие интеграционные институты и принести еще больше экономических выгод от действующего на пространстве ССАГПЗ интеграционного проекта.

Список сокращений и условных обозначений

В настоящей диссертации применяются следующие сокращения и обозначения:

АВФ – Арабский валютный фонд;

АПК – Аграрно-промышленный комплекс;

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;

АЭС – Атомная электростанция;

БВСА – Ближний Восток и Северная Африка;

ВИЭ – Возобновляемые источники энергии;

ВС ССАГПЗ – Верховный совет Совета Сотрудничества Арабских государств Персидского залива;

ВТО – Всемирная торговая организация;

ГС ССГАПЗ – Генеральный секретариат Совета Сотрудничества Арабских государств Персидского залива;

ЕАЭС – Евразийский экономический союз;

ЕВТ – Единый внешний тариф;

ЕС – Европейский союз;

ЗСТ – Зона свободной торговли;

ЛАГ – Лига арабских государств;

МВФ – Международный валютный фонд;

МЭА – Международное энергетическое агентство;

НДС – Налог на добавленную стоимость;

НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;

ОВЗ – Оптимальные валютные зоны;

ОИС – Организация исламского сотрудничества;

ОПЕК+ – Расширенный формат Организации стран-экспортеров нефти;

ПАФТА – Панарабская зона свободной торговли;

ПИИ – Прямые иностранные инвестиции;

РФПИ – Российский фонд прямых инвестиций;

САЭЕ – Совет арабского экономического единства под эгидой Лиги арабских государств;

СИДН – Соглашение об избежании двойного налогообложения;

СПГ – Сжиженный природный газ;

ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива;

СТП-ОИС – Система торговых преференций Организации исламского сотрудничества;

ТС – Таможенный союз;

ТЭО – Техничко-экономическое обоснование;

ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию;

СОМСЕС – Постоянный комитет экономического и торгового сотрудничества Организации исламского сотрудничества;

ОЕС – Observatory of Economic Complexity;

VAR – Векторная авторегрессия;

4IR – Четвертая промышленная революция.

Список литературы

Книги, монографии, доклады

1. Мировая торговая система в условиях глобализации / В.К. Поспелов, А.Г. Глебова, М.Б. Медведева [и др.] ; под научной редакцией В. К. Поспелова. – Москва : Издательство «Перо», 2020. – 406 с. – ISBN 978-5-00171-174-2.
2. Хейфец, Б.А. Новая модель международной экономической интеграции : научный доклад / Б. А. Хейфец. – Москва : Институт экономики РАН, 2023. – 48 с. – ISBN 978-5-9940-0722-8.
3. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2021. – 208 с. – ISBN 978-5-699-90556-0.

Диссертации

4. Воронина, Т.В. Международная экономическая интеграция: императивы, противоречия, тенденции развития : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Воронина Татьяна Васильевна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2013. – 429 с. – Библиогр.: с. 117-121.
5. Ломакин, Н.Н. Особенности региональных торговых соглашений с участием Арабских стран : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ломакин Николай Николаевич ; МГИМО. – Москва, 2019. – 228 с. – Библиогр.: с. 21-24.
6. Шкваря, Л.В. Проблемы субрегиональной межарабской экономической интеграции в условиях глобализации : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора

экономических наук / Шкваря Людмила Васильевна ; РУДН. – Москва, 2007. – 362 с. – Библиогр.: с. 231-235.

Электронные ресурсы

7. Армения и ОАЭ намерены продолжить углубление сотрудничества в сфере солнечной энергии // ArmInfo : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: https://finport.am/full_news.php?id=49710 (дата обращения: 08.03.2024).

8. Астана и Эр-Рияд подписали соглашение о строительстве ВЭС на 1 ГВт в Казахстане // Переток : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://peretok.ru/news/trading/27422/> (дата обращения: 08.03.2024).

9. Атомное королевство // Известия : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://iz.ru/1587103/artem-adrianov/atomnoe-korolevstvo> (дата обращения: 07.03.2024).

10. Беларусь начинает поставки сухой молочной продукции в Саудовскую Аравию и Ирак // The Dairy News : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://dairynews.today/news/belarus-nachinaet-postavki-sukhoj-molochnoy-produk.html> (дата обращения: 03.03.2024).

11. Глава «Росатома» оценил в половину долю атомного топлива РФ в импорте ОАЭ // Известия : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://iz.ru/1616252/2023-12-06/glava-rosatoma-otcenil-v-polovinu-doliu-atomno-go-topliva-rf-v-importe-oe> (дата обращения: 07.03.2024).

12. Доклад Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза» // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dobd/Доклад_40723.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

13. Евразийская экономическая комиссия. О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС 2020 // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. –

URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_E_202012_180.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

14. Евразийский экономический союз. Цифры и факты 2020 // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://bit.ly/3RELNYe> (дата обращения: 03.03.2023).

15. Казахстан будет строить в ОАЭ танкеры для своей каспийской нефти // Нефть. Капитал : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-08-25/kazakhstan-budet-stroit-v-oae-tankery-dlya-svoey-kaspiyskoj-nefti-3022547> (дата обращения: 07.03.2024).

16. Компании из ОАЭ построят на Иссык-Куле солнечную электростанцию // Vest.KG : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://vesti.kg/zxc/item/117866-kompanii-iz-oae-postroyat-na-issyk-kule-solnechnuyu-elektrostantsiyu.html> (дата обращения: 08.03.2024).

17. Перспективы развития энергетического сотрудничества России и ОАЭ // Российский совет по международным делам : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Russia-UAE-PolicyBrief48.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

18. Расширен перечень казахстанских экспортеров агропродукции в Саудовскую Аравию // Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/513320?lang=ru#:~:text=Товарооборот между Казахстаном и Саудо%> (дата обращения: 03.03.2024).

19. Решетников: страны Персидского залива входят в число важнейших инвестиционных партнеров РФ // ТАСС : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17704817> (дата обращения: 25.08.2023).

20. Россия в лидерах: что мы знаем об исламском банкинге? // Eurasia Daily : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/>

2023/10/05/rossiya-v-liderah-cto-my-znaem-ob-islamskom-bankinge (дата обращения: 13.11.2023).

21. Россия предложила Катару и Саудовской Аравии повысить налоги в новом СИДН // Frank Media : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://frankmedia.ru/152654> (дата обращения: 05.03.2024).

22. РФПИ привлечет из Саудовской Аравии еще 1 трлн рублей инвестиций // Ведомости : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2023/12/06/1009610-rfpi-privlechet-saudovskoi-1-trln-investitsii> (дата обращения: 05.03.2024).

23. Саудовская Аравия и ОАЭ наращивают закупки нефтепродуктов в России с реэкспортом // Интерфакс : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/business/897712> (дата обращения: 06.03.2024).

24. Экспорт зерна из РФ в 2024 году может составить 70 млн тонн // Интерфакс : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/business/947055> (дата обращения: 02.03.2024).

25. Экспорт и импорт мяса в России // TAdviser : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_и_импорт_мяса_в_России (дата обращения: 03.03.2024).

26. Экспорт продукции АПК из России в ОАЭ в 2023 году вырос в 2,8 раза // ТАСС : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/20023329> (дата обращения: 02.03.2024).

27. Balance of payments and international investment position // IMF Data : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=7a51304b-6426-40c0-83dd-ca473ca1fd52&sid=1390030341854> (дата обращения: 01.05.2024).

28. Consumer Price Index // IMF Data : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=4ffb52b2-3653-409a-b471-d47b46d904b5> (дата обращения: 01.05.2024).

29. Country complexity ranking // Atlas of Economic Complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 01.05.2024).
30. Direction of trade statistics // IMF Data : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=9d6028d4-f14a-464c-a2f2-59b2cd424b85&sid=1390030341854> (дата обращения: 01.05.2024).
31. External trade data // UNESCWA : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://etdp.unescwa.org/> (дата обращения: 01.05.2024).
32. International Financial Statistics - GDP // IMF Data : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&sid=1390030341854> (дата обращения: 01.05.2024).
33. International Financial Statistics - Kuwait // IMF Data : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&sid=1390030341854> (дата обращения: 01.05.2024).
34. KOF Globalisation Index // KOF Swiss Economic Institute : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html#par_textimage_1585395273 (дата обращения: 19.12.2023).
35. Military expenditure (% of GDP) // World Bank Data : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS> (дата обращения: 01.05.2024).
36. Monetary and financial statistics // IMF Data : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://data.imf.org/?sk=b83f71e8-61e3-4cf1-8cf3-6d7fe04d0930&sid=1390030341854> (дата обращения: 01.05.2024).
37. Non-oil Revenue for General Government // Federal Reserve Bank of St. Louis : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/SAUGGRXOGDPXOPT> (дата обращения: 11.02.2024).

38. Oil rents (% of GDP) // World Bank Data : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PETR.RT.ZS> (дата обращения: 01.05.2024).

39. Regional Trade Agreements Database // World Trade Organization : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx> (дата обращения: 01.07.2023).

40. Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Data : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 01.05.2024).

41. Saudi Arabia // Observatory of economic complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://оес.world/en/profile/country/sau> (дата обращения: 01.05.2024).

42. Secretariat General of the Gulf Cooperation Council // Gulf Cooperation Council Organization : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.07.2023).

43. Statistical Summary of the National Accounts // GCC STAT : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/national_acount2021_1.pdf (дата обращения: 09.01.2023).

44. Total trade and share, annual // UNCTADStat : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 01.05.2024).

45. World Development Indicators // World Bank Databank : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 01.05.2024).

Статьи

46. Аганин, А.Р. Концепция трайбализма А. Ибн Хальдуна и современный Ближний Восток / А.Р. Аганин // Вестник Дипломатической

академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 4. – С. 125-150. – ISSN 2410-2415.

47. Прокопьев, П.С. О перспективах развития ССАГПЗ: что дальше? / Д.А. Динец, П.С. Прокопьев // Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики». – 2022. – № 4 (20). – С. 95-106. – ISSN 2687-0703.

48. Касаев, Э.О. Единая валюта ССАГПЗ: быть или не быть? / Э.О. Касаев // Обозреватель-Observer. – 2011. – № 9. – С. 102-16. – ISSN 2074-2975.

49. Кожанов, Н.А. Иран и страны ССАГПЗ: между противостоянием и диалогом / Н.А. Кожанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 7. – С. 80-88. – ISSN 0131-2227.

50. Ломакин, Н.Н. Панарабская зона свободной торговли: цели, направления и результаты формирования / Н.Н. Ломакин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 7. – С. 115-119. – ISSN 2072-8042.

51. Мичурина, О.Ю. Место и роль интеграционных процессов в мировой экономике / О.Ю. Мичурина // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 7-17. – ISSN 2073-5537.

52. Навой, А.В. Современная региональная экономическая интеграция: основные тренды и противоречия / А.В. Навой // Деньги и кредит. – 2017. – № 4. – С. 24-32. – ISSN 0130-3090.

53. Нагимова, А.З. Арабские инвестиции в российскую инфраструктуру / А.З. Нагимова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 3. – С. 80-87. – ISSN 0131-2227.

54. Ожигина, В.В. Тенденции развития международной экономической интеграции в условиях глобализации / В.В. Ожигина // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – 2015. – № 8. – С. 252-257. – ISSN 2522-1515.

55. Паньков, В.С. Глобализация и международная региональная интеграция: две стороны одной медали? / В.С. Паньков // Известия УРГЭУ. – 2009. – № 2 (24). – С. 97-108. – ISSN 2658-5081.

56. Платонова, И.Н. Восточный вектор валютной политики России в условиях трансформации мировой экономики / И.Н. Платонова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – № 1. Том 8. – С. 38-43. – ISSN 2227-3891.

57. Прокопьев, П.С. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и Евразийский экономический союз: возможности и перспективы торгового сотрудничества / П.С. Прокопьев // Вестник университета. – 2022. – № 6. – С. 156-161. – ISSN 1816-4277.

58. Прокопьев, П.С. О перспективах энергетической политики арабских государств Персидского залива / П.С. Прокопьев // Вестник университета. – 2023. – № 3. – С. 127-134. – ISSN 1816-4277.

59. Прокопьев, П.С. Инновации как фактор дальнейшего развития Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива / П.С. Прокопьев // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – № 2. Том 13. – С. 1071-1086. – ISSN 2222-0372. – Текст : электронный. – DOI 10.18334/vines.13.2.117576. – URL: <https://1economic.ru/lib/117576> (дата обращения: 04.07.2024).

60. Русакович, В.И. Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции / В.И. Русакович // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017. – № 3. – С. 393-404. – ISSN 2313-2329.

61. Савичева, Е.М. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству / Е.М. Савичева, А.М. Бребдани, И.В. Рыжов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – № 1. – С. 180-196. – ISSN 2313-0660.

62. Тавгень, Е. Выход Республики Беларусь на рынок стран Персидского залива / Е. Тавгень // Наука и инновации: научно-практический журнал. – 2018. – № 6. – С. 50-54. – ISSN 1818-9857. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyehod-respubliki-belarus-na-rynok-stran-persidskogo-zaliva> (дата обращения: 01.03.2022).

63. Толмачев, П.И. Внешнеэкономические факторы интеграционных процессов в условиях современных трендов мировой экономики / П.И. Толмачев // Вопросы новой экономики. – 2023. – № 3. – С. 27-40. – ISSN 1994-0556.

64. Федорченко, А.В. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? / А.В. Федорченко // Вестник МГИМО. – 2010. – № 5. – С. 266-274. – ISSN 2071-8160.

65. Шеров-Игнатьев, В.Г. Современные тенденции региональной интеграции / В.Г. Шеров-Игнатьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. – 2008. – № 2. – С. 53-62. – ISSN 1026-356X.

66. Шкваря, Л.В. Внешняя торговля России со странами ССАГПЗ: динамика, характеристики и возможности / Л.В. Шкваря // Вестник МГИМО. – 2023. – № 3. – С. 222-243. – ISSN 2071-8160.

67. Шкваря, Л.В. Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ / Л.В. Шкваря // Вестник МГИМО. – 2020. – № 2. – С. 163-182. – ISSN 2071-8160.

Источники на иностранном языке

68. A power grid for the Middle East: what is the GCCIA and can it benefit Iraq? // The National News MENA : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/iraq/2022/07/16/a-power-grid-for-the-middle-east-what-is-the-gccia-and-can-it-benefit-iraq/> (дата обращения: 03.03.2023).

69. A Study of Regionalism and Convergence Challenges in the Gulf Cooperation Council // ResearchGate : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340492201_A_Study_of_Regionalism_and_Convergence_Challenges_in_the_Gulf_Cooperation_Council (дата обращения: 10.12.2023).

70. Abdelbaky, M.S. GCC monetary union: Panel cointegration analysis of purchasing power parity / M.S. Abdelbaky, S. Ellaboudy // *European Journal of Economics, Finance and Administrative Sciences*. – 2012. – № 1. – P. 78-82. – ISSN 1450-2275.

71. Abdelkhalek, A.A.E. The Role of Gulf Cooperation Council in Conflict Management, 1981–2019: A Comparative Study / A.A.E. Abdelkhalek // *Contemporary Review of the Middle East*. – 2022. – № 1. – P. 99-115. – ISSN 2347-7989.

72. Advancing academic research in the GCC // PWC Publications : [сайт]. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.pwc.com/m1/en/publications/advancing-academic-research-in-gcc/advancing-academic-research-in-gcc.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

73. Ahmad, W. Common Currency Area in GCC Region: An Application of Euro Model / W. Ahmad // *American Journal of Industrial and Business Management*. – 2021. – № 8. – P. 905-923. – ISSN 2164-5167.

74. Al-Hajhoj, H. Determinants of the Real Exchange Rate as a Prerequisite for the GCC Monetary Union / H. Al-Hajhoj, A. Charbaji, M. Safarzadeh // *Journal of Applied Sciences*. – 2014. – № 24. – P. 3410-3423. – ISSN 1812-5654.

75. Al-Najar, M.H. The Geography of Oil in the Persian Gulf / M.H. Al-Najar // *University of London Publications*. – 1971. – P. 315. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://eprints.soas.ac.uk/29515/1/10731671.pdf> (дата обращения: 22.07.2022).

76. Al-Ubaydli, O. Bahrain Human Development Report. Pathways to Sustainable Economic Growth in Bahrain / O. Al-Ubaydli // *Derasat*. – 2019. – P. 25. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://derasat.org.bh/wp-content/uploads/2019/02/GCC-Economic-Integration.pdf> (дата обращения: 02.06.2022).

77. Al-Ubaydli, O. GCC Single Market Failure: Problems And Solutions / O. Al-Ubaydli // *MEES*. – 2014. – P. 5. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.mees.com/2014/2/14/op-ed->

documents/gcc-single-market-failure-problems-and-solutions/c3d31d80-6574-11e7-81ba-dbfa82334759 (дата обращения: 08.01.2024).

78. Al-Ubaydli, O. VAT Hike in Bahrain Points to Fiscal Challenges, Unattractive Choices Government Faced / O. Al-Ubaydli // Arab Gulf States Institute in Washington. – 2021. – P. 25. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2021/12/Ubaydli_Bahrain_Online-1.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

79. Alasfoor, R. The Gulf Cooperation Council Its Nature and Achievements / R. Alasfoor // Lund University publications. – 2007. – P. 317. – ISSN 0460–0037. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://lup.lub.lu.se/search/files/5612542/598956.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

80. Albinali, R. The Gulf Cooperation Council: A Look Back at a Forty-Year Union / R. Albinali. // The Euro-Gulf Information Center. – 2021. – P. 2. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.egic.info/the-gulf-cooperation-council-40> (дата обращения: 28.09.2021)

81. Almost 5 years down the line for VAT in the GCC – what's next? // Pulse : [сайт]. – Текст : электронный. – 2022. – URL: https://www.linkedin.com/pulse/almost-5-years-down-line-vat-gcc-whats-next-thomas-vanhee-%D8%AA%D9%88%D9%85%D8%A7%D8%B3-%D9%81%D8%A7%D9%86%D9%87%D9%8A?trk=public_post (дата обращения: 09.01.2023).

82. AMF: About Us // AMF : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.amf.org.ae/en/about-us> (дата обращения: 14.05.2022).

83. Annual Report on Trade Among the OIC Members: Executive Summary // COMCEC : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.comcec.org/wp-content/uploads/2021/11/1-EN-ICDT-Summary-report-on-trade.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

84. Arab Monetary Fund calls for more tax income in Arab nations // Gulf News : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://gulfnews.com/>

business/arab-monetary-fund-calls-for-more-tax-income-in-arab-nations-1.63036983 (дата обращения: 22.05.2022).

85. Arab Monetary Fund to create clearing and settlement entity // The National News : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.thenationalnews.com/business/arab-monetary-fund-to-create-clearing-and-settlement-entity-1.723795> (дата обращения: 09.02.2021).

86. ASG Analysis: Three-Year Blockade of Qatar Comes to an End // Albright Stonebridge Group : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: [https://www.albrightstonebridge.com/files/ASG Analysis - Three-Year Blockade of Qatar Comes to an End.pdf](https://www.albrightstonebridge.com/files/ASG%20Analysis%20-%20Three-Year%20Blockade%20of%20Qatar%20Comes%20to%20an%20End.pdf) (дата обращения: 09.01.2023)

87. Baabood, A. Gulf Countries and Arab Transitions: Role Support and Effects / A. Baabood // European Institute of the Mediterranean Publications. – 2014. – P. 42-47. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.iemed.org/publication/gulf-countries-and-arab-transitions-role-support-and-effects/> (дата обращения: 08.01.2024).

88. Baabood, A. Dynamics and Determinants of the GCC States' Foreign Policy, with Special Reference to the EU / A. Baabood // The Review of International Affairs. – 2003. – № 2. – P. 254-282. – ISSN 0486-6096.

89. Baabood, A. The Future of the Gulf Cooperation Council Amid Saudi-Emirati Rivalry / A. Baabood // Carnegie Middle East Center. – 2023. – P. 5. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://carnegie-mec.org/2023/10/30/future-of-gulf-cooperation-council-amid-saudi-emirati-rivalry-pub-90867> (дата обращения: 18.11.2023).

90. Bahrain // Observatory of economic complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://oec.world/en/profile/country/bhr> (дата обращения: 01.05.2024).

91. Bahrain: Market Profile // HKTDC Research : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://research.hktdc.com/en/article/MzU3ODA3Njg1> (дата обращения: 09.01.2023).

92. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa // The Economic Journal. – 1962. – № 286. – P. 389-391. – ISSN 0013-0133.

93. Barnett, M. Designed to Fail or Failure of Design? The Sources and Institutional Effects of the Arab League / M. Barnett // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / A.I. Acharya, E. Solingen. – New York : Cambridge University Press, 2007. – P. 180-200. – ISBN 978-05-1149-143-6.

94. Bayram, I.S. An Overview of Smart Grids in the GCC Region / I.S. Bayram, H. Mohsenian-Rad // ResearchGate. – 2016. – P. 301-313. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.1007/978-3-319-33681-7_25. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304620643_An_Overview_of_Smart_Grids_in_the_GCC_Region (дата обращения: 04.05.2023).

95. Boufarss, M. Charting the Open Access scholarly journals landscape in the UAE / M. Boufarss // Scientometrics. – 2020. – № 122. – P. 1707–1725. – ISSN 0138-9130.

96. BRICS expanding to Saudi Arabia, Indonesia and beyond holds promise, but challenges remain // South China Morning Post : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3209345/brics-expanding-saudi-arabia-indonesia-and-beyond-holds-promise-challenges-remain> (дата обращения: 25.08.2023).

97. Buna: About Us – Strategic Objectives // Buna : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://buna.co/strategic-objectives> (дата обращения: 14.05.2022).

98. Candidate Countries and Potential Candidates // European Commission : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://ec.europa.eu/environment/enlarg/candidates.htm> (дата обращения: 22.07.2022).

99. Cham, T. Is the GCC an optimum currency area (OCA)? Empirical answers from co-movements / T. Cham // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. – 2020. – № 5. – P. 873-890. – ISSN 1753-8394.

100. China-GCC Relations: Gulf Cooperation Council looking to drive economic transformation for post-oil era // CGTN : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-12-10/VHJhbnNjcmlwdDY5ODQz/index.html> (дата обращения: 03.03.2023).

101. COMCEC Annual Progress Report 2021 // COMCEC : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.comcec.org/wp-content/uploads/2021/11/ProgressEn.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

102. Cooper, C.A. Towards a General Theory of Customs Unions for Developing Countries / C.A. Cooper, B.F. Massell // Journal of Political Economy. – 1965. – № 73. — P. 461-476. – ISSN 0022-3808.

103. Coronavirus: Gulf countries pledge over \$120 bln stimulus to combat fallout // Al Arabiya News : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://english.alarabiya.net/features/2020/03/25/Coronavirus-Gulf-countries-pledge-over-120-bln-stimulus-to-combat-fallout-> (дата обращения: 03.03.2023).

104. Diamonds and Precious Stones: DMCC Report // Dubai Multi Commodities Centre : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: https://2509857.fs1.hubspotusercontent-na1.net/hubfs/2509857/C5-Migrated-Files/All-Files/Business_Fact_Sheet_Diamonds_1.pdf#:~:text=In 2021, the UAE became,billion of rough stones traded.&text=The UAE recorded a 17,diamond trade increased by 42% (дата обращения: 16.01.2024).

105. East Timor ASEAN bid. // The Sydney Morning herald : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.smh.com.au/world/east-timor-asean-bid-20060723-gdo0q3.html> (дата обращения: 22.07.2022).

106. Ehteshami, A. Reforms from Above: The Politics of Participation in the Oil Monarchies / A. Ehteshami // International Affairs. – 2003. – № 1. – P. 53-75. – ISSN 0020-5850.

107. Eichengreen, B. One Money for Europe? Lessons from The U.S. Currency Union / B. Eichengreen // Economic Policy. – 1990. – № 10. – P. 117-187. – ISSN 1595-465X.

108. El-Sahli, Z. The Partial and General Equilibrium Effects of the Greater Arab Free Trade Agreement / Z. El-Sahli // The International Trade Journal. – 2021. – № 2. – P. 1-15. – ISSN 0885-3908.

109. Enhancing Connectivity through Transport Infrastructure // OECD Library : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd.org/publications/enhancing-connectivity-through-transport-infrastructure-9789264304505-en.htm> (дата обращения: 03.03.2023).

110. Ethier, W. The New Regionalism / W. Ethier // The Economic Journal. – 1998. – № 108. – P. 1149-1161. – ISSN 0013-0133.

111. Fabbri, S. Europe's Future Decoupling and Reforming / S. Fabbri. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 170 – ISBN 978-1-1084-8451-0.

112. Farrell, M. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice / M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. – London : Pluto Press, 2005. – P. 336. – ISBN 978-07-4532-262-9.

113. Food shortages are a bigger threat than food inflation for import-dependent GCC countries – report // Food Navigator Asia : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.foodnavigator-asia.com/Article/2023/08/22/Food-shortages-are-a-bigger-threat-than-food-inflation-for-import-dependent-GCC-countries> (дата обращения: 03.03.2024).

114. GCC & Egypt Fixed Income Chart Book. Market Insights & Strategy // FAB [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bankfab.com/v1/-/media/fabgroup/home/cib/market-insights/gcc-fixed-income-market-updated/gcc-fixed-income-pdf/20230419gccficb.pdf?view=1> (дата обращения: 01.07.2024).

115. GCC Development Achievements // GCC STAT : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: [https://gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Development indicators2022.pdf](https://gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Development%20indicators2022.pdf) (дата обращения: 09.01.2023).

116. GCC Economic Nationality // GCC Secretariat : [сайт]. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/Cooperation>

AndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/TheGCCCommonMarket andEconomicnationality/Pages/GCC Economicnationality.aspx (дата обращения: 14.05.2022).

117. GCC Food Industry // Alpen Capital : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: https://alpencapital.com/research/2023/GCC-Food-Report-2023_Final.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

118. GCC Interconnection Authority Annual Report 2022 // GCC Interconnection Authority : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://www.gccia.com.sa/Data/Downloads/Reports/FILE_28.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

119. GCC Membership Expansion: Possibilities and Obstacles // Al Jazeera Centre for Studies : [сайт]. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2015/03/201533171547520486.html> (дата обращения: 22.07.2022).

120. GCC states make solid steps toward fourth industrial revolution: Al-Hajraf // Saudi Gazette : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://saudigazette.com.sa/article/614034> (дата обращения: 14.05.2022).

121. GCC's Economic Cooperation and Integration: Achievements and Hurdles // Al Jazeera Center for Arab Studies : [сайт]. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2015/03/20153316186783839.html> (дата обращения: 14.05.2022).

122. Global Hydrogen Review 2023 // International Energy Agency : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2023> (дата обращения: 27.02.2024).

123. Gulf Cooperation Council (GCC) Economic Agreement (2001) // EDIT : [сайт]. – 2001. – Текст : электронный. – URL: <https://edit.wti.org/document/show/d444ad42-56fc-4a5f-b886-34023158dad1> (дата обращения: 14.05.2022).

124. Gulf region // European Commission Trade Policy : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relation>

ships-country-and-region/countries-and-regions/gulf-region_en (дата обращения: 03.03.2023).

125. Hakimian, H. GCC Economic Integration: Fiction or Reality / H. Hakimian // Khamsoon Policy Papers. – 2015. – P. 8. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: [https://eprints.soas.ac.uk/19890/2/GCC%20ECONOMIC%20INTEGRATION%20\(Khamsoon%20Site%20March%202015\).pdf](https://eprints.soas.ac.uk/19890/2/GCC%20ECONOMIC%20INTEGRATION%20(Khamsoon%20Site%20March%202015).pdf) (дата обращения: 12.01.2023).

126. Hanieh, A. Capitalism and Class in the Gulf Arab States / A. Hanieh. – New York : Palgrave Macmillan, 2011. – P. 258. – ISBN 978-0-230-11077-9.

127. IMF cuts Gulf states' GDP growth forecast to 1,8% // The Energy Bulletin : [сайт]. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://daily.energybulletin.org/2016/04/imf-cuts-gulf-states-gdp-growth-forecast-to-1-8/> (дата обращения: 13.04.2023).

128. Impact of the Customs Union on the Intra-GCC Trade // GCC Secretariat General : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/TheCustomsUnion/Pages/ImpactoftheCustomsUniononIntra.aspx> (дата обращения: 09.01.2023).

129. Implementing Regulations Confirm the GCC Patent's Office New Working Model // Gowling WLG Consulting : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://gowlingwlg.com/en/insights-resources/articles/2022/gcc-patent-office-new-working-model-confirmed/> (дата обращения: 15.01.2023).

130. Import Demand Behavior of Arab Countries: Recent Trends and Influence of Geopolitical Events // Crown Center for Middle East Studies : [сайт]. – 2010. – Текст : электронный. – URL: https://www.brandeis.edu/economics/RePEc/brd/doc/Brandeis_WP24.pdf. (дата обращения: 02.05.2022).

131. Innovating through tech in the GCC // The Economist Intelligence Unit : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://impact.economist.com/>

perspectives/sites/default/files/eiu_bahrain_edb_report.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

132. IP Cooperation and Harmonisation in the Gulf: A myth or reality? // Tamimi Insights : [сайт]. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://www.tamimi.com/law-update-articles/ip-cooperation-and-harmonisation-in-the-gulf-a-myth-or-reality> (дата обращения: 15.01.2023).

133. Kakicka-Mikolajczyk, A. Towards a New Comprehensive Partnership – Economic and Trade Relations Between the Gulf Cooperation Council and the European Union / A. Kakicka-Mikolajczyk // Wroclaw Review of Law, Administration & Economics. – 2015. – № 2. – P. 18-39. – ISSN 2084-1264.

134. Kazzi, H. Is the Gulf Cooperation Council (GCC) Customs Union a Myth? / H. Kazzi // Asian Journal of Business and Management. – 2017. – № 5. – P. 150-156. – ISSN 2321-2802.

135. Kenen, P. The Optimum Currency Area: An Eclectic View / P. Kenen // American Economic Review. – 1961. – № 4. – P. 41-60. – ISSN 2640-205X.

136. Kim, S.Y. Deep Integration and Regional Trade Agreements / S.Y. Kim // The Oxford Handbook of the Political Economy of International Trade / L.L. Martin. – New York : Cambridge University Press, 2015. – P. 360-379. – ISBN 978-0-19-998175-5.

137. Kozhanov, N. Russia-GCC Economic Relations: When Quality Matters more than Quantity / N. Kozhanov // Insight Turkey. – 2021. – P. 5. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.insightturkey.com/articles/russia-gcc-economic-relations-when-quality-matters-more-than-quantity> (дата обращения: 03.03.2024).

138. Krapohl, S. Games regional actors play: dependency, regionalism, and integration theory for the Global South / S. Krapohl // Journal of International Relations and Development. – 2020. – № 23. – P. 840-870. – ISSN 1408-6980.

139. Kuwait // Observatory of economic complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://оес.world/en/profile/country/kwt> (дата обращения: 01.05.2024).

140. Kuwait records 85.5% jump in trade with Japan // Asian Gulf Business Insight : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.agbi.com/articles/kuwait-records-85-5-jump-in-trade-with-japan/> (дата обращения: 09.01.2023).

141. KWT Steel: Our Ultimate Goal Is to Become a Fully-Integrated Steel Manufacturer // Steel Orbis : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: https://www.steelorbis.com/steel-news/interviews/kwt-steel-our-ultimate-goal-is-to-become-a-fully_integrated-steel-manufacturer-1065742.htm (дата обращения: 09.01.2023).

142. Lawrence, R. Preferential Trading Arrangements: The Traditional and the New / R. Lawrence. – London : Center for Economic Research, 1997. – P. 13-24. – ISBN 1-898128-28-6.

143. Legrenzi, M. Regionalism and Regionalization in the Middle East: Options and Challenges / M. Legrenzi // International Peace Institute. – 2013. – P. 12. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/162758/ipi_e_pub_regionalism_me.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

144. Magazzino, C. Fiscal sustainability in the GCC countries / C. Magazzino // International Journal of Economic Policy Studies. – 2022. – № 16. – P. 389–408. – ISSN 2524-4892.

145. Malik, M. GCC Fiscal Reforms and Labor Market Policies / M. Malik // When Can Oil Economies Be Deemed Sustainable? / G. Luciano. – London : McMillan, 2021. – С. 255-279. – ISBN 978-981-15-5727-9.

146. Malkawi, B. Legal Architecture and Design for Gulf Cooperation Council Economic Integration / B. Malkawi // Journal for Juridical Science. – 2011. – № 36. – P. 58-96. – ISSN 0258-252X.

147. Marinov, E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties / E. Marinov // International Journal of Business and Management. — 2015. – № 3. – P. 22-39. – ISSN 1833-3850.

148. Marinov, E. Economic Integration Theories and the Developing Countries / E. Marinov // Economic Research Institute at BAS, South-East Europe Research Centre. – 2014. – № 3. – P. 164-177. – ISSN 1791-3578. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://mpa.ub.uni-muenchen.de/63310/1/MPRA_paper_63310.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

149. Mattli, W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond / W. Mattli. – Oxford : Cambridge University Press, 1999. – P. 205. – ISBN 978-05-1175-623-8.

150. McKay, J. Regional Financing Arrangements and the Stability of the International Monetary System / J. McKay, U. Volz, R. Wolfinger // Journal of Globalization and Development. – 2011. – № 1. – P. 1-28. – ISSN 1860-0441.

151. McKinnon, R. Optimum Currency Areas / R. McKinnon // American Economic Review. – 1961. – № 4. – P. 717-725. – ISSN 2640-205X.

152. Mishrif, A. Introduction to Economic Diversification in the GCC Region / A. Mishrif // ResearchGate. – 2018. – P. 1-26. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.researchgate.net/publication/322130167_Introduction_to_Economic_Diversification_in_the_GCC_Region (дата обращения: 09.01.2023).

153. Mishrif, A. The GCC's Unsettled Policy for Economic Integration / A. Mishrif // The Muslim World. – 2021. – № 1. – P. 70-95. – ISSN 0027-4909.

154. Mogielnicki, R. Competing Economic Visions in the Gulf / R. Mogielnicki // The Cairo Review of Global Affairs. – 2022. – P. 61-65. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.thecaireview.com/essays/competing-economic-visions-in-the-gulf/> (дата обращения: 01.05.2024).

155. Monetary Union Among Member Countries of the Gulf Cooperation Council // IMF Publications : [сайт]. – 2003. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/nft/op/223/index.htm> (дата обращения: 03.03.2023).

156. Mottaghi, E. Comparative Regionalism, Economic Integration and Security Settlement; Case study: OIC and ASEAN / E. Mottaghi, A.A. Khoy // *Geopolitics Quarterly*. – 2016. – № 4. – С. 117-147. – ISSN 1735-4331.

157. Mundell, R. A Theory of Optimum Currency Areas / R. Mundell // *American Economic Review*. – 1961. – № 4. – P. 657-665. – ISSN 2640-205X.

158. Narwani, S. Iran and the GCC: Prospects for a Grand Reconciliation / S. Narwani // *The Cairo Review of Global Affairs*. – 2021. – P. 7. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.thecaireview.com/essays/iran-and-the-gcc-prospects-for-a-grand-reconciliation/> (дата обращения: 01.05.2024).

159. Next level of business relations between Israel and GCC // *Pulse* : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: https://www.linkedin.com/pulse/next-level-buisines-relation-between-israel-gcc-countries-samuel-shay?trk=pulse-article_more-articles_related-content-card (дата обращения: 01.02.2023).

160. OECD Main Science and Technology Indicators: Highlights on R&D expenditure, March 2021 release // OECD Directorate for Science, Technology and Innovation : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd.org/sti/msti-highlights-march-2021.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

161. Oman // *Observatory of economic complexity* : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://оес.world/en/profile/country/omn> (дата обращения: 01.05.2024).

162. Oman emerges as one of the top exporters of fertilisers // *The Oman Observer* : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.omanobserver.om/article/1137683/business/economy/oman-emerges-as-one-of-the-top-exporters-of-fertilisers> (дата обращения: 14.01.2024).

163. Oman to build the first spaceport in the Middle East // *Middle East Monitor* : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20230118-oman-to-build-the-first-spaceport-in-the-middle-east/> (дата обращения: 03.03.2023).

164. Oman: Market Profile // HKTDC Research : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://research.hktdc.com/en/article/MzU4MDU2MjQy> (дата обращения: 09.01.2023).

165. Oman's gas production to surpass oil by 2023: Rystad // AA Energy : [сайт]. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/lng-lpg/oman-s-gas-production-to-surpass-oil-by-2023-rystad/23753> (дата обращения: 01.05.2024).

166. Optimal Fiscal Strategy for Oil Exporting Countries // IMF Working Papers : [сайт]. – 2000. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2000/wp00118.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

167. Papua New Guinea asks RP support for ASEAN membership bid // GMA News : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gmanetwork.com/news/topstories/nation/154860/papua-new-guinea-asks-rp-support-for-asean-membership-bid/story/> (дата обращения: 22.07.2022).

168. Q1 2022 Quarterly Economic Review // UAE Central Bank : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.centralbank.ae/media/24akqhqi/q1-2022-quarterly-economic-review-en.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

169. Qatar // Observatory of economic complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://oec.world/en/profile/country/qat> (дата обращения: 01.05.2024).

170. Qatar Extends Its Natural Gas Dominance at Russia's Expense // The New York Times : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/09/business/energy-environment/qatar-gas-oil.html> (дата обращения: 03.03.2024).

171. Rahman, O. The emergence of GCC-Israel relations in a changing Middle East / O. Rahman // Brookings Doha Center Publications. – 2021. – P. 11. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL:

<https://www.brookings.edu/research/the-emergence-of-gcc-israel-relations-in-a-changing-middle-east/> (дата обращения: 01.05.2024).

172. Recovering from the dual shock of COVID-19 and the oil price drop: the GCC way // Strategy& : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/covid-19-oil-price-drop-gcc.html> (дата обращения: 03.03.2023).

173. Regional Entity for Clearing and Settlement of Intra-Arab payments to start operation in 2020 in Abu Dhabi // WAM – The Emirates News Agency : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <http://www.wam.ae/en/details/1395302759034> (дата обращения: 09.02.2021).

174. Regional integration and foreign direct investment in developing and transition economies // UNCTAD Secretariat notes : [сайт]. – 2013. – Текст : электронный. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciimem4d2_en.pdf (дата обращения: 09.01.2023).

175. Renewable Energy Markets: GCC 2023 // International Renewable Energy Agency (IRENA) : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.irena.org/Publications/2023/Dec/Renewable-energy-market-analysis-GCC#:~:text=Renewable%20energy%20deployment%20also%20remains,states%20as%20they%20implement%20their> (дата обращения: 27.02.2024).

176. Robson, P. The Economics of International Integration / P. Robson. – London : Routledge, 1998. – P. 350. – ISBN 9-780-4151-4877-1.

177. Russia and Saudi Arabia's Oil Partnership Shows Strain // The New York Times : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/06/07/business/energy-environment/saudi-arabia-russia-oil-opec-plus.html> (дата обращения: 03.03.2024).

178. Salahuddin, M. Economic growth, energy consumption and CO2 emissions in Gulf Cooperation Council countries / M. Salahuddin // Energy. – 2014. – № 73. – P. 44-58. – ISSN 0360-5442.

179. Saudi Arabia and UAE's Rivalry Intensifies in Race for Foreign Investments // The Media Line : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL:

<https://themedialine.org/top-stories/saudi-arabia-and-uaes-rivalry-intensifies-in-race-for-foreign-investments/> (дата обращения: 08.01.2024).

180. Saudi Arabia changes import rules from Gulf in challenge to UAE // Al Jazeera : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/7/5/saudi-arabia-changes-import-rules-from-gulf-in-challenge-to-uae> (дата обращения: 08.01.2024).

181. Saudi Arabia plans \$2 billion boost for space programme by 2030 // Reuters : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-economy-space-idUSKBN27D1ZH> (дата обращения: 03.03.2023).

182. Saudi Arabia, Iran among six nations invited to join BRICS // Al Jazeera : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2023/8/24/saudi-arabia-iran-to-join-brics-as-grouping-admits-six-new-members> (дата обращения: 25.08.2023).

183. Saudi Arabia: Market Profile // HKTDC Research : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://research.hktdc.com/en/article/MzU4MDE3NjI2> (дата обращения: 09.05.2023).

184. Saudi-Iranian Rapprochement Has Failed to Bring De-escalation // Foreign Policy : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/12/saudi-iran-rapprochement-normalization-deal-china-de-escalation-yemen-syria/> (дата обращения: 23.08.2023).

185. Saudis rap neighbours over pacts // Al Jazeera : [сайт]. – 2004. – Текст : электронный. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2004/12/5/saudis-rap-neighbours-over-pacts> (дата обращения: 03.03.2023).

186. Schiff, M. Regional Integration and Development / M. Schiff, L.A. Winters. – Washington DC : The International Bank for Reconstruction and Development, 2003. – P. 342. – ISBN 0-8213-5078-1.

187. Schiff, M. Regional Integration as Diplomacy / M. Schiff, L.A. Winters // The World Bank Economic Review. – 1998. – № 2. – P. 271-295. – ISSN 0258-6770.

188. Sekkat, K. Is There Anything Special with Intra-Arab Foreign Direct Investment? / K. Sekkat // *Journal of Economic Integration*. – 2014. – № 1. – P. 139-164. – ISSN 1225-651X.

189. Sheer, A. A Survey of the Political Economy of Customs Unions / A. Sheer // *Law and Contemporary Problems*. – 1981. – № 44. – P. 33-53. – ISSN 0023-9186.

190. Sim, L.C. Renewable power policies in the Arab Gulf states / L.C. Sim // *Middle East Institute*. – 2022. – P. 3. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.mei.edu/publications/renewable-power-policies-arab-gulf-states> (дата обращения: 01.05.2024).

191. Stephenson, M.L. International Tourism Development and the Gulf Cooperation Council States / M.L. Stephenson, A. Al-Hamarneh. – Abingdon : Routledge, 2022. – P. 288. – ISBN 9-781-0323-3960-3.

192. Tax Policy Reforms in the GCC Countries - Now and How? // *IMF Policy Papers* : [сайт]. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Gulf-Cooperation-Council-GCC-Tax-Policy-Reforms-in-the-GCC-Countries-Now-and-How-PP5009> (дата обращения: 09.01.2023).

193. The Arab Gulf States and Iran: Military Spending, Modernization, and the Shifting Military Balance // *CSIS Publications* : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.csis.org/analysis/arab-gulf-states-and-iran-military-spending-modernization-and-shifting-military-balance>. (дата обращения: 02.03.2024).

194. The Challenges of Drafting Tax Legislation and Implementing a VAT in the GCC // *Aurier Tax Consulting* : [сайт]. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://aurifer.tax/the-challenges-of-drafting-tax-legislation-and-implementing-a-vat-in-the-gcc/?lid=482> (дата обращения: 09.01.2023).

195. The Customs Union // *GCC Secretariat* : [сайт]. – 2001. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAnd>

Achievements/Achievements/EconomicCooperation/TheCustomsUnion/Pages/Practicalproceduresfortheestab.aspx (дата обращения: 14.05.2022).

196. The economic transformation of the Gulf // ResearchGate : [сайт]. – 2016. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/308206449_The_economic_transformation_of_the_Gulf (дата обращения: 10.12.2023).

197. The Economic Unity Agreement Among the Arab League // The United Nations University Institute on Comparative Regional Integration Studies : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: https://web.archive.org/web/20150923211154/http://www.cris.unu.edu/riks/web/treaties/constituent_treaties/19_The_Economic_Unity_Agreement_Among_States_the_Arab_League_establishing_the_Council_of_Arab_EconomicXX3June1957.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

198. The Future of ASEAN Financial Integration Through the Local Currency Settlement Framework // Modern Diplomacy : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/06/18/the-future-of-asean-financial-integration-through-the-local-currency-settlement-framework/> (дата обращения: 22.07.2022).

199. The GCC and the road to net zero // Middle East Institute : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-and-road-net-zero> (дата обращения: 01.07.2024).

200. The GCC Facts and Figures 2022. Market Insights & Strategy // FAB : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bankfab.com/-/media/fabgroup/home/cib/market-insights/macro-strategy-and-economic-update/2022/20220825.pdf?view=1> (дата обращения: 09.01.2023).

201. The GCC post-pandemic: Massive and fast transformation // PWC Publications : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.pwc.com/m1/en/assets/document/gcc-massive-fast-transformation-online.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

202. The GCC railway really should be built (but might not be) // Investment Monitor : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.investmentmonitor.ai/sectors/infrastructure/gcc-railway-built-infrastructure/> (дата обращения: 03.03.2023).

203. The GCC's Tilt Toward Asian Regional Organizations // Gulf International Forum : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://gulrif.org/the-gccs-tilt-toward-asian-regional-organizations/> (дата обращения: 03.03.2024).

204. The Global Enabling Trade Report 2016 // World Economic Forum : [сайт]. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.weforum.org/publications/the-global-enabling-trade-report-2016/> (дата обращения: 01.07.2024).

205. The Monetary Union and Single Currency. // GCC Secretariat : [сайт]. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/TheMonetaryUnionandtheSingleCurrency/Pages/Secondthemonetaryunionrequirem.aspx> (дата обращения: 14.05.2022).

206. The Political Limits of Regional Integration // SWP Research Division Global Issues : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/WP_Political_Limits_Regional_Integration_Dtr_01.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

207. The Unified Economic Agreement Between The Countries Of The Gulf Cooperation Council // World Trade Law : [сайт]. – 1981. – Текст : электронный. – URL: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=fta/agreements/gccfta.pdf&mode=download> (дата обращения: 14.05.2022).

208. There is (No) Room for Democracy: 40 Years of EU-GCC Relations // The New Federalist : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.thenewfederalist.eu/there-is-no-room-for-democracy-40-years-of-eu-gcc-relations?lang=fr> (дата обращения: 03.03.2023).

209. Thompson, M.C. Policy-Making in the GCC: State, Citizens and Institutions / M.C. Thompson, M. Quilliam. – London : Bloomsbury Publishing, 2017. – P. 368 – ISBN 978-17-867-2244-7.

210. Tok, E. The Gulf Cooperation Council states: Crystallization of the regional cooperation and alliances amid dwindling resources / E. Tok // DOMES – Digest of Middle East Studies. – 2021. – № 1. Том 30. – P. 53-69. – ISSN 1060-4367.

211. Towards a strategic partnership – strengthening trade relations between the GCC and EU // GPCA Publications : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gpca.org.ae/2022/07/27/towards-a-strategic-partnership-strengthening-trade-relations-between-the-gcc-and-eu/> (дата обращения: 03.03.2023).

212. Turning point for Gulf national oil companies // MEED : [сайт]. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://www.meed.com/turning-point-for-gulf-national-oil-companies/> (дата обращения: 13.04.2023).

213. Two-thirds of Saudi Arabia's population is under the age of 35 // Gulf Business : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://gulfbusiness.com/two-thirds-of-saudi-arabias-population-is-under-the-age-of-35/> (дата обращения: 14.05.2022).

214. UAE to reduce tariffs on goods from India by 90 percent as CEPA deal boosts trade: Minister of Economy // Arabian Business : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.arabianbusiness.com/politics-economics/uae-to-reduce-tariffs-on-goods-from-india-by-90-percent-as-cepa-deal-boosts-trade-minister-of-economy> (дата обращения: 03.03.2023).

215. UAE: a new place in new world trade? // COFACE Economic Publications : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.coface.com/News-Publications/Publications/UAE-a-new-place-in-new-world-trade> (дата обращения: 09.01.2023).

216. Ulrichsen, K.C. Can the Gulf Cooperation Council Survive the Current Crisis? / K.C. Ulrichsen // Arab Center Washington DC Publications. – 2017. – P. 5.

– ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/can-the-gulf-cooperation-council-survive-the-current-crisis/> (дата обращения: 09.11.2022).

217. Ulrichsen, K.C. Gulf Goes Global: the Evolving Role of Gulf Countries in the Middle East and North Africa and Beyond / K.C. Ulrichsen // FRIDE. – 2013. – № 121 – P. 7-28. – ISSN 2172-5829.

218. Ulrichsen, K.C. Israel and the Arab Gulf States: Drivers and Directions of Change / K.C. Ulrichsen // Baker Institute for Public Policy Publications. – 2016. – P. 15. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/israel-and-arab-gulf-states-drivers-and-directions-change> (дата обращения: 01.05.2024).

219. Ulrichsen, K.C. The United Arab Emirates: Power, Politics and Policy-Making / K.C. Ulrichsen. – Abingdon : Routledge, 2016. – P. 270. – ISBN 9-7811-3881-365-6.

220. UNCTAD Regional Trade Integrations: a Comparative Study the Cases of GAFTA, COMESA, and SAPTA/SAFTA // Academia : [сайт]. – 2008. – Текст : электронный. – URL: https://www.academia.edu/42388827/United_Nations_Conference_on_Trade_and_Development_Virtual_Institute_Research_Material_REGIONAL_TRADE_INTEGRATIONS_A_COMPARATIVE_STUDY_THE_CASES_OF_GAFTA_COMESA_AND_SAPTA_SAFTA_TABLE_OF_CONTENT (дата обращения: 14.05.2022).

221. United Arab Emirates // Observatory of economic complexity : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://oec.world/en/profile/country/are> (дата обращения: 01.05.2024).

222. USDA Grain and Feed Annual Report // USDA-GAIN : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Grain and Feed Annual_Riyadh_Saudi Arabia_SA2023-0002 (дата обращения: 02.03.2024).

223. Viner, J. The Customs Union Issue / J. Viner // American Journal of international law. – 1951. – № 45. – P. 209-211. – ISSN 0002-9300.

224. Will the GCC fall apart? // Al Jazeera : [сайт]. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2017/11/7/will-the-gcc-fall-apart> (дата обращения: 09.11.2022).

225. Wippel, S. Economic Integration from a Country Perspective: Oman in the Gulf Cooperation Council / S. Wippel // BRISMES. – 2012. – P. 1-11. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.researchgate.net/publication/262875724_Economic_Integration_from_a_Country_Perspective_Oman_in_the_Gulf_Cooperation_Council (дата обращения: 28.09.2021).

226. World Bank: Kuwait most dependent on oil revenues among world countries // Middle East Monitor : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20200704-world-bank-kuwait-most-dependent-on-oil-revenues-among-world-countries/> (дата обращения: 09.01.2023).

227. Young, K.E. The Difficult Promise of Economic Reform in the Gulf / K.E. Young // Center for the Middle East. – 2018. – P. 25. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/09/cme-pub-carnegie-young-092618.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

Приложение А
(информационное)

**Результаты теста Йохансена на наличие коинтеграции в основных
макроэкономических показателях стран ССАГПЗ**

Таблица А.1 – Результаты эконометрического теста Йохансена на наличие коинтеграции в макроэкономических показателях стран ССАГПЗ

Тестируемый массив данных	Гипотеза о ранге матрицы	Значение тестовой статистики	$\alpha = 10\%$	$\alpha = 5\%$	$\alpha = 1\%$
I					
Коинтеграция по инфляции в странах ССАГПЗ	$r \leq 3$	5,63	6,50	8,18	11,65
	$r \leq 2$	20,05	12,91	14,90	19,19
	$r \leq 1$	20,88	18,90	21,07	25,75
	$r = 0$	34,65	24,78	27,14	32,14
II					
Коинтеграция по счету текущих операций в странах ССАГПЗ	$r \leq 3$	5,63	6,50	8,18	11,65
	$r \leq 2$	20,05	12,91	14,90	19,19
	$r \leq 1$	20,88	18,90	21,07	25,75
	$r = 0$	34,65	24,78	27,14	32,14
III					
Коинтеграция динамике денежного агрегата M_0 в странах ССАГПЗ	$r \leq 3$	2,36	6,50	8,18	11,65
	$r \leq 2$	5,48	12,91	14,90	19,19
	$r \leq 1$	17,53	18,90	21,07	25,75
	$r = 0$	32,09	24,78	27,14	32,14

Источник: составлено автором.

```
> data_m0 <- M0
> ts_data_2 <- ts(na.omit(data_m0[, c("KSA", "Kuwait", "Oman", "Qatar")]))
> diff_ts_data_2 <- diff(ts_data_2)
> johansen_result <- ca.jo(diff_ts_data_2, ecdet = "none", K = 2, spec = "longrun")
> summary(johansen_result)
```

Источник: составлено автором.

Рисунок А.1 – Пример использованного кода для проведения эконометрического теста в среде R с применением пакета urca